

Книгоиздательство Г. И. Сергьева и В. Е. Чешихина.

341
119

В. А. РЯЗАНОВСКІЙ.

Присяжный поверенный.

О ПОСМЕРТНОМЪ ПРЕЕМСТВѢ
СУПРУГОВЪ
ПО РУССКОМУ ПРАВУ

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Л. Носовичевъ
22. IX. 1914
ЛП

Нижній-Новгородъ.

Типо-Литографія „Нижегородское Печатное Дѣло“.

1914.

Въ настоящемъ очеркѣ авторъ ставитъ задачей изложить основные моменты преемства супруговъ по русскому праву въ ихъ историческомъ развитіи, выяснитъ происхождение института указанной или вдовой доли, установленнаго ст. ст. 1148, 1148^а, 1149—1153, 1154—1155, 1159—1160 т. X, ч. I Зак. Гр. и опредѣлить юридическую природу этого института.

Такимъ образомъ въ настоящей работѣ разсматриваются лишь постановленія общаго русскаго права о преемствѣ супруговъ и совершенно не затрагиваются постановленія мѣстныхъ законодательствъ и специальныхъ правъ, къ разсмотрѣнію коихъ авторъ надѣется вернуться впоследствии.

Вопросъ о юридической природѣ преемства супруговъ раздѣляетъ русскихъ цивилистовъ на два лагеря. Къ одному относятся тѣ изъ нихъ, которые разсматриваютъ преемство пережившаго супруга въ имуществѣ умершаго, какъ право наследованія (напр. Лавровъ, Любавскій, Кавелинъ, Шершеневичъ, Анненковъ, Товстолѣсъ, Змирловъ и др.), ко второму противники перваго взгляда, хотя послѣдніе не вполне сходятся между собою въ опредѣленіи юридической природы этого преемства (Мейеръ, Азаревичъ, Тютрюмовъ, Пахманъ, Лапицкій и др. *). Авторъ на основаніи теоретическихъ соображеній и историческихъ изысканій примыкаетъ ко второй группѣ цивилистовъ и дѣлаетъ попытку обосновать свои взгляды въ настоящей работѣ.

Въ связи съ разрѣшеніемъ вопроса о юридической природѣ посмертнаго преемства супруговъ автору въ догматической части настоящей работы пришлось остановиться на вопросахъ о юридической природѣ преемства родителей въ имуществѣ безплатно умершихъ дѣтей и о юридической природѣ преемства фиска въ выморочныхъ имуществѣхъ. Въ частности по послѣд-

*) Недостаточно опредѣленными представляются намъ взгляды на юридическую природу преемства супруговъ—Побѣдоносцева, Гуляева и нѣкоторыхъ другихъ.

нему вопросу въ нашей литературѣ существуетъ специальная работа проф. Курдиновскаго. Авторъ настоящаго очерка, не соглашаясь съ тѣмъ взглядомъ на юридическую природу выморочнаго права, какой защищаетъ проф. Курдиновскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая слишкомъ выходить за предѣлы поставленной въ настоящей работѣ задачи, останавливается здѣсь на этомъ вопросѣ лишь вкратцѣ, предполагая подробнѣе рассмотреть его отдѣльно.

Недостаточно выясненнымъ представляется автору и вопросъ объ отвѣтственности пережившаго супруга по обязательствамъ умершаго.—По вопросу объ отвѣтственности преемниковъ по долгамъ и обязательствамъ наследодателя въ нашей литературѣ существуетъ специальная работа проф. Кассо. Не соглашаясь съ тѣмъ широкимъ толкованіемъ правила ст. 1259, т. X, ч. I, какое въ своемъ трудѣ проводитъ проф. Кассо, хотя такое толкованіе и придаетъ болѣе стройный и логическій характеръ системѣ отвѣтственности преемниковъ по нашему дѣйствующему праву, авторъ настоящаго очерка посвящаетъ рассмотрѣнію этого вопроса отдѣльную главу.

Кромѣ того, въ особой главѣ разсматриваются отдѣльно постановленія каждой статьи тома X, части I Св. Зак. Гр. о преемствѣ супруговъ по общему праву и практика Правительствующаго Сената.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ отмѣтить, что условія работы въ провинціи не дали возможности въ надлежащей мѣрѣ использовать источники и литературу предмета, что не могло не отразиться на достоинствѣ настоящей работы.

Декабрь 1913 года,
г. Нлжній-Новгородъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Историческій обзоръ.

	Стр.
I. Древній періодъ.	
1. Договоры кievскихъ князей съ греками	1— 3
2. Русская Правда	3— 7
3. Псковская Судная Грамота	8— 10
II. Московскій періодъ.	
1. Судебники	10— 14
2. Развитіе вотчиннаго и помѣстнаго права. Указы государей московскихъ	14— 32
3. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича	32— 35
4. Законодательство Московскаго государства послѣ Уложенія	35— 46
5. Законодательство имп. Юстиніана о квартѣ вдовы	46— 52
6. Византійское право	52— 57
7. Вліяніе византійскаго права на русское	57— 68
8. Итоги	68— 97
III. Петербургскій періодъ.	
1. Единоенаслѣдіе	97—103
2. Законодательство Анны Іоанновны	103—111
3. Послѣдующее законодательство	111—120

Дѣйствующее право.

I. Юридическая природа преемства супруговъ	121—158
--	---------

Successio universalis. Successio universalis hereditaria по римскому праву и современнымъ законодательствамъ. Посмертное преемство восходящихъ. Преемство фиска въ выморочныхъ имуществахъ. Различіе между правомъ на указаную долю и правомъ наследованія, легатомъ и обязательной долей. Юридическая природа посмертнаго преемства супруговъ.

II. Отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ . . . 158—178

Обзоръ источниковъ ст. 1259, т. X, ч. I. Размѣръ отвѣтственности наследника и сингулярныхъ преемниковъ по дѣйствующему праву. Смыслъ отвѣтственности *ultra vires* и *intra vires hereditatis* и отсутствіе единого принципа отвѣтственности въ дѣйствующемъ правѣ. Размѣръ отвѣтственности пережившаго супруга по долгамъ умершаго. Отвѣтственность въ случаѣ выдѣла указанной доли изъ имущества тестя и свекра. Отвѣтственность соразмѣрно полученному имуществу.

III. Толкованіе постановленій дѣйствующаго права о преемствѣ супруговъ. 178—207

Ст. ст. 1148, 1148², 1149—1153, 1154—1155, 1159—1160 т. X, ч. I. Практика

Гр. Касс. Д-та Сената.

Приложенія (къ стр. 62) 209—212

Пособія 213—217

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ.

I. ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ.

1. Договоры Кіевскихъ князей съ Греками.

Древнѣйшими, дошедшими до насъ юридическими памятниками, являются договоры князей Олега (911 г.) и Игоря (945 г.) съ греками. Эти памятники содержатъ, однако, лишь скудныя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу.

Ст. 3 договора Олега съ греками въ Кенигсбергскомъ спискѣ лѣтописи гласитъ ¹⁾: „Аще кто убьетъ или Хрестьянина Русинъ, или Хрестьянинъ Русина, да умретъ, идѣже аще сотворитъ убійство. Аще убѣжитъ сотворивый убійство аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь, яже его будетъ по закону, да возьметъ ближній убійцаго; а и жена убившаго да иметъ толицѣмъ, еже пребудетъ по закону. Ащель есть неимовитъ сотворивый убой, и убѣжитъ, да держится тяжи, дондеже обрящется, да умретъ“.

Въ троицкомъ спискѣ мѣсто о женѣ читается такъ: „а и жена убившаго имѣетъ то, олициѣмъ же пребудетъ по закону“ ²⁾.

Согласно приведеннымъ текстамъ есть основаніе думать, что не все имущество убившаго шло къ ближнимъ родственникамъ (наслѣдникамъ) убитаго, но нѣкоторую часть изъ имущества получала и жена убійцы.

Переводъ означенной статьи (Эверса-Платонова) въ хрестоматіи Владимірскаго-Буданова ³⁾: „Русинъ ли убьетъ Хрестіанина,

¹⁾ „Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку“. Библіотека Россійская историческая, ч. I, изд. 1767 г. при академіи наукъ, стр. 28.

²⁾ Карамзинъ „Исторія Государства Россійскаго“, т. I, прим. 321, изд. Евдокимова.

³⁾ Владимірскаго-Буданова „Хрестоматія по исторіи русскаго права“, т. I, стр. 3, прим. 8.

или Христианинъ Русина, да умереть на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершилъ убійство. Если же убійца скроется, то, буде онъ дозволитъ, да возьметъ ближайшій родственникъ убитого часть убійцы. т. е. какая будетъ ему приходиться по закону; но и жена убійцы да получить часть, какая слѣдуетъ ей по закону. Если же слѣвавший убійство и скрывшійся не имѣетъ собственности; то да остается подъ судомъ доколѣ не отыщется; и въ слѣдъ за симъ да умереть“.

По лаврентьевскому ⁴⁾, ипатскому ⁵⁾, воскресенскому ⁶⁾, софійскому первому ⁷⁾ спискамъ лѣтописи интересующее насъ мѣсто ст. 3—4) читается такъ: „а иже на убившаго (да) имѣетъ толцѣмъ (толицѣмъ) же прибудетъ по закону“. При такомъ чтеніи часть изъ имущества убійцы получаетъ тотъ, кто его поймаетъ: „а иже убившаго имѣетъ (иметь)“.

Нельзя рѣшительно высказаться, которое чтеніе правильнѣе—гѣмъ болѣе, что въ ст. 11 договора Игоря съ греками (по Кенигсбергскому списку), которая составляетъ повтореніе 3 ст. договора Олега—спорное мѣсто совсѣмъ исключено, равно какъ и въ другихъ спискахъ, гдѣ приведенъ договоръ Игоря ⁸⁾.

Что касается собственно наслѣдства, то ему посвящена ст. 10 договора Олега съ греками по Кенигсбергскому списку: „О работающихъ во Грекохъ Руси у Хрестьянскаго Царя: Аще кто умереть, не урядивъ своего имѣнья, или своихъ не имать, да возвратитъ имѣнье къ милымъ ближникамъ въ Русь. Ащель сотворитъ уряженіе, таковой да возьметъ уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье его, и да наслѣдитъ е отъ взирающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ во Греки и одолающихъ“.

Въ другихъ спискахъ—„милые ближники“ замѣнены „малыми ближниками“ ⁹⁾.

Толкованіе означенной статьи договора Олега вызываетъ затрудненія и споры. По нашему мнѣнію, на основаніи недоста-

⁴⁾ „Полное собраніе русскихъ лѣтописей“, изд. арх. ком., т. I, 1, стр. 14: „а иже на убившаго имѣетъ толцѣмъ же прибудетъ по закону“.

⁵⁾ Полн. собр. русск. лѣт., т. I, до стр. 90 текстъ одинаковъ съ лаврентьевскимъ—см. т. I, III, стр. I.

⁶⁾ Полн. собр. русск. лѣт., т. VII „лѣтописи по воскресенскому списку“, стр. 274: „а иже на убившаго да имѣетъ толицѣмъ же пребудетъ по закону“.

⁷⁾ Полн. собр. русск. лѣт., т. V, софійская первая лѣтопись, стр. 95.

⁸⁾ См. Полн. собр. русск. лѣт. лаврентьевскій списокъ, т. I, 1, стр. 22, во воскресенскій, т. VII, стр. 281, софійскій первый, т. V, стр. 101.

⁹⁾ См. напр. лаврентьевскій списокъ Пол. собр. русск. лѣт., т. I, 1, стр. 15

точно яснаго текста этой статьи, хотя бы и путемъ сравненія ея съ греческими, скандинавскими и древне-русскими законами о наслѣдствѣ—нельзя придти къ опредѣленному выводу о ея содержаніи: о томъ, кому отдается имущество лица умершаго на чужбинѣ, т. е. кого подразумѣваетъ договоръ подъ именемъ „своихъ“, кому за неимѣніемъ своихъ возвращается оно въ Русь, кто именно „милые или малые ближники“, о которыхъ говоритъ договоръ ¹⁰⁾.

Такимъ образомъ договоры князей съ греками не даютъ намъ необходимаго матеріала для опредѣленныхъ выводовъ о положеніи вдовы въ семьѣ послѣ смерти мужа.

2. Русская Правда ¹¹⁾.

Нашимъ важнѣйшимъ древнимъ юридическимъ памятникомъ является Русская Правда, которая представляетъ собою, первый по времени сборникъ дѣйствующаго права на Руси. Въ качествѣ прямого или субсидіарнаго источника дѣйствующаго права Русская Правда имѣла широкое распространеніе, какъ въ сѣверныхъ такъ и южныхъ русскихъ областяхъ и оказала несомнѣнное вліяніе за предѣлами Руси—на законодательство родственнаго литовско-русскаго государства. Русская Правда содержитъ очевидныя черты внутренняго сходства съ законодательными памятниками славянскихъ государствъ, напр. съ знаменитымъ „Законникомъ“ Стефана Душана, а также и съ кодексомъ литовско-русскаго права, Литовскимъ Статутомъ и др. ¹²⁾. По сво-

¹⁰⁾ См. по этому вопросу—Вѣляевъ: „О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича“ изд. 1858 г., стр. 9 и др., Никольскій: О началахъ наслѣдованія въ древн. русск. правѣ изд., 1859 г., стр. 211 и др., Владимірскій-Будановъ: Обзоръ исторіи русскаго права, IV изд., стр. 485, Неволинъ: Собр. соч. т. III, § 38 и т. V, § 507, Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, изд. 4, прилож., стр. 626 и сл., Кавелинъ: „Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія“. Собр. соч. изд. 1900 г., т. IV, стр. 547—549, Дьяконовъ—„Очерки общественаго и государственнаго строя древней Руси“, I, стр. 16 и сл., Дарестъ—Изслѣдованія по исторіи права, стр. 187.

¹¹⁾ Мы будемъ цитировать Русскую Правду по Карамзинскому списку „О уставѣ великаго князя Ярослава Владиміровича о судѣхъ. Соудъ о доушегубствѣ. Правда Русская“. Напечатанъ у Карамзина—„Истор. Госуд. Росс.“, т. II, прим. 65, у Владимірско-Буданова—Хрестоматія по Ист. Русск. Права, т. I.

¹²⁾ Ср. напр. указанія Зигеля въ его изслѣдованіи „Законникъ Стефана Душана“, изд. 1872 г., Леонтовичъ „Русская Правда и Литовскій Статутъ“ Кіевскія универ. извѣстія 1865 г., Скипскій „Невѣнованныя вловы по Литовскому Статуту“—Журналъ Мин. Юст. 1907 г. 7., Станиславскій: „Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнихъ памятникахъ русскаго законодательства“, въ юридич. сборникѣ Мейера стр. 185, 189, 207.

му происхождению Русская Правда представляет частный сборникъ, составленный и дополняемый на протяжении нѣсколькихъ звѣковъ (глав. образ. XI—XIII), содержащій общія законоположенія князей великихъ и удѣльныхъ, ихъ судебныя рѣшенія по частнымъ вопросамъ, нѣкоторые мѣстные законы и административныя распоряженія и нормы русскаго обычнаго права. Нѣкоторые постановленія Русской Правды напоминаютъ постановленія права германскаго, что можетъ быть объяснено аналогичнымъ развитіемъ правовыхъ положеній у народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени культурнаго развитія, а отчасти вліяніемъ варяжскихъ элементовъ и непосредственными торговыми сношеніями русскихъ съ нѣмцами, въ большой степени на постановленіяхъ Русской Правды сказывается вліяніе права византійскаго, но то и другое вліяніе преломляется здѣсь сквозь призму русскаго обычнаго права, которое остается основнымъ фономъ этого замѣчательнаго памятника¹³⁾.

Не имѣя возможности въ предѣлахъ нашей задачи болѣе подробно останавливаться на общемъ значеніи юридическихъ памятниковъ, мы перейдемъ непосредственно къ области наследственнаго и семейнаго права.

Порядокъ наследованія въ Русской Правдѣ различается по классамъ населенія. Такъ, если смердъ умретъ „безъ дѣти“, т. е. безъ дѣтей мужскаго пола, то имущество становится выморочнымъ и идетъ къ князю, при этомъ если есть незамужнія дочери, то онѣ получаютъ часть изъ имущества отца („то дати часть на ня“), замужнія же дочери не получаютъ части, очевидно потому, что получили каждая свою часть (выдѣль) при выходѣ замужь¹⁴⁾. У бояръ же и боярской дружины при неимѣннн сы-

¹³⁾ См. Рейцъ: „Опытъ исторіи російскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“, изд. 1836 г., примѣчанія проф. Морошкина, стр. 391 и слѣд., Калачевъ: „Предварит. юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“ въ особ. отд. IV, Владимірскій-Будановъ: „Обзоръ исторіи русскаго права“, изд. 1905 г., стр. 95—97, Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, изд. 4, стр. 553 и сл., Дьяконовъ—„Очерки“, I стр. 40 и сл., Вѣляевъ: „Лекціи по исторіи русскаго законодательства“, 1888 г. стр. 175 и сл.

¹⁴⁾ Ст. 103 Р. Пр. Ср. Невольнъ, т. V, § 508, стр. 342, Никольскій, ук. соч. стр. 359, Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, изд. 4, стр. 489—490., Пахманъ, Исторія кодиф., I, стр. 216. Другіе, какъ напр. Сергѣевичъ—Лекціи и изслѣд., изд. 4, стр. 557—558 и Дебольскій—„Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка“, стр. 121, полагаютъ, что подъ словомъ дѣти въ ст. 103 Р. Пр. нужно понимать сыновей и дочерей. Мы считаемъ правильнымъ первое

новой дочь—наслѣдница, наоборотъ, если есть сыновья, дочь — не наслѣдница послѣ отца („то той задницы не имати“), но братья должны выдать ее замужь „како си могоуть“¹⁵⁾. Вообще же непосредственными наслѣдниками являются сыновья¹⁶⁾. Если останется вдова, то она не является наслѣдницей („а задница ей (ея) мужья не надобѣ“). Она получаетъ то, что предоставили ей мужь („что на ню мужь возложилъ“ 106 ст., „что ей далъ мужь“ ст. 113). Если же мужь не надѣлилъ жену при жизни или ничего не назначилъ ей по завѣщанію, то жена получаетъ часть, которая отнимается, выдѣляется изъ всего имущества, идущаго къ дѣтямъ, но лишь при условіи, если она „сядетъ по моужю“ или „оборчется сидѣти по моужь“, т. е. останется вдовой¹⁷⁾. Слѣдовательно, если она выйдетъ впоследствии вторично замужь, то

имѣніе. Если подъ дѣтми въ ст. 103 подразумѣвать, какъ сыновей, такъ и дочерей, то очевидно, тѣ и другія должны призываться къ наследованію въ равныхъ доляхъ. Въ такомъ случаѣ законодателью незачѣмъ было дальше спеціально оговаривать права незамужнихъ дочерей: при братьяхъ онѣ получаютъ равную съ ними долю, безъ нихъ все имущество. Между тѣмъ Русская Правда назначаетъ дочерямъ безъ братьевъ не все имущество отца, а лишь извѣстныя „части“. Значитъ, дочери не являлись такими же наслѣдницами, какъ сыновья, слѣдовательно, допущенное предположеніе о равенствѣ тѣхъ и другихъ неверно. Логически правильнѣе объясняетъ содержаніе ст. 103 первое толкованіе. Оно и болѣе соответствуетъ духу нашего древняго права. Кромѣ того, при противоположномъ толкованіи ст. 103 слишкомъ рѣзкой является разница въ наследованіи дочерей: въ одномъ случаѣ онѣ наследуютъ наравнѣ съ братьями въ другомъ при братьяхъ совершенно не наследуютъ. Разница эта представляется необъяснимой при слабой дифференціаціи общественныхъ классовъ той эпохи. При нашемъ же толкованіи разница заключается лишь въ томъ, что дочери смердовъ безъ братьевъ получаютъ не все им-во отца (какъ въ другихъ классахъ населенія), а лишь извѣстныя доли изъ него. Остальное имущество идетъ къ князю. Эта разница находитъ свое объясненіе въ болѣе зависимомъ отъ князя положеніи смерда по сравненію съ прочими классами населенія.

¹⁵⁾ Ст. ст. 104 и 107 Р. Пр. Ср. ст. 43 Законника Стефана Душана по Раванницкому списку „Вгда умретъ властелинъ конъ богатъ то оружие его да есть царю, а свѣте и бисері и златіи пояси и ино стежаніе сыновомъ его, аще лі не имат сына, а имат дщере, да суть воли си тм дщере плі продати плі кому отдати свободно да есть“ (Флоринскій „Памятники законодательной дѣятельности Душана царя сербовъ и грековъ“ прил. III).

¹⁶⁾ Ст. 105 Русской Правды.

¹⁷⁾ Ст. 106. „Аще жена сядетъ по моужю, то дати ей часть, а оу своихъ дѣтей взяти часть, а что на ню мужь възложилъ, тому же есть госпожа, а задница ей мужья не надобѣ; боудутъ ли дѣти, то что первой жены, то то възмоутъ, дѣти матери своей, либо си на женоу боудеть възложитъ, обаче матери своей възмоутъ“.

должна возвратить выдѣленную ей часть имущества дѣтямъ. Если же растратитъ имущество и выйдетъ замужъ, то должна все платить дѣтямъ. Мать-вдова по своему желанію можетъ остаться съ дѣтьми, хотя бы и противъ ихъ воли, въ общемъ нераздѣльномъ имуществѣ, сохраняя свою долю, и въ силу родительской власти является полновластной распорядительницей общаго хозяйства пожизненно или до вторичнаго замужества¹⁸⁾ и въ правѣ аспорядиться своей долей по усмотрѣнію¹⁹⁾. Въ томъ случаѣ, когда вдова, имѣющая отъ перваго брака малолѣтнихъ дѣтей, выйдетъ вторично замужъ, то малолѣтніе съ ихъ имуществомъ отдаются подѣ опеку ближняго родственника. Мѣсто такого опекуна можетъ занять и вотчимъ „аще же и отчимъ приметъ съ адницею дѣтей“²⁰⁾. Если же въ семьѣ окажутся дѣти и отъ втораго брака, то тѣ и другіе наследуютъ раздѣльно, каждый послѣ своего отца. Если же вотчимъ растратитъ имущество пасынокъ и умретъ, то его дѣти-наследники должны возвратить растратенное своимъ единоутробнымъ братьямъ (ст. 115)²¹⁾.

Въ ст. 115 мы видимъ зародышъ идеи объ отвѣтственности наследниковъ за долги наследодателя въ видѣ отвѣтственности дѣтей, получившихъ наследство, за имущественный вредъ причиненный дѣйствіями отца-наследодателя. Характеръ этой отвѣтственности и размѣръ ея точнѣе не опредѣлены.

Такимъ образомъ по Русской Правдѣ наследниками послѣ умершаго отца семейства являются сыновья, у бояръ и дружины при немѣнни сыновей—и незамужнія дочери. При отсутствіи казанныхъ наследниковъ имущество становится выморочнымъ. Право жены на имущество, оставшееся послѣ мужа, ни дѣ въ Русской Правдѣ не приравнивается къ такому же праву сыновей, какъ напр. это постановлено относительно правъ доче-

¹⁸⁾ Ст. 113. „Аще жена оборчется сидѣти по мужъ, а ростяруетъ добытокъ, поидеть за мужъ, то платитъ ему (ей) все дѣтемъ, не хотѣти ли ей начьуть дѣти ни на дворѣ, а она начнетъ всяко сидѣти восхоцеть зъ дѣтми, то говоритъ всякоу волю ея, а дѣтемъ не дати воли: но что ей даль мужъ съ ъмъ же ей и сидѣти съ дѣтми, или свою часть вземши сидитъ же“.

¹⁹⁾ Ст. ст. 114 и 116.

²⁰⁾ Ст. ст. 111—112.

²¹⁾ Ст. 115. „Оже боудеть двою мужи дѣти, а одной матери, но онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего отца; боудеть ли что потерялъ своего иноима, а онѣхъ отца, а оумреть, то възварити (взворотити) брату, нанъ иже юдие възвоутъ, что боудеть ростереть отецъ его иночмя, а что ему своего отца, то держитъ“.

рей въ ст. 104. Вдова приобретаетъ право пользованія имуществомъ мужа въ качествѣ главы семьи при сохраненіи общаго съ дѣтьми хозяйства или же получаетъ нѣкоторую часть имущества мужа, размѣръ коей въ Русской Правдѣ не указанъ, если остается и пока остается вдовой, т. е. не въ качествѣ наследства, а правильнѣе въ качествѣ выдѣла на содержаніе²²⁾.

Какъ великъ размѣръ вдовой доли? Въ Русской Правдѣ доля вдовы называется частью, равно, какъ и доли дѣтей (ст. 106), въ частности также называется и доля дочери (ст. 103). Въ Псковской Судной Грамотѣ то же названіе носить и наследственная доля сына (ст. 93). Никакого указанія на количественное или качественное различіе между этими долями—дѣтей и матери—ни въ Русской Правдѣ, ни въ Псковской Судной Грамотѣ не содержится. Отсюда необходимо придти къ заключенію, что по древнему русскому праву часть, слѣдующая вдовѣ изъ имущества умершаго мужа при наличности дѣтей отъ брака съ нимъ, равнялась части каждаго изъ дѣтей²³⁾.

Что касается правъ мужа на имущество, оставшееся послѣ жены, то прямого указанія для разрѣшенія этого вопроса въ Русской Правдѣ мы не находимъ. Но изъ содержанія ст. 106 съ большою вѣроятностью можно вывести заключеніе, что мужъ послѣ смерти жены остается главою семьи, владѣетъ и распоряжается имуществомъ, оставшимся послѣ умершей, пожизненно. Именно, согласно ст. 106 мать-вдова получаетъ свою часть изъ имущества мужа, если же были дѣти отъ первой жены, они получаютъ имущество своей матери („боудуть ли дѣти, то что первой жены, то то възмоутъ дѣти матери своеи“). Слѣдовательно, до смерти отца имущество ихъ матери—первой жены находилось въ его управленіи.

Изложенные выводы подтверждаются содержаніемъ другого важнаго памятника древней Руси—Псковской Судной Грамоты, которая содержитъ и больше нормъ матеріальнаго права, сравнительно съ Русской Правдой.

²²⁾ Ср. Владимірскаго-Буданова: „Обзоръ исторіи русскаго права“, изд. IV, стр. 498, Никольскій: О началахъ наследованія въ древн. русскомъ правѣ, стр. 354—355 и др., Кавелинъ: Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наследованія—Собр. соч. 1900 г. т., IV, стр. 553—555, Сергѣевичъ: Лекція и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, изд. 4, стр. 568—569 и др.

²³⁾ Ср. Эклога tit. 2. § 7.

3. Псковская Судная Грамота ²⁴⁾.

Псковская Судная Грамота есть официальный сборник законовъ, утвержденный псковскимъ вѣтемъ. Въ основаніе его положены княжескіе уставы и главнымъ образомъ обычное право. Грамота въ дошедшей до насъ редакціи образовалась не сразу на одномъ вѣтѣ 1397 г., какъ указано въ ея заголовкѣ, а была восполнена, быть можетъ, не одинъ разъ въ XV столѣтіи (приблизительно въ предѣлахъ 1397—1467 гг.).

Въ Русской Правдѣ нѣтъ specialнаго термина, соответствующаго современному понятію наследника. Въ Псковской Судной Грамотѣ для обозначенія наследника встрѣчается терминъ „приказникъ“ (ст. 14), но терминъ этотъ обозначаетъ лишь наследника по завѣщанію. Для опредѣленія наследника по закону, какъ и въ Русской Правдѣ, здѣсь преобладаютъ описательныя выраженія.

Въ числѣ лицъ, имѣющихъ право на имущество умершаго, указаны въ Псковской Судной Грамотѣ слѣдующіе лица: отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра, ближнее племя (ст. 15) жена, дѣти, братъ, племя (84), иное племя (86, 90). Изъ этого перечня видно, что по Псковской Судной Грамотѣ кругъ родственниковъ, призываемыхъ къ наследованію, сравнительно съ Русской Правдой значительно расширился. Кромѣ дѣтей здѣсь призываются отецъ, мать и боковые родственники, и при томъ не только ближайшіе боковые родственники—братья и сестры, но и болѣе дальніе: „иное племя“.

Какія права по Псковской Судной Грамотѣ получаетъ мужъ на имущество умершей жены и вдова на имущество мужа? Совершенно ясный и опредѣленный отвѣтъ содержится въ ст.ст. 88 и 89 Грамоты, посвященныхъ специально этому вопросу.

„А оу котороу челоуѣка помреть жена, безъ рукописанія, а оу ней останется отчина, ино мужу ея владѣти тою отчиною до своего живота, толко не оженится, а оженится, ино кормли ему нѣтъ“ (88).

„А оу которой жены мужъ помреть, безъ рукописанія, и останется отчина, или животь, ино женѣ его кормится до своего живота, только не поидеть за мужъ, а поидеть за мужъ, ино ей нѣтъ“ (89).

Приведенныя статьи не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что

²⁴⁾ Цит. текстъ, приведенный въ Хрестоматіи Владимірскаго-Вуданова, т. I.

Псковская Судная Грамота призываетъ пережившаго супруга къ пожизненному или временному до второго брака пользованію недвижимымъ имѣніемъ умершаго. Цѣль этого пользованія—обеспечить существованіе оставшагося вдовымъ супруга: „кормля“.

Вдова владѣетъ пожизненно или до выхода замужъ какъ недвижимымъ, такъ и движимымъ имуществомъ мужа (89). То же самое право имѣетъ, очевидно, и мужъ послѣ жены. Хотя въ ст. 88 и говорится только о правѣ его на пожизненное владѣніе недвижимостью умершей жены, однако изъ содержанія ст. 90 Грамоты видно, что вдовецъ долженъ возратить платьѣ жены умершей ея роднѣ, если вступаетъ вторично въ бракъ. Слѣдовательно, до вступленія во второй бракъ онъ владѣетъ этой движимостью жены и даже можетъ прожить ее, такъ какъ обязанъ возратить лишь то, что осталось.

Постановленія Псковской Судной Грамоты относительно отвѣтственности за долги наследодателя значительно шире постановленій Русской Правды.

Отвѣтственность за долги умершаго падаетъ на всѣхъ, получившихъ его имущество по завѣщанію или закону. Наследники пріобрѣтаютъ право искать движимое имущество наследодателя изъ чужого владѣнія, равно какъ и отвѣчаютъ по такимъ искамъ (ст. 14, 15). Если умереть изорникъ, не оставившій ни жены, ни дѣтей, ни боковыхъ родственниковъ, то хозяинъ имѣетъ право обратитъ взысканіе за покруту на имущество умершаго, продать его и удовлетворитъ свои требованія по обязательству умершаго (84). Если же послѣ умершаго изорника останутся жена и дѣти, то они, хотя бы и не участвовали въ записи о покрутѣ, должны отвѣчать по обязательству изорника (ст. 85). Если же имущество изорника послѣ его смерти получаетъ братъ или другіе боковые родственники—то они и отвѣчаютъ за покруту (ст. 86). Въ случаѣ, когда старшій и младшій братья владѣютъ общимъ на слѣдственнымъ имуществомъ и кто-нибудь предъявитъ требованіе за долгъ отца, а записи на отца не будетъ, то старшій братъ призывается къ присягѣ, и долгъ платится изъ общаго имущества, а остатокъ его дѣлится (ст. 94).

Изъ содержанія указанныхъ статей Псковской Судной Грамоты видно, что отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ наследодателя вообще связана съ полученіемъ послѣ него имущества (ст.ст. 14 и 15). Но жена и дѣти изорника (арендато-

ра) отвѣчаютъ по его обязательству о покрутѣ (арендѣ земли), повидимому, независимо отъ полученія послѣ умершаго имущества (85).

II. МОСКОВСКИЙ ПЕРІОДЪ,

I. Судебники.

Обращаясь къ дальнѣйшему развитію наслѣдственнаго преемства, мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на московскомъ періодѣ исторіи, такъ какъ въ этотъ именно періодъ получили свое развитіе тѣ юридическія нормы, которыя являются основаніемъ нашего дѣйствующаго наслѣдственнаго права.

По мѣрѣ объединенія Руси подъ властью московскихъ великихъ князей создавалась необходимость не только въ единообразіи управленія, но также въ единообразіи отправленія правосудія и въ приведеніи въ систему дѣйствующаго въ различныхъ областяхъ государства процессуальнаго и матеріальнаго права.

Посильному удовлетворенію указанной назрѣвшей потребности и служили судебники великаго князя Ивана Васильевича 1497 г. ²⁵⁾, царя Ивана Васильевича 1550 г. ²⁶⁾ и проектъ судебника царя Феодора Иоанновича 1589 г. ²⁷⁾.

Для уясненія занимающаго насъ вопроса первые два судебника не представляютъ большого интереса. Они совершенно не касаются новаго характера и порядка наслѣдованія, который начинаетъ развиваться въ Московской Руси на почвѣ своеобразнаго развитія недвижимой собственности.

Ст. 60 великокняжескаго судебника и 92-я царскаго въ одинаковыхъ выраженіяхъ опредѣляютъ порядокъ и кругъ наслѣдниковъ. Эти наслѣдники—сынъ, дочь, ближніе родичи.

„А которой человекъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли (взяты) дочери, а не будетъ у него дочери, ино взяты ближнему отъ его рода“.

О женѣ и ея правахъ на имущество мужа совершенно не упоминается. Чѣмъ можетъ быть объяснено это молчаніе? Быть можетъ, тѣмъ, что вдова по древне-русскому обычаю оставалась

²⁵⁾ Напеч. А. И. т. I, № 105. Хрестоматія Владимирскаго-Буданова, т. II.

²⁶⁾ Напеч. А. И. т. I, № 153; тамъ же.

²⁷⁾ Судебникъ царя Феодора Иоанновича 1589 г., изданіе комиссіи печатанія государ. грамотъ и договоровъ 1900 г.

по смерти мужа главой семьи и управляла до своей смерти общимъ хозяйствомъ? Быть можетъ, тѣмъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, что вдовья доля въ наслѣдствѣ опредѣлялась духовными судами на основаніи греко-римскихъ законовъ. Последнее для эпохи судебниковъ, какъ общее правило, едва ли справедливо. По судебникамъ (ст. 59 великокняжескаго и 91 царскаго) подсудны церковному суду лишь вдовы-сироты, „которые питаются отъ церкви божіи,—ино ихъ судити святителю или его судіямъ“. „А которая вдовица питается не отъ церкви божіи, а живетъ своимъ домомъ, ино тотъ судъ не святительской“ (91 ст. ц. с.). Если же принять во вниманіе, что въ данномъ случаѣ мы можемъ встрѣтиться съ подсудностью по роду дѣлъ: дѣла о наслѣдствѣ подлежатъ вѣдѣнію церковнаго суда и относятся къ компетенціи свѣтскаго суда лишь альтернативно, а не безусловно (что для разсматриваемой эпохи допустимо), то въ такомъ случаѣ является непонятнымъ и страннымъ, почему только наслѣдованіе вдовъ совсѣмъ устраняется изъ компетенціи свѣтскаго суда и относится исключительно къ вѣдѣнію суда церковнаго и почему объ этомъ совершенно умалчиваютъ судебники. Между прочимъ Неволинъ ²⁸⁾ указываетъ, что постановленія судебниковъ по данному вопросу почти отъ слова до слова сходны съ тѣмъ извлеченіемъ изъ Моисеевыхъ законовъ о наслѣдованіи, которое обыкновенно помѣщалось въ кормчихъ книгахъ, и могли быть заимствованы оттуда. Если дѣйствительно руководящимъ началомъ для редакціи 60 и 92 ст.ст. судебниковъ служили законы Моисеевы, которые устраняютъ вдову отъ наслѣдованія въ имуществѣ мужа, то вполне понятно, почему о вдовѣ и ея наслѣдственныхъ правахъ совершенно не упоминаютъ судебники. Ея положеніе, очевидно, регулировалось лишь обычаемъ, согласно которому вдова при дѣтяхъ, пока оставалась во вдовствѣ, являлась распорядительницей общаго хозяйства, управляла домомъ и завѣдывала всѣмъ движимымъ имуществомъ, оставшимся послѣ умершаго.

Подтвержденіе послѣднему мы и находимъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ этой эпохи ²⁹⁾.

Болѣе интересными являются постановленія, содержащіяся въ проектѣ Судебника царя Феодора Иоанновича 1589 г. Этотъ

²⁸⁾ Неволинъ Собр. соч., т. V, § 510. Ср. Печатной Кормчей главу 45, 10.

²⁹⁾ Ср. А. Ю. №№ 411, 409—I, 427, а также 409—IV, VI, 410, 414, 416, 426 и др.

Судебникъ сравнительно съ предшествующими содержитъ больше нормъ матеріальнаго права вообще и въ частности въ изслѣдуемой нами области. По мнѣнію проф. Ключевскаго ³⁰⁾—новыя матеріальныя нормы Судебника царя Феодора Иоанновича воспроизводятъ главнымъ образомъ постановленія обычнаго права.

Ст. 190 Судебника царя Феодора Иоанновича опредѣляетъ кругъ наслѣдниковъ такъ же, какъ и ст. 92 Судебника царя Ивана Васильевича и представляетъ почти дословное ея повтореніе.

„А которой члкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сна, ино статки все и землю дочери; а не будетъ дочери, ино взяти отъ ближнего роду отъ оца или отъ материна“.

Постановленіе ст. 190 просто и понятно: наслѣдникъ—сынъ, его нѣтъ—дочь, дальше ближайшій родичъ по отцу или матери.

Но содержаніе статьи 227, повидимому, говоритъ противъ правильности установленнаго выше порядка наслѣдованія по Судебнику царя Феодора Иоанновича. „А кои члкъ умретъ, а у него останутца дети, и захотятъ оне межъ собою делитися, ино колко ихъ братовъ и сестеръ, ино имъ делити животъ по вытнѣ: дочери та же вытнѣ, что сыну. А по отце межъ ихъ делъ, а по матери межъ ихъ делу нетъ и во веки, и зъ дядею по отцеву делныхъ нетъ“.

Изъ постановленія ст. 227 можно сдѣлать выводъ, что сестры наслѣдовали по Судебнику Феодора Иоанновича не послѣ, а наравнѣ съ братьями. Исходя изъ такого толкованія ст. 227 и придавая содержанію этой статьи рѣшающее значеніе, нетрудно сдѣлать выводъ, что ст. 190 предусматриваетъ случай не наслѣдованія вообще, а наслѣдованія сестеръ безъ братьевъ, ст. же 227 наслѣдованія сестеръ при наличности братьевъ.

Такое толкованіе постановленій Судебника царя Феодора Иоанновича о порядкѣ наслѣдованія нисходящихъ намъ кажется неправильнымъ. Статья 190 этого судебника не заключаетъ въ себѣ новой нормы, а повторяетъ постановленія ст.ст. 60 великокняжескаго и 92 царскаго судебниковъ. Относительно этихъ послѣднихъ постановленій у изслѣдователей не существуетъ сомнѣнія въ томъ, что указанныя постановленія опредѣляютъ порядокъ наслѣдованія вообще и призываютъ дочерей къ наслѣдованію послѣ сыновей. Слѣдовательно и ст. 190 лишь повторяетъ

³⁰⁾ См. указ. изд. Суд. стр. XXXIV.

тѣ же положенія. Кажущееся противорѣчіе ея съ правиломъ ст. 227, намъ думается, объясняется слѣдующимъ образомъ. Ст. 190 предусматриваетъ тотъ случай, когда дѣти послѣ смерти отца—по господствовавшему въ древней Руси обычаю—не дѣлятся, а живутъ общимъ домомъ. Тогда наслѣдниками являются сыновья, но на нихъ лежитъ обязанность кормить и содержать сестеръ и выдать ихъ замужъ. Статья же 227 предусматриваетъ случай семейнаго раздѣла между дѣтьми. Если дѣти будутъ дѣлиться въ имуществѣ отца, то законъ заботится объ участи сестеръ и назначаетъ имъ равную долю съ братьями въ животахъ, т. е. въ движимости умершаго. Въ недвижимостяхъ же наслѣдуютъ одни сыновья.

Норма ст. 227, повидимому, заимствована изъ обычнаго права.

Судебникъ царя Феодора Иоанновича содержитъ и специальное постановленіе о преемствѣ вдовы.

Ст. 193 гласитъ: „А кои члкъ умретъ, а у него дети не останутца зъ женою, и жене его приданое взяти, а сверхъ того полетное имати—по две гривны на годъ“.

Приданое возвращается женѣ, это также норма обычнаго права. Но кромѣ приданаго Судебникъ назначаетъ женѣ полѣтное—по двѣ гривны въ годъ. Что это такое? Для чего назначается полѣтное? Очевидно, полѣтное не что иное, какъ денежная сумма, которую должны платить ежегодно наслѣдники изъ имущества умершаго на содержаніе его вдовы. Если наслѣдниками являются дѣти вдовы, постановленіе ст. 193 излишне: на дѣтяхъ и безъ этого постановленія лежитъ обязанность содержать мать. Но, когда наслѣдниками являются не дѣти вдовы отъ брака ея съ умершимъ, а другіе родственники умершаго, то законъ устанавливаетъ норму содержанія, на которую имѣетъ право вдова: 2 гривны въ годъ. Этимъ постановленіемъ законъ обезпечиваетъ содержаніе вдовы изъ имущества мужа, ея прожитокъ, несомнѣнно до тѣхъ поръ, пока она въ глазахъ закона нуждается въ такомъ содержаніи, т. е. пожизненно или до выхода вновь замужъ.

Постановленіе ст. 193 указываетъ намъ, что законодательство Московскаго государства начинаетъ входить въ положеніе бездѣтныхъ вдовъ и принимаетъ мѣры къ обезпеченію ихъ положенія. Очевидно, этотъ вопросъ приобретаетъ большое жизненное значеніе.

Судебникъ Феодора Иоанновича содержитъ также постановленіе относительно приданаго.—Въ случаѣ смерти дочери, за которой было дано приданое (повидимому, статья Судебника подразумѣваетъ недвижимость), дитя умершей—наслѣдникъ въ приданомъ („дѣтя водчинникъ“). Если же послѣ умершей не останется дѣтей, приданое возвращается отцу ея, давшему приданое (ст. 192).

2. Развитие вотчиннаго и помѣстнаго права. Указы государей московскихъ.

Одновременно съ законодательствомъ Судебниковъ и Стоглава начинается развиваться вотчинное и помѣстное владѣніе землею, составляющее характерную особенность поземельныхъ отношеній Московской Руси и нашего права собственности на недвижимость вообще.

Зародившись въ XIV и XV вѣкѣ вотчинное и помѣстное землевладѣніе достигаетъ своего высшаго развитія въ 17 вѣкѣ и постепенно утрачивая присущія ему черты публичнаго характера, превращается мало-помалу въ право частной собственности на недвижимость. Однако, и до настоящаго времени, какъ пережитки старины,—часто непонятные и необъяснимые съ точки зрѣнія современнаго общественнаго развитія и гражданскаго оборота—въ нашемъ законодательствѣ сохраняются нѣкоторыя существенныя черты указаннаго порядка. Ими проникнуты постановленія X тома о правахъ вещныхъ, въ особенности на недвижимость. Онѣ находятъ себѣ пріютъ въ наслѣдственномъ правѣ, въ частности въ постановленіяхъ о наслѣдованіи женщинъ и о преемствѣ супруговъ другъ послѣ друга.

Въ виду послѣдняго и въ интересахъ нашей специальной задачи необходимо вкратцѣ коснуться развитія вотчиннаго и помѣстнаго права.

„Слово вотчина, или, точнѣе, отчина, встрѣчающееся въ древнѣйшихъ памятникахъ русской писменности, по грамматическому своему происхожденію означаетъ имущество отцовское, имущество, которымъ владѣлъ отецъ известнаго лица, имущество, которое дошло къ известному лицу отъ отца“ (Неволинъ)—Слово отчина всегда и вездѣ значитъ наслѣдственное владѣніе, принадлежность земли отцу, вслѣдствіе которой на нее получаетъ право и сынъ. Такое наслѣдственное право на землю

именно и лежитъ въ основаніи понятія о земельной собственности, почему всякая земельная собственность называется вотчиною“ (Чичеринъ). При чемъ этимъ наименованіемъ—замѣтимъ мы—обозначается какъ владѣніе на правѣ публичнаго, государственнаго характера, такъ и владѣніе на правѣ частной собственности. Такое смѣшеніе понятій легко объяснимо, такъ какъ даже въ Московской Руси поздно установилось юридическое разграниченіе между государственной и частной (княжеской) собственностью или владѣніемъ. Князья еще долго смотрѣли на государственную территорію, какъ на свою отчину и дѣдину. И въ свою очередь частная собственность на недвижимости долго сохраняла черты публичнаго характера.

Такъ, въ лѣтописи Нестора подъ 6636 г. (1128) упоминается слово отчина въ примѣненіи къ городу и области. Совѣтъ бояръ Владиміру относительно Рогнѣды: „Уже не уби ея дитяти дѣля сего, но воздвигни отчину ея, и дай ей со сыномъ своимъ“³¹⁾. То же встрѣчаемъ мы подъ 6649 г. (1141). Всеволодъ Ольговичъ говоритъ Вячеславу: сѣдти въ Кіевской области, а мнѣ достоятъ; иди ты въ Переяславль во отчину свою³²⁾. „Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву“,—пишетъ Иванъ Даниловичъ Камита въ своей духовной³³⁾.—„А сына своего старѣйшаго Ивана Васильевича благословляю своею отчиною великимъ княженіемъ“... (Изъ духовной В. К. Василия Темнаго³⁴⁾. Князья великіе и удѣльные въ спорахъ между собою опирались на отчину и дѣдину: „мой столъ, моя отчина“.—„А Вашему, Господине, Великому Княженію съ нашею прадѣдиною и дѣдиною и отчиною судъ по старинѣ“ (1446 г.).

Духовныя завѣщанія и договорныя грамоты князей даютъ богатый матеріалъ для характеристики взгляда князей на государственную территорію³⁵⁾.

Однако, названіе вотчины—вотчиннаго владѣнія примѣнялось не только къ владѣнію княжескому со всѣми его прерогативами („судомъ и данью“ по выраженію духовной Василия Васильевича), но и къ частной поземельной собственности.

³¹⁾ По Кенгсбергск. списку, Библ. рос., т. I, стр. 186.

³²⁾ Тамъ же, стр. 195.

³³⁾ Владимпр.-Будан. Хрестом., т. 2, стр. 2.

³⁴⁾ Карамзинъ—Истор. Госуд. рос. т., V, прим. 279.

³⁵⁾ См. Чичеринъ. Опыты по исторіи русскаго права, стр. 232—275. Проф. Сергѣевичъ различаетъ отчину (княженіе, столъ отца) отъ вотчины (собственность). Русск. Юрид. древн. I, 30—31.

Оставляя открытым спорный вопрос о томъ, знает ли Русская Правда въ первоначальной редакціи частную поземельную собственность, мы—на основаніи другихъ древнихъ юридическихъ памятниковъ—не можемъ сомнѣваться въ существованіи на Руси уже въ раннюю эпоху (12 вѣкъ) частной собственности на землю. Такъ, въ купчей Антонія Римлянина (первая половина 12 вѣка) сказано: „купилъ есми землю Пречистыя вѣдомъ у Смахна и у Прохна у Ивановыхъ дѣтей у посадничихъ, и далъ есми сто рублевъ“.....³⁶⁾ Вкладная грамота Варлаама Хутынского монастырю (конца 12 в.) начинается такъ: „Се въдаде Варламе святому Спасоу землю и огородъ и ловища рыбная и гоголиная и пожни“ и дальше: „се другое село на своудце за...бнею въдале святому Спасу и божница въ немъ святого Георгія, и ниви, и пожни, и ловища, и еже въ немъ“³⁷⁾. Новгородецъ Климентъ, распредѣляя свое имущество въ духовной (13 вѣкъ), возвращаетъ за долгъ Юрьевскому монастырю „два села съ обильемъ и лошадьми и съ бортью и съ малыми селищи, и пѣнь и колода одерьнь“... (т.е. въ собственность)³⁸⁾. Дальше мы видимъ, что частная поземельная собственность уже въ 14 и 15 вѣкѣ носитъ наследственный вотчинный характеръ³⁹⁾. Впослѣдствіи, когда способы приобрѣтенія поземельной собственности расширились и когда наименованіе вотчины, какъ наследственного поземельнаго владѣнія достаточно укоренилось—вотчинами стали называть уже всякую поземельную собственность, поступающую во владѣніе на наследственномъ правѣ, т.е. въ вѣчное и потомственное владѣніе, безразлично отъ способа ея приобрѣтенія: путемъ ли наследованія, купли, пожалованія, мѣны, даренія, завладѣнія и т. д.

Постепенное ослабленіе удѣльнаго порядка и возвышеніе Москвы въ борьбѣ ея съ внутренними и внѣшними врагами привело къ образованію въ Московскомъ государствѣ служилого класса, служилой іерархіи, образовавшейся изъ бывшихъ удѣльныхъ князей, старыхъ боярскихъ родовъ московскаго княжества

³⁶⁾ Влад.-Будан. Хрестом. т. I, стр. 117.

³⁷⁾ Владиміръ-Будановъ, Хрест., т. I, стр. 118.

³⁸⁾ Тамъ же, стр. 121.

³⁹⁾ Ср. 88 и 89 ст. Пек. Суд. Грам. А. Ю. № 409, I, № 411, № 71—II, X. Мейчикъ: Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Мин. Юстиціи, приложения: VI, VIII, Рейдъ: Опытъ исторіи російскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, стр. 210, прим. 2.

и вошедшаго въ ихъ среду родовитаго боярства удѣльныхъ княжествъ, а также выходцевъ изъ литовскаго и польскаго государствъ и прочаго служилого дворянства. Переходя подъ высокую руку великаго князя Московскаго (въ особенности если этотъ переходъ совершался добровольно), удѣльные князья нерѣдко сохраняли свои старые удѣлы или части ихъ въ видѣ вотчинъ, съ довольно широкими правами публичнаго характера (управленіемъ, судомъ, данью и пошлиной). Нуждаясь въ служиломъ элементѣ, великіе князья московскіе переманивали бояръ отъ князей удѣльныхъ и литовскихъ, предоставляя переходящимъ разныя привилегіи, жалую ихъ городами и областями—съ такими же прерогативами публичнаго характера⁴⁰⁾.

Ростъ территоріи Московскаго государства, задачи управленія и обороны ея требуютъ все большаго количества служебнаго элемента. Постановка ратнаго дѣла въ Московской Руси и необходимость обезпеченія людей служилыхъ приводитъ необходимо къ тому, что поземельная собственность ставится въ непосредственную связь съ службой государству, является какъ бы жалованьемъ за службу и необходимымъ условіемъ ея.

Указомъ 1556 г. царь Иванъ Васильевичъ приказываетъ: „Размотри, которые вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, службою оскудѣша не противъ Государева жалованья и свсихъ вотчинъ служатъ, Государже имъ повелѣлъ равеніе въ помѣстьяхъ землемѣріемъ учинити каждому, что достойно, излишкижъ раздѣлити неимущимъ“⁴¹⁾. Съ обладаніемъ землею связываются не только личная служба владѣльца ея, но и доставка извѣстнаго количества ратниковъ, коней и т. д. „А съ вотчинъ и съ помѣстья уложенную службу учинити, она четвертей добрые угожей земли человѣка на конѣ въ доспѣхѣ въ полномъ, а въ дальній походъ о дву конѣ“...⁴²⁾. Неслужилая земельная собственность ограничивается и сокращается. Такъ, основнымъ мотивомъ запрещенія жертвовать вотчины въ

⁴⁰⁾ Ср. Лѣтописецъ, содержащій російскую исторію отъ 1206 до 1534 г. продолженіе Несторова Лѣтописца, стр. 216 (о князѣ Ф. Бѣльскомъ), стр. 221 (о кн. Воротынскомъ, Перемышльскомъ, Бѣлевскомъ), Карамзинъ—Ист. Гос. Росс., т. IV, прим. 324. См. также Дьяконовъ—Власть Московскихъ государей, гл. VI, Сергѣевичъ—Русскія юридич. древности, т. II, вып. I, кн. IV, гл. III

⁴¹⁾ Указы дополнительные къ Судебнику, издаііе академіи наукъ подъ редакціей Башилова, ук. 104.

⁴²⁾ Тамъ же ук. 105, Ср. П. Ивановъ. Описаніе государственнаго разряднаго архива. 1842 г., выписки изъ книгъ и списковъ, стр. 19—30.

большіе монастыри былъ вредъ, наносимый этими пожертвованіями службѣ. „...въ большіе монастыри, гдѣ вотчины много, впередъ вотчинъ не давати; а которая будетъ вотчина и написана, ино ее въ помѣстной избѣ не записывати, а отдавати ее роду и племяни служилымъ людямъ, чтобъ въ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила“...⁴³⁾ Служилый характеръ поземельнаго вотчиннаго владѣнія всего яснѣе подчеркивается тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ служебныхъ военныхъ повинностей не были освобождены и церковныя земли. Такъ въ уставной грамотѣ Великаго Князя Василія Дмитріевича говорится: „когда я, великій князь, сяду на конь, тогда за мною должны слѣдовать люди митрополичьи подъ воеводою митрополита, но подъ стягомъ моимъ великаго князя“⁴⁴⁾. Котошихинъ пишетъ: Да, въ рейтары жъ емлютъ съ патриарховъ, съ митрополитовъ, съ архіепископовъ, и съ монастырей... со ста крестьянскихъ дворовъ—рейтаръ, монастырскій служка или холопъ“⁴⁵⁾. Наоборотъ, развивается земельная собственность, тѣсно связанная со службой государству, въ видѣ жалованныхъ и выслуженныхъ вотчинъ и помѣстій. Пожалованіе земель въ вотчину, въ качествѣ единичныхъ примѣровъ встрѣчается уже въ XIII и XIV вѣкѣ, учащается въ XV вѣкѣ⁴⁶⁾ и становится въ XVI и XVII вѣкахъ общимъ явленіемъ. Послѣднему обстоятельству способствуетъ и ростъ территоріи государства и задачи ея колонизаціи. У Карамзина⁴⁶⁾ и Неволіна⁴⁷⁾ приведены примѣры массоваго пожалованія вотчинъ за походы и службу: царемъ Иваномъ Васильевичемъ, Василіемъ Шуйскимъ, Михаиломъ Теодоровичемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ и другими государями.

Такимъ образомъ, соотвѣтственно различнымъ способамъ пріобрѣтенія—вотчины въ Московской Руси дѣлились на родовыя княжескія, родовыя не княжескія или просто родовыя, выслуженныя или пожалованныя, купленные изъ казны и пріобрѣтенныя у частныхъ лицъ—чужеродцевъ.

Несмотря на разнообразіе способовъ пріобрѣтенія, все позе-

⁴³⁾ Влад.-Буд. Хрестоматія, т. 3, стр. 34. Ср. также Улож. гл. XVII, ст. 47.

⁴⁴⁾ Павловъ. Сокр. курсъ лекцій, изд. 1894—1895 гг., стр. 228.

⁴⁵⁾ Котошихинъ.—О Россіи въ царств. Алекс. Мих., гл. 17, ст. 2. Ср. также Улож. гл. 17, ст. 37. Пол. Собр. Зак. № 208.

^{46*)} См. Энгельманъ. О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву, 1859 г., стр. 33—55.

⁴⁶⁾ Т. 8, стр. 285.

⁴⁷⁾ Т. IV, § 282, прим. 235.

мельное владѣніе Московской Руси проникалъ одинъ духъ, одна основная идея—идея службы государевой. Всякое поземельное владѣніе, не соотвѣтствовавшее этой идеѣ, ограничивалось и сокращалось. Всякое владѣніе, несшее тяготы службы въ борьбѣ за существованіе растущаго государственнаго организма, пользовалось покровительствомъ законодателя. Поэтому служилая недвижимость доминировала надъ всѣми прочими видами недвижимой собственности, какъ служилый классъ доминировалъ надъ всѣми прочими классами населенія. Только исходя изъ этой основной идеи, можно понять и правильно объяснить законодательную дѣятельность московскихъ государей въ области поземельнаго права вообще и въ сферѣ наследственнаго права въ частности.

Соотвѣтственно различію въ способахъ пріобрѣтенія различались права владѣнія и распоряженія вотчинами и права преемства въ нихъ.

Княжескія вотчины, какъ мы уже указывали выше, составляли часть прежняго удѣла извѣстной княжеской фамиліи. По отношенію къ этимъ вотчинамъ князя („служилые“, какъ ихъ называютъ памятники,—въ отличіе отъ удѣльныхъ) сохранили права не только частнаго, но и государственнаго характера: право управленія, суда, дани⁴⁸⁾. Вполнѣ понятно поэтому стремленіе великихъ князей и царей московскихъ уменьшить количество такихъ вотчинъ, ограничить право распоряженія ими, вообще сократить и даже уничтожить этотъ видъ поземельной собственности, какъ противорѣчащій идеѣ централизованнаго государства и власти монарха-самодержца. Со времени Ивана III начинаются стѣсненія и ограниченія въ распоряженіи княжескими вотчинами. Но высшаго своего развитія эти ограниченія достигаютъ при Іоаннѣ Грозномъ. Быть можетъ, уже при Грозномъ въ борьбѣ его съ боярствомъ этотъ видъ поземельной собственности утратилъ свой прежній характеръ и слился съ общей родовой вотчинной собственностью.

Рядомъ указовъ и соборныхъ приговоровъ (1551 г., 1557 г., 1562 г., 1572 г. и др.) царь Иванъ Васильевичъ, подтверждая ограниченія, созданныя его предшественниками, углубляетъ и расширяетъ ихъ.

Такъ, въ указѣ 1557 г. Іоаннъ повторяетъ слѣдующій за-

⁴⁸⁾ См. Градовскій, т. II, стр. 127 (Ист. М. Упр.), Карамз., т. V, стр. 376.

преть, который былъ уже установленъ прежде: „А Суздальскіе князи, и Ярославскіе князи, да Стародубскіе князи, безъ Царева и Великаго князя вѣдома вотчинъ своихъ мимо вотчинъ не продавати никомужь, и въ монастыри по душамъ не давати“⁴⁹⁾. Здѣсь право продажи княжескихъ вотчинъ ограничивается кругомъ наслѣдниковъ по закону.

Царскимъ указомъ съ боярскимъ приговоромъ 15 января 1562 г.⁵⁰⁾ запрещается служилымъ князьямъ свои старинныя вотчины продавать, мѣнять, отдавать въ приданое за сестрами и дочерьми: „и тѣмъ княземъ вотчинъ своихъ не продавати, и не мѣняться, и за дочерьми своими и за сестрами въ приданья не давати, а котораго князя бездѣтна не станеть, и тѣ вотчины имати на государя“. Впрочемъ, право продажи княжескихъ вотчинъ и здѣсь запрещено не безусловно, а лишь „опричь своей братьи и племянниковъ“. Наслѣдниками въ княжескихъ вотчинахъ являются только сыновья. Право завѣщанія княжескихъ вотчинъ ограничено. Дочери даже по завѣщанію не становятся наслѣдницами и не могутъ взять себѣ въ приданое завѣщанныхъ вотчинъ. Если же вотчина завѣщана брату родному или двоюродному или близкому родственнику (въ предѣлахъ родства, въ коихъ запрещены браки), то завѣщаніе не становится безусловно дѣйствительнымъ, а государь, смотря по вотчинѣ, по завѣщанію и службѣ того лица, кому завѣщано, дѣлаеть распоряженіе о завѣщанныхъ вотчинахъ своимъ указомъ.

Жены не наслѣдовали въ княжескихъ вотчинахъ ни по завѣщанію, ни по закону. Завѣщанныя имъ вотчины онѣ получали въ пожизненное владѣніе. „А котораго князя не стало бездѣтна, а останется у него жена, а напишетъ ей мужъ ее духовную что изъ своей вотчины, и ей на той вотчинѣ жити до своего живота; а какъ ее не станеть, и та вотчина на царя и великаго князя, а душу ее велить государь изъ своей казны устроить“. При этомъ если вотчина была большая, то положеніе вдовы и судьба вотчины опредѣлялись царскимъ указомъ. Если даже князь завѣщаетъ часть вотчины въ полную собственность вдовѣ, и въ такомъ случаѣ послѣдняя получаетъ лишь право пожизненнаго владѣнія. Въ случаѣ смерти владѣльца вотчины безъ дѣтей

⁴⁹⁾ Указы дополн. къ Судебнику, № 129.

⁵⁰⁾ Владимирскій-Будановъ, Хрестоматія, т. III, стр. 28, А. И. I, № 154, XVIII.

(сыновей) и близкихъ родственниковъ и безъ завѣщанія вотчина становится выморочной и идетъ къ великому князю. Способъ же обезпеченія вдовы, ея прожитокъ изъ вотчины—указываетъ государь. „А котораго боярина, или сына боярскаго не станеть бездѣтна, а ближняго роду и духовныя у него не будетъ: и та вотчина государя царя и великаго князя; а женѣ его изъ тое вотчины государь указъ учинить, какъ ей мочно прожить, и душу умершаго государь велить устроить изъ своей казны“.

Указъ о княжескихъ вотчинахъ 15 янв. 1562 г. былъ подтвержденъ соборнымъ приговоромъ отъ 9 октября 1572 г.⁵¹⁾. Повтореніе вышеприведеннаго указа царя Ивана Васильевича 1557 г. о княжескихъ вотчинахъ содержится въ указѣ Михаила Феодоровича отъ 28 декабря 1628 г.⁵²⁾.

Въ указѣ отъ 15 января 1562 г. и соборномъ приговорѣ отъ 9 октября 1572 г. наряду съ княжескими вотчинами упоминаются и боярскія, подлежащія одинаковымъ ограничительнымъ условіямъ съ первыми. Проф. Владимирскій-Будановъ высказываетъ предположеніе, что это, быть можетъ, тѣ вотчины, которыя перешли къ боярамъ отъ князей⁵³⁾. По нашему мнѣнію, здѣсь говорится о старинныхъ боярскихъ родовыхъ вотчинахъ, которыя были пріобрѣтены еще въ то время, когда вотчинное право сохраняло характеръ права публичнаго, когда вмѣстѣ съ вотчиной владѣлецъ ея пріобрѣталъ и прерогативы публичнаго характера. Эти прерогативы не представляли особыхъ привилегій, доступныхъ только служилымъ князьямъ, они составляли принадлежность вотчиннаго права вообще (въ извѣстную эпоху его развитія)⁵⁴⁾ или по крайней мѣрѣ на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ принадлежали вотчинникамъ боярамъ и другимъ лицамъ служилаго класса⁵⁵⁾.

Такимъ образомъ старинныя боярскія родовыя вотчины въ правахъ распоряженія и наслѣдованія были приравнены къ княжескимъ вотчинамъ. Указанія о порядкѣ наслѣдованія въ родовыхъ вотчинахъ содержится въ соборномъ приговорѣ 1572 г.⁵⁶⁾.

⁵¹⁾ Владимирскій-Будановъ, Хрестоматія, т. III, стр. 32—А. И., т. I, XIX.

⁵²⁾ Влад.-Буд., Хрест., т. III, стр. 213.

⁵³⁾ Хрестоматія т. III, стр. 32, прим. 99.

⁵⁴⁾ Неволнинъ, т. IV, стр. 149—150, Чичеринъ: Опыты, стр. 217—219.

⁵⁵⁾ А. И. т. I, 115, 180, Градовскій, т. II, стр. 138—140, Сергѣевичъ: Русскія юридич. древности, I, стр. 328—332.

⁵⁶⁾ Влад.-Буд., Хрест., т. III, стр. 32, А. И. т. I, стр. 270.

Этимъ приговоромъ постановлено, что послѣ бездѣтно умершаго вотчинника наслѣдуютъ его ближайшіе родственники: братья, дядья, племянники, внуки, но не дальше, за правнуками уже не было признано право на наслѣдованіе. Въ указѣ 3 декабря 1628 г., о которомъ подробнѣе будетъ сказано ниже, кругъ наслѣдниковъ въ родовыхъ вотчинахъ опредѣленъ родомъ умершаго, жена же категорически устранена отъ всякихъ правъ на родовыя вотчины мужа.

Право наслѣдованія въ выслуженныхъ или пожалованныхъ вотчинахъ первоначально опредѣлялось содержаніемъ жалованной грамоты въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ зависимости отъ того, была ли вотчина пожалована одному лицу или же съ дѣтьми, женой и родомъ его. „А у котораго боярина такіе же вотчины государскаго данья, а не ихъ старинныя вотчины, и тѣ вотчины послѣ того, котораго не станеть, бездѣтна боярина, а та вотчина по царской грамотѣ пожалована, и кому какова грамота будетъ дана, ему и его женѣ и его дѣтемъ и его роду, по тому и быти; а у котораго въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана, и послѣ его та вотчина на государя“⁵⁷⁾.

Но практика, допускавшая выдачу жалованныхъ грамотъ на вотчины съ прописаніемъ женъ не была единообразной и продолжалась не долго. Изъ доклада (мотивовъ) къ указу 3 декабря 1628 г.⁵⁸⁾ видно, что въ 1619 г. царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ были выданы жалованныя грамоты на вотчины боярамъ, гѣтямъ боярскимъ, дворянамъ, приказнымъ людямъ, иноземцамъ и др. за московское осадное сидѣніе при нашествіи королевича Владислава съ прописаніемъ въ нихъ дѣтей, внучатъ и правнучатъ—въ полную собственность. Въ случаѣ если послѣ владѣльца вотчины не останется наслѣдниковъ, а лишь вдова, то послѣдняя пріобрѣтала право пожизненнаго владѣнія вотчиной или же до выхода замужъ. Если же вдова останется во вдовствѣ или по-трижется, то въ правѣ распорядиться вотчиной по своему усмотрѣнію: продать и заложить ее. Далѣе изъ того же доклада видно, что за московское осадное сидѣніе при царѣ Василѣ пожалованы были вотчины боярамъ, дворянамъ и прочимъ служилымъ людямъ съ дѣтьми, внуками, правнуками и родомъ, при чемъ въ числѣ вотчинниковъ жены не были указаны. Но

⁵⁷⁾ Указъ 9 окт. 1572 г. см. выше.

⁵⁸⁾ Влад. Буд. Хрест. т. III, стр. 207--215.

впослѣдствіи эти грамоты были переписаны на образецъ жалованныхъ грамотъ, которыя были даны за осадное сидѣніе въ приходѣ королевича, т.-е. съ вышеуказанными правами женъ на вотчины. Филаретъ Никитичъ, ссылаясь на свой предыдущій указъ (прибл. 1618—20 г.), правила св. апостоловъ и отцевъ церкви, находить такую практику неправильной. По его мнѣнію, „вотчинниковъ умершихъ женамъ до тѣхъ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ, oprичъ купленныхъ дѣла нѣтъ“... На разрѣшеніе царя и бояръ была поставлена дилемма, быть ли выслуженнымъ вотчинамъ послѣ смерти бездѣтно умершаго вотчинника на основаніи жалованныхъ грамотъ за женами ихъ или же согласно указу Филарета Никитича и правилъ св. отецъ отдавать тѣ вотчины въ родъ умершаго. По обсужденіи доклада въ крестовой палатѣ Михаилъ Теодоровичъ и Филаретъ Никитичъ рѣшили вопросъ о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ по правилу св. апостолъ и св. отцовъ: „кого не станеть, а послѣ его останется жена бездѣтна, да послѣ жъ того останутся братья родные и двоюродные ихъ роду, и тѣ вотчины давати въ родъ того умершаго, кого не станеть, братьямъ роднымъ и двоюроднымъ въ родъ, кто кому ближе, а женамъ тѣхъ умершихъ, которые послѣ останутся бездѣтны, и тѣмъ мужей ихъ изъ животовъ четверть живота да приданое, а до вотчинъ имъ дѣла нѣтъ, oprичъ купленныхъ вотчинъ; а буде кого не станеть, а послѣ его останется жена бездѣтна жъ, а роду того умершаго никого не останется, и тѣ вотчины указали имати на себя государей въ помѣстные земли, и указали тотъ свой государевъ указъ въ Помѣстномъ Приказѣ записать и дѣлати вотчинные дѣла по тому своему государеву указу“. Приведеннымъ указомъ и разрѣшился окончательно вопросъ о наслѣдованіи женъ въ пожалованныхъ (выслуженныхъ) вотчинахъ мужей. Указу этому была даже придана первоначально обратная сила: выслуженныя вотчины отбирались изъ владѣнія вдовъ, а проданныя ими отъ покушниковъ и отдавались въ родъ умершаго. Но обратное дѣйствіе указа 3 дек. 1628 г. было пріостановлено и отмѣнено указами 21 апрѣля 1631 г. и 5 февраля 1632 г.⁵⁹⁾.

Что касается наслѣдственныхъ правъ дочерей, то необходимо отмѣтить, что дочери и другія родственницы допускались къ наслѣдованію въ родовыхъ и пожалованныхъ вотчинахъ, но

⁵⁹⁾ Владим.-Будан., Хрест., т. III, стр. 225, 226.

лишь при отсутствіи братьевъ, которые ихъ устранили отъ наслѣдованія⁶⁰⁾.

Кромѣ приведеннаго указа 3 дек. 1628 г., въ которомъ упоминается о купленныхъ вотчинахъ, особыя постановленія о преемствѣ въ вотчинахъ, купленныхъ изъ казны, содержались въ указахъ Ивана IV и Михаила Теодоровича.

На купленные изъ казны вотчины жены первоначально никакихъ правъ не имѣли. Такъ, при Иванѣ IV были проданы въ вотчину „порозжія“ земли въ Московскомъ уѣздѣ всякимъ служилымъ людямъ „имъ и ихъ дѣтямъ“. Въ случаѣ же бездѣтной смерти эти вотчины становились выморочными⁶¹⁾. 7 февраля 1628 г. царь Михаилъ Теодоровичъ приказалъ продать въ вотчину незанятая земли въ Московскомъ уѣздѣ на тѣхъ же основаніяхъ, что и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Но покупатели, уплативъ деньги, не взяли купчихъ, а били челомъ царю, чтобы онъ ихъ пожаловалъ, приказалъ написать купчія на нихъ самихъ, ихъ женъ и дѣтей, съ правомъ распоряженія и съ переходомъ купленныхъ вотчинъ при отсутствіи указанныхъ наслѣдниковъ въ родъ и племя. Въ отвѣтъ на эти челобитья 16 февр. 1628 г. послѣдовалъ царскій указъ: „въ купчіе писати тѣ проданныя земли въ вотчину тѣмъ людямъ, кто купилъ, и женамъ ихъ, и дѣтямъ, и тѣ вотчины въ родъ ихъ“⁶²⁾. Новая форма купчихъ и была установлена, согласно предписаніямъ указа отъ 16 февраля 1628 г.⁶³⁾

Купленные вотчины или купли являлись въ старину наиболѣе свободнымъ видомъ недвижимой собственности. Самое понятіе купли-продажи въ древней Руси не совпадало съ современнымъ. Словами купля, продажа, купилъ и продалъ—обозначалась возмездная передача имущества не только въ вѣчное и потомственное владѣніе, но также и во временное пользованіе⁶⁴⁾, при чемъ продавецъ сохранялъ право выкупа проданнаго имущества

⁶⁰⁾ Тамъ же указы—23 мая 1628 г., 3 декабря 1628 г., 21 апрѣля 1631 г. и др.

⁶¹⁾ См. указъ 16 февраля 1628 г. докладъ. Влад.-Буд. Хрест., т. III, стр. 219—220.

⁶²⁾ Тамъ же—резолуція.

⁶³⁾ См. указъ 10 марта 1628 г. Влад.-Буд. Хр., т. III, стр. 220—223.

⁶⁴⁾ Ср. Неволинъ, т. III, § 164. Сергѣевичъ: Лекціи и изслѣдованія, изд. 4, стр. 539—540. А. Ефименко—Изслѣдованія народной жизни, Обычное право стр. 253.

не только родового, но и благопріобрѣтеннаго⁶⁵⁾. А для того, чтобы обозначить переходъ имѣнія не только во временное (самое большее пожизненное) владѣніе покупателя, но въ вѣчное и потомственное—съ правомъ дальнѣйшаго перехода имѣнія къ законнымъ преемникамъ перваго пріобрѣтателя въ купчихъ нерѣдко указывалось, что имѣніе продается покупщику и его дѣтямъ, а также внукамъ, правнукамъ и въ родъ или же прибавлялись оговорки, характеризующія передачу въ собственность: „въ дернь, впрокъ, безъ выкупа, безъ отмѣны“⁶⁶⁾ ⁶⁷⁾.

Съ теченіемъ времени въ купчихъ стали писать на-ряду съ дѣтьми и даже впереди ихъ и женъ. Неволинъ указываетъ⁶⁸⁾, что основаніемъ къ помѣщенію въ купчихъ также и женъ покупателей служило то обстоятельство, что вотчины нерѣдко покупались на приданья деньги жены, на средства, добытыя совмѣстной дѣятельностью супруговъ или же являлись вознагражденіемъ за прожитое приданое. Затѣмъ купленные вотчины служили и средствомъ обезпеченія женъ на случай вдовства.

По мѣрѣ того, какъ развивалось вотчинное право и ограничивалось право женъ на родовыя и выслуженныя вотчины мужей—послѣдній мотивъ сталъ играть все большую роль. Положеніе вдовъ въ Московской Руси становилось все менѣе обезпеченнымъ. Не имѣя правъ на наслѣдованіе въ выслуженныхъ и родовыхъ вотчинахъ, онѣ получали лишь $\frac{1}{4}$ часть движимаго имущества, да свое приданое, если таковое онѣ принесли и не прожили. Особенно тяжело было положеніе вдовъ бездѣтныхъ. Помѣстная система къ описываемому нами времени не достигла еще полнаго развитія и не давала необходимаго обезпеченія. Къ тому же не

⁶⁵⁾ А. Ю. №№ 87, 90, 93, Мейчикъ—Грамоты XIV и XV в.в. Московскаго архива Министерства Юстиціи, стр. 80, 92. Сергѣевичъ: Лекціи и изслѣдованія изд. 4, стр. 534—535.

⁶⁶⁾ Ср. А. Ю. 71, XXVI, 75, 76, 78, 79, 80, 73—X, 71, XXI, 86, 87, 90, 92 и много др.

⁶⁷⁾ И. Энгельманъ О—пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву. 1859 г. стр. 15. Неволинъ, т. I, § 164, т. IV, § 260, т. V, § 413, Мейеръ—„Древнее русское право залога“ въ юридическомъ сборникѣ Мейера, изд. 1855 г., стр. 224, Киндяковъ: „Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ“, въ томъ же сборникѣ стр. 432, Сергѣевичъ: Лекціи и изслѣдованія, 4 изд., стр. 508, 540. Contra: Мейчикъ, ук. соч., стр. 77, Влад.-Будановъ Обзоръ, стр. 476—477, 682. См. также Дювернуа: Чтенія по гражданскому праву, т. I, в. II, стр. 652—654.

⁶⁸⁾ Т. V, § 514. Ср. А. Ю. № 420 (1548 г.), № 418 (1524 г.) и др.

всѣ имѣли помѣстья. Поэтому понятно стремленіе мужей обезпечить женъ покупкой вотчинъ на ихъ имя. Понятны и челобитныя покупателейъ казенныхъ земель передъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ выдавать имъ купчія съ прописаніемъ въ нихъ не только дѣтей и другихъ нисходящихъ, но также и женъ.

Какія права принадлежали женамъ на купленные отъ частныхъ лицъ вотчины? Изъ указа 3 декабря 1628 г. этого не видно. Вѣроятно же всего, что эти права первоначально опредѣлялись содержаніемъ купчей, подобно тому, какъ содержаніе жалованной грамоты на вотчины опредѣляло права наслѣдниковъ. Но необходимость обезпеченія вдовъ способствовала установленію того взгляда и обычая, что купленные вотчины служатъ исключительнымъ достояніемъ вдовъ послѣ смерти мужей независимо отъ того, есть у нихъ дѣти или нѣтъ. Означенный обычай былъ, повидимому, признанъ указомъ Филарета Никитича въ 1629 г.⁶⁹⁾ На основаніи этого указа послѣ смерти отца дѣти получали родовыя и выслуженныя вотчины, а вдова купленную вотчину.

Такъ постепенно развивалось различіе между родовой и благопріобрѣтенной недвижимостью, послужившее новымъ стимуломъ къ устраненію женъ отъ преемства въ родовой (или приравненной къ родовой) недвижимости умершаго мужа.

Болѣе подробныя постановленія о наслѣдованіи въ купленныхъ вотчинахъ содержатся въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича.

Одновременно съ вотчиннымъ развивался и другой видъ поземельнаго владѣнія Московской Руси,—помѣстное право владѣнія землею. Этотъ видъ поземельнаго владѣнія благодаря своей подвижности наиболѣе соотвѣтствовалъ характеру и организаціи московскаго государства. Онъ былъ созданъ нуждами и потребностями этого государства. Старое вотчинное владѣніе необходимо было приспособлять къ государственнымъ потребностямъ, придавать ему служилый характеръ. Помѣстное же владѣніе создавалось непосредственно подъ влияніемъ указанной государственной потребности—службы государевой и для удовлетворенія этой потребности.

Первыя указанія на помѣстное владѣніе нѣкоторые изслѣдователи (Владимірскій-Будановъ, Побѣдоносцевъ) относятъ къ XIV ст., другіе же къ XV (Неволинъ, Градовскій).

⁶⁹⁾ Максимовичъ—Указатель Росс. Гр. Зак., I, стр. 140, а также ст. 2, гл. XVII Улож.

Дѣйствительно, уже въ духовной Ивана Калиты мы встрѣчаемся съ распоряженіемъ земель на такихъ условіяхъ, которыя очень близко напоминаютъ право помѣстнаго владѣнія: „А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородическое, а даль есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служить, село будетъ за нимъ: не имѣть ли служить, дѣтемъ моимъ, село отоимуть“ (Владимірскій-Будановъ, Хр. т. II, стр. 7). Въ памятникахъ XV вѣка уже появляются и самые термины, характеризующіе помѣстное владѣніе. Такъ въ посланіи митрополита Іоны 1454 г. шлется благословеніе „помѣстнымъ княземъ“. Въ ст. 63 Судебника Ивана III мы встрѣчаемъ терминъ „помѣсчикъ“. „А възыщеть черной на черномъ, или помѣсчикъ на помѣсчикѣ, за которымъ земли великого князя, или черной или сельской на помѣсчикѣ, или помѣсчикъ на черномъ и на селскомъ, ино судити по тому жъ за три годы, а дали трехъ годовъ не судити...“

Во второй половинѣ XV ст. раздача земель въ помѣстья достигла уже большого развитія. Такъ Иванъ III роздалъ свыше 150 тысячъ четвертей земли въ помѣстья⁷⁰⁾. Къ этому времени относится и начало организаціи помѣстной системы^{70*)}, которая получаетъ дальнѣйшее развитіе при Иванѣ IV. Въ 1550 г. передъ Московскомъ уѣздѣ до 1000 бояръ, окольничихъ и дѣтей боярскихъ и назначилъ имъ опредѣленные оклады: боярамъ и окольничимъ по 200 четвертей, дѣтямъ боярскимъ по 200, 150 и 100 по разрядамъ—подъ непремѣннымъ условіемъ службы: „А который изъ того чину вымретъ, а сынъ его не пригодится къ той службѣ, и въ то мѣсто прибрати иного“⁷¹⁾. Указъ 1556 г. царя Ивана Васильевича (см. выше) опредѣлилъ и размѣръ военной тяготы съ поземельныхъ владѣній. Для завѣдыванія помѣстными дѣлами былъ учрежденъ помѣстный приказъ, о которомъ впервые упоминается въ указѣ 1572 г., но возникъ онъ, повидимому, еще при Иванѣ III (Ивановъ—ук. соч., стр. 43). Помѣстная система развивается и при преемникахъ Ивана IV. Къ концу XVI вѣка въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи помѣстья являлись главнымъ видомъ земельного владѣнія. Такъ, въ Псковской области они

⁷⁰⁾ Ивановъ П. „Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ съ историческимъ изложеніемъ всего до нихъ относящагося“, 1836 г., стр. 3 и сл.

^{70*)} Ивановъ, указ. соч. стр. 8 и сл., Ключевскій. Курсь. II, стр. 277 и сл.

⁷¹⁾ Максимовичъ, Указатель Россійскихъ Законовъ, т. I, стр. 106.

составляли 70%, в Новгородской 90%, в Рязанской 60—99. В центральной России поместья также преобладали над вотчинами⁷²⁾. Известному общественному положению в лестницѣ служивых чиновъ соответствует и определеннй окладъ поместья. Къ завѣдыванію помѣстными дѣлами привлекаются и другіе приказы, кромѣ помѣстнаго, помѣстные оклады регулируются указами Теодора Иоанновича, Михаила Теодоровича и Алексѣя Михайловича, устанавливаются определенныя правила относительно несенія служебной повинности помѣщиками и т. д.

Помѣстное владѣніе носило чисто личный и служебный характеръ. Определенному положенію в служебной лестницѣ соответствовалъ и нормальный помѣстный окладъ. За отличіе по службѣ къ помѣстнымъ окладамъ дѣлались надбавки⁷³⁾, наоборотъ за нерадѣніе оклады уменьшались⁷⁴⁾. Служебный характеръ поместья былъ настолько силенъ, что съ оставленіемъ службы по старости и неспособности къ ней терялось и поместье⁷⁵⁾, поместья отбирались въ случаѣ неявки на службу или бѣгства съ нея⁷⁶⁾, отбирались также и за разнаго рода преступленія, соединенныя съ конфискаціей имущества и лишеніемъ правъ службы⁷⁷⁾.

Такъ какъ владѣніе поместьемъ зависѣло отъ службы известнаго лица государству, носило благодаря этому лично служебный характеръ, то оно и не подлежало переходу по наслѣдству вообще. Каждый служащій дворянинъ имѣлъ право на поместье, какъ современный чиновникъ на жалованье⁷⁸⁾, пока продолжалась его служба. Но пользы и нужды государственной службы, именно сохраненіе непрерывности и ненарушимости этой службы требовали и известнаго преемства при переходѣ помѣстій. Конечно, эта непрерывность и ненарушимость службы легче всего сохранялась при переходѣ помѣстій къ дѣтямъ, способнымъ нести государственную службу, и близкимъ родственникамъ помѣщика. Такъ какъ для государства важна была только служба, то постепенно уходившіе со службы получили право поставить вмѣсто

⁷²⁾ Ср. Рожковъ „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“, стр. 368 и сл., стр. 401 и сл. Ключевскій—Курскъ, II, стр. 282, 283.

⁷³⁾ См. напр. П. С. З. №№ 160, 222, 263, 264, 456, 511 и др.

⁷⁴⁾ П. С. З. №№ 481, 489.

⁷⁵⁾ П. С. З. № 754.

⁷⁶⁾ Указы 19 сент. 1634 г. и 17 окт. 1634 г. Указат. Максимов. Т. I, стр. 145—146. Грамота 30 июня 1611 г. Карамзинъ. Ист. г. р., т. XII, прим. 793.

⁷⁷⁾ Ср. П. С. З. № 365.

⁷⁸⁾ Ср. П. С. З. № 86.

себя сына, за которымъ и записывалось поместье⁷⁹⁾. Для закрѣпленія поместья за известной семьей въ цѣляхъ служебныхъ допускался также припускъ сына къ поместью отца—въ случаѣ способности сына къ (военной) службѣ. Этимъ способомъ обезпечивалась непрерывность служебнаго тягла съ известнаго помѣщика на случай смерти или неспособности къ службѣ помѣщика. Если сыновья были малы, то поместья брались на государя, а по достиженіи служебнаго возраста возвращались имъ⁸⁰⁾. Помѣщики получили право давать поместья въ приданое за дочерьми, такъ какъ служба съ приданныхъ помѣстій могла справляться и, конечно, справлялась зятями⁸¹⁾ и сдавать поместья за старостью и неспособностью къ службѣ родственникамъ⁸²⁾.

Такимъ образомъ развилось своеобразное преемство помѣстнаго владѣнія въ известной семьѣ или родѣ подъ условіемъ несенія службы государевой, приведшее впоследствии къ слиянію помѣстій съ вотчинами.

Строго служебный характеръ владѣнія поместьями и преемственнаго перехода ихъ устранялъ женщинъ отъ помѣстнаго владѣнія. Однако, правительству пришлось здѣсь считаться съ слѣдующимъ явленіемъ. Какъ указано нами выше, при Иванѣ III и IV проводится ограниченіе въ правахъ распоряженія и наслѣдованія вотчинами княжескими и боярскими, вообще родовыми, при Михаилѣ Теодоровичѣ это ограниченіе распространилось на вотчины выслуженныя. Вотчины приобрѣтаютъ служебный характеръ. Жены устраняются отъ наслѣдованія, дочери наслѣдуютъ лишь при отсутствіи братьевъ. При такомъ служебномъ характерѣ поземельнаго владѣнія, какой оно приняло во вторую половину XVI ст., положеніе женщинъ: жены и дочерей—послѣ смерти помѣщика являлось совсѣмъ необезпеченнымъ. Между тѣмъ помѣщики могли умереть въ бою или отъ нанесенныхъ ранъ—что при постоянныхъ походахъ указаннаго періода было явленіемъ обыкновеннымъ, могли быть взяты въ плѣнъ или пропасть безъ вѣсти при исполненіи или вслѣдствіе исполненія государственной службы. Обязанность позаботиться объ ихъ семьѣ естественно

⁷⁹⁾ Ср. П. С. З. № 117.

⁸⁰⁾ Градовскій, т. II, стр. 168.

⁸¹⁾ Собор. приг. 1620 г., статьи о поместьяхъ и вотчинахъ 15 дек. 1637 г. Владим.-Буд. Хр. Т. III, стр. 229 и слѣд.

⁸²⁾ Ср. ст. 9, гл. 16 Улож. Ср. Рейцъ, ук. соч. стр. 247—248.

падала такимъ образомъ на государство. И государство выполнило эту обязанность такимъ путемъ. Изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ этой эпохи можно видѣть, что обязанность содержать вдову, дочерей и малолѣтнихъ сыновей умершаго помѣщика возлагается государствомъ сначала на новаго владѣльца помѣстья, а затѣмъ въ виду неудобства первой системы, массы жалобъ и нареканій вдовъ умершаго до ея смерти, а дочерямъ до выхода въ замужество назначаются изъ помѣстій умершаго извѣстные участки на прожитокъ. Какъ самое назначеніе, такъ и размѣръ его первоначально опредѣляется каждый разъ особымъ указомъ государя⁸³⁾.

Въ 1611 году 30 іюня была издана грамота общаго характера, которой было установлено, чтобы послѣ убитыхъ и умершихъ на службѣ дворянъ не отнимать помѣстья у вдовъ и сыновей, если же остались вдовы съ дочерьми, то оставлять за ними помѣстья на прожитокъ, въ случаѣ же безпотомной смерти помѣщика, послѣ котораго не осталось и жены, повелѣно помѣстья отдавать въ родъ ихъ: „А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе померли и побиты, а послѣ ихъ остались жены и сыновья, а у тѣхъ вдовъ и у сыновей помѣстей не отнимати; а у которыхъ остались жены съ дочерьми, а сыновей нѣтъ, и тѣмъ вдовамъ давати помѣстья съ дочерьми на прожитокъ по уложенью, примѣрся къ прежнему, какъ прежь сего вдовамъ съ дочерьми на прожитокъ давано; а у которыхъ женъ и дѣтей не осталось и тѣ помѣстья роздавати въ роздачу роду ихъ и племени, безпомѣстнымъ и мало помѣстнымъ, а мимо родства ихъ не давати“⁸⁴⁾.

Указами царя Михаила Феодоровича 1 іюня 1614 г., 15 дек. 1617 г. и 22 авг. 1618 г. то же положеніе было подтверждено. „Государь, царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Росіи указалъ и бояре приговорили: у дворянъ и у дѣтей боярскихъ, которые побиты и въ полонъ поиманы, и которые безъ вѣсти пропали, помѣстей ихъ не отымать и въ роздачу ихъ не отдавать, а давати тѣ ихъ помѣстья женамъ ихъ и дѣтямъ; а которые дворяне и дѣти боярскіе убиты или въ полону померли, а женъ ихъ и дѣтей не осталось, и тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстья давати въ оклады, и въ додачу роду ихъ и

⁸³⁾ См. Доп. къ А. И. т. I, № 52, II, IV, IX, XII, XIII, XV, XVII, XXIV, XXVI, XXVIII и др., Неволлинъ, т. V, § 512, прим. 284.

⁸⁴⁾ Карамзинъ, Ист. г. р., т. XII, прим. 793. (изд. Смирдина).

племени, а мимо родства и мимо того города, кто учнетъ бити челомъ, никакимъ людямъ не отдавать“⁸⁵⁾.

Такимъ образомъ помѣстное владѣніе принимаетъ преемственный характеръ. Постепенно устанавливается и единообразный размѣръ прожиточной доли вдовъ и дочерей въ помѣстьяхъ отцовъ и мужей. Указомъ 22 марта 1634 г. было опредѣлено вдовамъ убитыхъ или умершихъ на государственной службѣ подъ Смоленскомъ давать съ оклада мужей по 20 четвертей со 100, а дочерямъ по 10 четвертей со ста. Указомъ 16 августа 1644 г. былъ установленъ размѣръ прожиточной доли въ помѣстьяхъ для вдовъ и дочерей послѣ сражавшихся въ низовыхъ городахъ и на украинѣхъ противъ калмыковъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Размѣръ такой доли былъ опредѣленъ для лицъ убитыхъ на означенной службѣ по 20 четвертей со ста, умершихъ на этой службѣ по 15 четвертей со ста и умершихъ вообще на государственной службѣ по 10 четв. со ста. Дочери получали противъ матери половину. Указъ 1644 г. имѣетъ для насъ весьма важное значеніе. Онъ послужилъ образцомъ для установленія нормъ помѣстнаго владѣнія вдовъ и дочерей въ Московской Руси. Но кромѣ того нормы этого указа составляютъ основаніе посмертнаго преемства супруговъ въ недвижимости и по дѣйствующему законодательству. Указная часть пережившаго супруга въ недвижимости, какъ она опредѣлена въ томъ X, ч. 1 Зак. Гражд. ведетъ свое происхожденіе черезъ ст. ст. 30—32. гл. XVI Улож. царя Алексѣя Михайловича и указъ Анны Іоанновны объ отмѣнѣ единонаслѣдія (17 марта 1731 г.)—именно отъ указа 16 авг. 1644 г.⁸⁶⁾.

⁸⁵⁾ Указъ 22 авг. 1618 г. Влад.-Буд. Хр., т. III, стр. 202.

⁸⁶⁾ Влад.-Буд., Хр. т. III, Указная книга пом. прик. IV, 52, стр. 239. „... И 152 года августа въ 16 день, государь царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Русіи слушавъ выписки указалъ: которые дворяне и дѣти боярскіе и иноземцы на его государственной службѣ въ низовыхъ городѣхъ отъ Калмыковъ, и которые дворяне жъ и дѣти боярскіе и дѣти на украинскихъ городѣхъ отъ Крымскихъ и отъ Нагайскихъ людей побиты, и женамъ ихъ указалъ государь давати съ окладовъ мужей ихъ противъ подь—смоленскіе службы со 100 по 20 четв, а дочерямъ ихъ со 100 по 10 четв на прожитокъ; а которыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцовъ на тѣхъ его государевыхъ службахъ не станеть собою, и женамъ ихъ указалъ государь давати съ окладовъ мужей ихъ со 100 по пятнадцати четв, а дочерямъ со ста по семи четв съ осминою на прожитокъ; а которыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцовъ не станеть на его государственной службѣ, и женамъ ихъ указалъ государь давати съ окладовъ мужей ихъ со ста по десяти четв, а дочерямъ ихъ со ста по 5 четв на прожитокъ“.

Изъ содержания указа вполне ясно, что целью его являлась забота правительства обеспечить существование вдовъ и дочерей умершаго помѣщика; поэтому и указная доля давалась имъ не въ потомственное владѣніе, а лишь во временное, на прожитокъ.

Разсмотрѣнный нами періодъ законодательства закончился кодификаціей того законодательнаго матеріала, который въ видѣ различныхъ грамотъ, указовъ, думскихъ и соборныхъ приговоровъ былъ разбѣянъ въ дѣлахъ разныхъ приказовъ на протяжении цѣлаго столѣтія и даже большаго времени. Кодексомъ этимъ явилось Соборное Уложение царя Алексѣя Михайловича 1649 г.

3. Уложение царя Алексѣя Михайловича⁸⁷⁾.

По существу интересующаго насъ вопроса Соборное Уложение 1649 г. не внесло ничего новаго, представляя изъ себя работу почти исключительно кодификаціоннаго характера съ нѣкоторыми дополненіями въ развитіе уже намѣтившихся основныхъ положеній.

Преемство въ вотчинахъ носило слѣдующій характеръ.

Родовыя и выслуженныя вотчины послѣ смерти вотчинника переходятъ къ сыновьямъ, за ихъ отсутствіемъ къ дочерямъ, при безпотомной смерти идутъ въ родъ „кто ближе того роду вотчинемъ, по прежнимъ государевымъ указомъ и уложеньемъ“⁸⁸⁾.

Жены изъ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ мужей вообще ничего не получали: „до родовыхъ и до выслуженныхъ вотчинъ имъ дѣла нѣтъ“⁸⁹⁾, но если послѣ умершихъ вотчинниковъ не осталось ни помѣстій, ни купленныхъ вотчинъ, то матерямъ и бездѣтнымъ вдовамъ умершихъ постановлено давать часть на прожитокъ изъ выслуженныхъ вотчинъ, сообразно обстоятельствамъ— пожизненно или до выхода замужъ⁹⁰⁾. Этимъ постановленіемъ Уложение возвращается къ практикѣ, существовавшей до указа 3 дек. 1628 г., но лишь при условіи, если послѣ умершаго не осталось купленныхъ вотчинъ и помѣстій. Приведенное исключительное постановленіе было вызвано необходимостью обеспечить существованіе вдовъ.

Относительно купленныхъ вотчинъ въ Уложеніи содержатся

⁸⁷⁾ Будемъ цит. по изд. истор.—филолог. факульт. Имп. Московск. Универс. „Соборное Улож. царя Алексѣя Михайловича 1649 г.“

⁸⁸⁾ Гл. XVII, ст. ст. 2, 4.

⁸⁹⁾ Гл. XVII, ст. 1.

⁹⁰⁾ Гл. XVII, ст. 2, гл. XVI, ст. 16.

болѣе подробныя постановленія, нежели въ указахъ⁹¹⁾. Въ ст. 1, гл. XVII подтверждается право бездѣтной вдовы на купленную вотчину мужа, а въ ст. 2 упоминается объ исключительномъ правѣ вдовы на купленную вотчину, согласно указа патрiарха Филарета. Въ ст. 6 говорится о правѣ вдовы на купленную вотчину, независимомъ отъ дѣтей: „а которая купленная вотчина, послѣ умершаго дана будетъ женѣ его, *отричь дѣтей*: и она въ той вотчинѣ вольна, а иному никому до той вотчины дѣла нѣтъ“. Въ случаѣ если послѣ умершаго не осталось родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ и помѣстій, то купленная вотчина дѣлится между вдовой и дѣтьми (хотя бы отъ нѣсколькихъ браковъ) по жеребьямъ (ст. 5). Если вотчинникъ завѣщаетъ купленную вотчину своей бездѣтной женѣ, подъ условіемъ невыхода замужъ, то при выходѣ вновь замужъ, вотчина отбирается у нея и отдается въ родъ умершаго. То же происходитъ, если вотчина завѣщана пожизненно на тѣхъ же условіяхъ (ст. 7). Вотчины, купленныя умершимъ изъ своихъ помѣстныхъ земель, бездѣтная вдова получаетъ лишь на прожитокъ, и совсѣмъ устраняется отъ преемства въ вотчинахъ, купленныхъ у родичей (ст. 8). При покупкѣ въ вотчину казенныхъ земель подтверждено постановленіе Михаила Феодоровича писать купчія и на женѣ покупателей (ст. 45).

Посмертное преемство въ помѣстномъ владѣніи по Уложенію представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Послѣ смерти помѣщика его помѣстья, ставшія выморочными отдаются „женамъ на прожитокъ и дѣтямъ по указу“, т.-е. жены и дочери получаютъ свои прожиточныя доли, сыновья же оклады, излишки идутъ въ родъ безпомѣстнымъ или малопомѣстнымъ⁹²⁾. Подмосковныя же помѣстья справляются за дѣтьми (сыновьями) хотя бы и недорослями, полностью⁹³⁾. Помѣстныя дачи въ Московскомъ уѣздѣ точно опредѣлены Уложеньемъ: для бояръ 200 четвертей, для окольничихъ 150, стольниковъ и дворянъ московскихъ по 100 четвертей и т. д.⁹⁴⁾.

Вдовья доля опредѣляется слѣдующимъ образомъ⁹⁵⁾.

Вдовы убитыхъ въ бою получаютъ съ окладовъ мужей на прожитокъ со 100 по 20 четвертей, а дочери со 100 по 10 четвер-

⁹¹⁾ См. гл. XVII, ст. ст. 1, 2, 5, 6, 7, 8, 45.

⁹²⁾ Гл. XVI, ст. ст. 13 и 37.

⁹³⁾ Гл. XVI, ст. 62.

⁹⁴⁾ Тамъ же, ст. 1.

⁹⁵⁾ Тамъ же, ст. ст. 30, 31, 32.

тей. „А будетъ котораго дворянина, или сына боярскаго, или иноземца на государеве службѣ, въ полкѣхъ убьютъ воинскіе люди: и женамъ ихъ исъ помѣстей ихъ давати на прожитокъ съ окладовъ ихъ, со ста по двадцати четвертей, а дочерямъ ихъ, со ста по десяти четвертей“ (ст. 30). Вдовы лицъ, умершихъ на военной службѣ, получаютъ по 15 со 100 четвертей оклада, а дочери по 7½ четвертей: „А будетъ которой дворянинъ, или сынъ боярскаго или иноземецъ на государеве же службѣ въ полкѣхъ умереть: и женамъ ихъ исъ помѣстей ихъ давати на прожитокъ съ окладовъ ихъ, со ста по пятнадцати четвертей, а дочерямъ ихъ со ста по семи четвертей съ осминою“ (ст. 31). Вдовы лицъ служилаго класса, умершихъ дома, а не на государевой службѣ, получаютъ по 10 со 100 четвертей оклада, а дочери по 5. „А котораго дворянина, или сына боярскаго, или иноземца не станетъ дома, а не на государеве службѣ, и женамъ ихъ давати исъ помѣстей ихъ на прожитокъ съ окладовъ ихъ, со ста по десяти четвертей, а дочерямъ по пяти четвертей“ (ст. 32). Если вдовы, получивъ помѣстья въ общее владѣніе съ дѣтьми, будутъ просить выдѣлить ихъ отъ дѣтей, не почитающихъ и не кормящихъ ихъ, то такія ходатайства удовлетворяются и онѣ надѣляются помѣстьемъ на прожитокъ сообразно окладу ихъ мужей⁹⁶⁾. Дѣвицы владѣютъ прожиточнымъ помѣстьемъ лишь до 15 лѣтъ⁹⁷⁾—обычный брачный возрастъ того времени. Но онѣ (и вдовы) имѣютъ право сдать свои прожиточныя помѣстья кому нибудь изъ родственникововъ, при чемъ послѣдній принимаетъ на себя обязательство кормить ихъ и выдать замужъ⁹⁸⁾. Дѣвицы и вдовы выходятъ замужъ съ своими прожиточными помѣстьями, полученными послѣ отцевъ и мужей⁹⁹⁾. Вдовы получаютъ помѣстья на прожитокъ съ оклада ихъ мужей, хотя бы ихъ приданія помѣстья были больше или меньше того, что имъ слѣдуетъ по окладу; въ первомъ случаѣ излишекъ переходитъ къ дѣтямъ, во второмъ случаѣ недостатокъ возмѣщается изъ помѣстья мужа. Въ томъ случаѣ, когда послѣ умершихъ, имѣвшихъ большіе помѣстные оклады, помѣстей осталось мало, жены не получаютъ полной указанной доли съ окладовъ (иначе очень мало осталось бы дѣтямъ) а равную долю съ дѣтьми¹⁰⁰⁾.

⁹⁶⁾ Гл. XVI, ст. 58.

⁹⁷⁾ Тамъ же, ст. 11.

⁹⁸⁾ Тамъ же, ст. 10.

⁹⁹⁾ Тамъ же, ст. 17.

¹⁰⁰⁾ Тамъ же, ст. ст. 56, 57.

Четвертая жена и дѣти отъ четвертаго брака (который запрещенъ церковью) не получали ни вотчинъ, ни помѣстей послѣ умершаго мужа и отца¹⁰¹⁾, точно также, какъ и внѣбрачныя дѣти¹⁰²⁾.

Таковы въ общихъ чертахъ постановленія о наследственномъ преемствѣ въ недвижимости по Уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Положеніе вдовъ въ движимомъ имуществѣ умершаго мужа опредѣляется Уложеніемъ совершенно также, какъ и указомъ 3 декабря 1628 г.: „а женамъ тѣхъ умершихъ, которыя останутся бездѣтны, давати имъ изъ животовъ ихъ четверть, да приданое“ (гл. XVII, ст. I).

4. Законодательство Московскаго государства послѣ Уложенія.

Постановленія Уложенія по интересующему насъ вопросу получили дальнѣйшее развитіе въ законоположеніяхъ послѣдующаго времени, среди которыхъ мы встрѣчаемъ не только указы и приговоры въ разрѣшеніе отдѣльныхъ случаевъ судебной практики, но и постановленія болѣе общаго характера, своего рода уложенія по отдѣльнымъ вопросамъ, таковы напр. новоуказныя статьи о вотчинахъ и помѣстьяхъ, статьи о дворахъ (I П. С. З. №№ 633, 634, 700, 1157 и др.). Отмѣтимъ здѣсь наиболѣе интересныя для насъ постановленія.

Вотчины. Въ 1650 г. подтверждено положеніе, что старинныя, родовыя и выслуженныя вотчины нельзя завѣщать женамъ—даже и въ вознагражденіе за приданія или прожиточныя деньги¹⁰³⁾. то же самое постановлено относительно купленныхъ отцемъ и перешедшихъ къ сыну (слѣдовательно, ставшихъ родовыми) вотчинъ¹⁰⁴⁾. Указомъ 19 іюня 1679 г. запрещено завѣщать родовыя и выслуженныя вотчины помимо законныхъ наследниковъ, наоборотъ, подтверждается право свободнаго распоряженія купленными вотчинами¹⁰⁵⁾. Подробнѣе развито постановленіе Уложенія (ст. ст. 2 и 3, гл. XVII) о дачѣ вдовамъ на прожитокъ изъ выслуженныхъ вотчинъ, если вдовы не получили прожиточной доли

¹⁰¹⁾ Тамъ же, ст. 15.

¹⁰²⁾ Гл. X, ст. 280.

¹⁰³⁾ Ср. Указъ 1 мая 1650 г. П. С. З. № 34.

¹⁰⁴⁾ Новоуказ. ст. 14 марта 1676 г., I П. С. З. № 634, ст. 12. Новоуказ. ст. 15 авг. 1677 г. П. С. З. № 700, разд. II, ст. 12.

¹⁰⁵⁾ П. С. З. № 764.

изъ помѣстій, именно приказано давать изъ выслуженныхъ вотчинъ съ окладовъ по жеребьямъ ¹⁰⁶⁾.

Если мужъ прожиточное помѣстье возьметъ за службу или купить въ вотчину, то вдова получаетъ половину такой вотчины въ собственность и другую половину въ пожизненное владѣніе ¹⁰⁷⁾— въ отличіе отъ вотчинъ, купленнымъ мужемъ изъ своихъ помѣстій, которыя поступали лишь въ пожизненное владѣніе вдовъ. Купленные вотчины послѣ смерти мужа не отдаются второй женѣ и въ томъ случаѣ, если вотчина куплена при первой женѣ, отъ которой остались дѣти, а дѣлятся по жеребьямъ между вдовой и дѣтьми отъ перваго и втораго брака ¹⁰⁸⁾. То же самое подтверждено относительно правъ третьей жены и дѣтей отъ трехъ браковъ, при чемъ указано, что братья исключаютъ сестеръ отъ участія въ дѣлежѣ ¹⁰⁹⁾. Но, если вдова осталась съ дѣтьми, отъ брака ея съ умершимъ, то она исключала дѣтей отъ преемства въ купленныхъ вотчинахъ мужа ¹¹⁰⁾. Купленная вотчина, перешедшая къ вдовѣ по праву преемства, возвращается въ родъ мужа, а не къ родственникамъ жены, если вдова не распорядится ею при жизни ¹¹¹⁾.

Помѣстья. По Уложенію дѣти (сыновья) получали лишь оклады изъ помѣстій отцевъ и только подмосковныя помѣстья полностью справлялись за дѣтьми. Однако, на практикѣ государи московскіе часто жаловали дѣтей служилаго дворянства и оставляли за ними помѣстья отцевъ полностью. Свидѣтельства о такой практикѣ царя Алексѣя Михайловича и его преемниковъ приведены въ докладѣ указа 22 марта 1684 г., гдѣ собраны 24 случая пожалованія отцовскихъ помѣстій сверхъ окладовъ сыновьямъ и внукамъ, верстаннымъ и неверстаннымъ, недорослямъ и взрослымъ. Здѣсь же приведены и примѣры противоположной практики, согласной съ Уложеніемъ. Разсмотрѣвъ въ 1684 году всю практику по данному вопросу, „Великіе Государи указали и Бояре, приговорили: послѣ умершихъ помѣстья за дѣтьми ихъ, за сыновьями и сыновей за дѣтьми за сыновьями жъ, а умершихъ за внучаты и за правнучаты родными, за верстанными и

¹⁰⁶⁾ П. С. З. № 634, ст. 2.

¹⁰⁷⁾ П. С. З. № 633, ст. 18.

¹⁰⁸⁾ 20 авг. 1677 г. П. С. З. № 702, ст. 2.

¹⁰⁹⁾ П. С. З. № 1236.

¹¹⁰⁾ П. С. З. № 702, ст.ст. 1, 4, № 1020.

¹¹¹⁾ П. С. З. №№ 634, 700, 1021.

за неверстанными и за недорослями большія дачи, съ сего Ихъ Великихъ Государей указу и Боярскаго приговору нынѣшняго 192 года Марта съ 30 числа, справливать все четверти, сколько за отцами и за дѣдами и за прадедами ихъ было съ лишними четвертьми, сверхъ ихъ окладовъ и новичнаго верстанья, а родственникамъ и чужеродцамъ тѣхъ переходящихъ четвертей не давать“ ¹¹²⁾.

Этотъ весьма важный указъ узаконяетъ, въ качествѣ общаго правила, преемство прямыхъ нисходящихъ мужескаго пола въ помѣстьяхъ и дѣлаетъ крупный шагъ къ сближенію помѣстій съ вотчинами. Тому же сближенію служило и разрѣшеніе сдавать помѣстья за прокормъ или даже за деньги ¹¹³⁾.

Относительно преемства вдовъ въ помѣстьяхъ подтверждены постановленія Уложенія ¹¹⁴⁾.

Изъ прочихъ постановленій особенно интересными для насъ представляются слѣдующія.

Взрослые и способные къ службѣ сыновья, не имѣвшіе своихъ вотчинъ и помѣстій, обязаны были отправлять службу съ отцовскихъ вотчинъ и помѣстій ¹¹⁵⁾. Положеніе вдовъ и дочерей лицъ безпомѣстныхъ, несшихъ службу съ помѣстій отца, было определено рядомъ указовъ.

Такъ, въ ст. 15 новоуказныхъ статей 10 марта 1676 г. ¹¹⁶⁾ содержится слѣдующее постановленіе. „Бьютъ челомъ Великому Государю вдовы и дѣвки на прожитокъ, а въ челобитьяхъ своихъ пишутъ, что у вдовъ за мужьями, а у дѣвокъ за отцами ихъ помѣстья особыхъ дачъ не было, и служили они и побиты на службахъ съ тѣхъ отцовскихъ помѣстій, а иные и померли, и вдовы изъ свекровыхъ, а дѣвки изъ дѣдовыхъ помѣстій съ окладовъ, а иные вдовы въ додачу къ мужнимъ помѣстьямъ къ малымъ дачамъ. А прежь сего жъ въ Помѣстномъ приказѣ вдовамъ изъ свекровыхъ, а дѣвкамъ изъ дѣдовыхъ помѣстей вновь и къ мужнимъ малымъ дачамъ, а инымъ вдовамъ и при живыхъ свекрахъ изъ ихъ помѣстей давано. И впредь вдовамъ изъ свекровыхъ, а

¹¹²⁾ П. С. З. № 1070.

¹¹³⁾ См. П. С. З. № 633, ст.ст. 23, 27, 28, № 700—20, 27 и др.

¹¹⁴⁾ Ср. напр. Ук. 1656 г. 30 янв. П. С. З. № 173. Новоуказныя статьи 10 марта 1676 г. П. С. З. № 633, II, 3, 24 мая 1676 г. П. С. З. № 644, ст. 3, № 700, ст. 34 и др.

¹¹⁵⁾ См. напр. П. С. З. № 117 и др.

¹¹⁶⁾ П. С. З. № 633, ст. 15. Ср. Шумаковъ-Сотницы. выш. IV, XXX (1628 г.).

дѣвкамъ изъ дѣдовыхъ помѣстей вновь и въ додачу давать ли? И Великій Государь указалъ и Бояре приговорили: Снохамъ изъ свекровыхъ, а дочерямъ изъ дѣдовыхъ помѣстей давать на прожитокъ противъ прежняго по Уложению, чего имъ въ прожитокъ, съ окладу не дойдетъ: а у котораго свекра будетъ сына два, или три, и тѣмъ дать тотъ жеребей, что довелось было дать сыну его, а отцу оставить противъ дѣтей два жеребья, а сверхъ окладу на прожитокъ вдовамъ и дѣвкамъ не давать“.

Приведенное постановленіе интересно въ томъ отношеніи, что имъ опредѣляется происхожденіе выдѣла вдовой доли изъ имущества свекра при его жизни, того выдѣла, который предусматрѣнъ 1151, 1153 ст. ст. т. X, ч. I и представляется непонятнымъ и грубымъ анахронизмомъ, противорѣчащимъ основнымъ принципамъ наслѣдственнаго права, даже самымъ рѣшительнымъ сторонникамъ взгляда на выдѣлъ вдовой доли, какъ на наслѣдованіе въ имуществѣ мужа¹¹⁷). Изъ содержанія указа 10 марта 1676 г. ясно, на чемъ основывалось это непонятное въ настоящее время право вдовы на выдѣлъ изъ имущества свекра и какой характеръ оно носило. Это была пенсія натурой за службу мужа изъ того помѣстья, съ котораго послѣдній отправлялъ службу, именно изъ помѣстья отца.

Приведенное постановленіе было полностью подтверждено въ 1677 г.¹¹⁸) и болѣе подробно развито въ 1686 году. Въ послѣднемъ случаѣ на разрѣшеніе царя и бояръ былъ поставленъ вопросъ, какъ быть въ томъ случаѣ, если у владѣльца помѣстья, имѣвшаго нѣсколько беспомѣстныхъ сыновей, умеръ одинъ сынъ, послѣ котораго осталось приданое (прожиточное) помѣстье жены¹¹⁹); давать ли въ этомъ случаѣ вдовамъ бездѣтнымъ и съ дочерьми изъ помѣстій свекра и дѣла вдобавокъ къ тому прожиточному помѣстью полный жребій умершаго или же смѣшивать помѣстья вдовы съ помѣстьями свекра и дѣлить уравнительно между вдовой и деверьями или же, наконецъ, зачитывать вдовамъ прежнія ихъ прожиточныя помѣстья и додавать изъ свекровыхъ помѣстій изъ жеребья мужа столько, чтобы доля вдовы (съ дочерьми) была равна долямъ ея деверей. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ слѣ-

¹¹⁷) См., напр., Любавскій: Юридическія монографіи и изслѣдованія, т. I, „Указная часть изъ имѣнія тестя или свекра“, Змрловъ—Ж. М. Ю. 1911 г., I, хроника.

¹¹⁸) П. С. З. № 700, ст. 19.

¹¹⁹) Приданная помѣстья, какъ извѣстно, справлялись за мужьями.

дующимъ образомъ. „Великіе Государи указали и Бояре приговорили: у котораго помѣщика будутъ сына два или три, беспомѣстные, да послѣ сына жъ его умершаго останется жена съ дочерьми или бездѣтна, а за умершимъ сыномъ его было жены его прожиточное помѣстье, и тѣ вдовы съ дочерьми или бездѣтныя учнуть бить челомъ, чтобъ имъ дать прежніе ихъ прожитки, да къ тому додать имъ вдовамъ изъ свекровыхъ, а дѣвкамъ изъ дѣдова помѣстья вдовамъ мужей ихъ, а дѣвкамъ отца ихъ жеребей сполна таковъ же, по скольку доведется дать деверьямъ ея вдовинымъ, и такимъ вдовамъ съ дочерьми, и бездѣтнымъ, къ прежнимъ ихъ прожиткамъ изъ свекрова помѣстья давать, съ окладу; а будетъ помѣстныя малыя дачи, и имъ давать по жеребьямъ, а ихъ прожиточныя помѣстья имъ зачитать, и учинить имъ противъ вдовиныхъ деверьевъ, а дочерей ея дядьевъ и съ прежними ихъ вдовиными прожитки жеребьи равны; а за которыми вдовами съ дочерьми прежніе прожитки ихъ вдовины больши свекровъ ихъ дачъ, и такимъ вдовамъ съ дочерьми изъ свекровыхъ помѣстей въ додачу не давать; а которыя вдовы останутся съ дѣтьми—сыновьями, и такимъ вдовамъ съ сыновьями давать изъ помѣстей свекровъ ихъ по указнымъ статьямъ 184 и 185 году къ прежнимъ ихъ прожиткамъ полной жеребьи, что было довелось дать вдовину мужу, а сыновей ея отцу; а которыя такія дѣла вершены до сего ихъ Великихъ Государей указу и Боярскаго приговору, и тѣмъ быть такъ; а съ сего Великихъ Государей указу по такимъ дѣламъ указъ чинить по сему Своему Великихъ Государей указу“¹²⁰).

Такимъ образомъ, согласно указу 1686 года право на получение помѣстій свекра имѣли какъ вдовы бездѣтныя, такъ и имѣвшія дѣтей отъ брака съ умершимъ. При этомъ вдовы бездѣтныя и съ дочерьми получали, какъ общее правило, вдобавокъ къ прожиточнымъ помѣстьямъ (ихъ приданому) изъ помѣстій свекра указныя доли съ оклада умершаго. Въ томъ же случаѣ, когда помѣстья свекра были малы, то въ эту дачу зачитались прожиточныя помѣстья вдовы съ тѣмъ расчетомъ, чтобы доля вдовы съ дочерьми съ зачетомъ въ нее ея приданого помѣстья не превышала долей живыхъ сыновей свекра (ея деверьевъ), если же прежнее прожиточное помѣстье вдовы больше того, что могла бы она съ дочерьми получить отъ свекра, той ей ничего не

¹²⁰) 11 октября 1686 г. П. С. З. № 1214.

давалось. Наоборотъ, если у вдовы остались малолѣтніе сыновья отъ брака съ умершимъ, то вдовѣ съ сыновьями вдобавокъ къ прежнему прожиточному помѣстью, какого бы размѣра оно ни было, дается полный жеребій умершаго. Разница эта вполне понятна. Въ первомъ случаѣ вдова и дочери получаютъ лишь прожитокъ съ оклада умершаго и всё вмѣстѣ не больше его оклада. Сыновья же послѣ указа 22 марта 1684 г. имѣютъ право не только на полученіе своихъ окладовъ изъ помѣстій отца, но являются преемниками отца во всѣхъ его помѣстьяхъ¹²¹⁾.

Движимость. Первоначально въ разсматриваемую нами эпоху дворы приравнялись къ недвижимостямъ, именно къ купленнымъ вотчинамъ и отдавались вдовамъ цѣликомъ¹²²⁾. Но 8 апрѣля 1684 г. послѣдовалъ приговоръ патриарха Іоакима, которымъ изъ дворовъ умершаго вдовѣ была дана только $\frac{1}{4}$, а $\frac{3}{4}$ племянницѣ по родству¹²³⁾. Означенный патриаршій приговоръ былъ подтвержденъ и царскимъ указомъ отъ 3 июня того же

¹²¹⁾ Для большей ясности напомнимъ слѣдующее. Помѣстные оклады различались по общественному положенію служилаго лица и по качеству службы. Известному общественному положенію въ дѣтницѣ служилыхъ чиновъ соответствовали и опредѣленный помѣстный окладъ, на полученіе коего имѣлъ право каждый поступающій на службу. Но истощеніе казеннаго земельного фонда для раздачи помѣстій въ XVII ст. поколебало это положеніе. Служилые люди не получали полностью своихъ окладовъ, иные и совсѣмъ ничего не получали, а несли службу съ помѣстій отцовъ. Однако, благодаря выслугѣ фактической размѣръ помѣстій служилаго дворянина нѣрѣдко и привывали его нормальный окладъ. Обыкновенно новики (вновь поступающіе на службу) не получали полного оклада, затѣмъ съ теченіемъ времени они получали додачи до полного размѣра оклада, а за заслуги по службѣ и придачи къ окладу—такъ что фактической размѣръ помѣстій могъ быть какъ меньше, такъ и значительно превосходить размѣръ оклада (ср. Ивановъ—указ. соч. стр. 8—22, Ключевскій—Курсъ, II, стр. 280—285). По Уложенію послѣ смерти помѣщика изъ его помѣстій получали свои оклады сыновья и прожиточныя доли вдовы и дочери, а излишки шли въ родъ къ безпомѣстнымъ и мелкопомѣстнымъ, послѣ же указа 1684 г. всё помѣстье умершаго цѣликомъ со всѣми излишками и переходили четвертями поступаши къ сыновьямъ, за выдѣломъ вдовѣ и дочерямъ прожиточныхъ долей съ оклада умершаго. Такимъ образомъ, согласно законоположеніямъ 1676, 1677 и 1686 гг. вдовы лишь, неслихъ службу при отсутствіи или незначительности своихъ помѣстій съ помѣстій отцовъ, бездѣтныя и съ дѣтьми, получаютъ обезпеченіе средствъ существованія изъ помѣстій свекра—въ полномъ соответствіи съ общими нормами помѣстнаго права.

¹²²⁾ Ср. указъ отъ 25 ноября 1682 г. П. С. З. № 969, а также указы отъ 6 окт. 1679 г. и 18 мая 1680 г., приведенные въ докладѣ постановленія о вдовъ-мѣстцевыхъ дворахъ П. С. З. № 1157, отд. II.

¹²³⁾ П. С. З. № 1071.

года¹²⁴⁾. Такимъ образомъ дворы были приравнены къ движимости и довольно долго разсматривались, какъ движимое имущество. 22 января 1686 г. было издано узаконеніе, болѣе подробно нормирующее вопросъ о дворахъ¹²⁵⁾. Здѣсь подтверждается, что доля вдовы во дворахъ умершаго мужа равняется одной четверти (отд. II, ст. ст. 1, 5, 7, 8), а остальная часть идетъ дѣтямъ и въ родъ умершаго (отд. II, ст. ст. 5, 7, 14), при чемъ дочери при братьяхъ ничего не получаютъ (отд. II, ст. 15). Если же умершій не оставилъ родственниковъ, то за выдѣломъ женѣ $\frac{1}{4}$ части, $\frac{3}{4}$ становятся выморочными (отд. I, ст. 4. отд. II, ст. 8). Въ томъ случаѣ, когда бездѣтная вдова умретъ, не распорядившись своей четвертой частью, послѣдняя возвращается въ родъ мужа (отд. II, ст. 19).

Подведемъ итоги изложенному о положеніи вдовы въ Московской Руси.

Вопросъ о томъ, являлась ли вдова по царскимъ указамъ. Уложенію Алексѣя Михайловича и послѣдующему законодательству Московскаго государства наследницей умершаго мужа, по нашему мнѣнію, долженъ быть рѣшенъ отрицательно.

Въ княжескихъ вотчинахъ, какъ видно изъ указовъ Іоанна Грознаго, жены не наследовали. Онѣ могли по духовной получить такую вотчину или часть ея, если вотчина велика, на прожитокъ въ пожизненное владѣніе. Въ родовыхъ не княжескихъ вотчинахъ жена также не наследовала не только на основаніи указа 3 дек. 1628 г., но и раньше—вообще не являлась наследницей, что видно изъ соборнаго приговора 1572 г. Вѣроятно, родовыя вотчины, также какъ и княжескія, можно было завѣщать женѣ въ пожизненное владѣніе—о чемъ, повидимому, говоритъ конецъ указа 1562 г., а въ 1628 г. вдовы потеряли окончательно и это право.

Изъ указа 1562 г. видно, что жалованныя грамоты на вотчины писались иногда не только на одного вотчинника, но также на жену и дѣтей его. По смерти вотчинниковъ вдовы получали такія пожалованныя вотчины въ общее владѣніе съ дѣтьми, а если были бездѣтны, то и въ полное единоличное распоряженіе. продавали и закладывали ихъ—что явствуетъ изъ указовъ 21 апр. 1631 г. и 5 февр. 1632 г.¹²⁶⁾ Однако, эта практика не укрѣ-

¹²⁴⁾ П. С. З. № 1081.

¹²⁵⁾ П. С. З. № 1157.

¹²⁶⁾ Влад.-Буд. Хр., т. III, стр. 225—226.

пилась, была слишкомъ кратковременной и отчасти даже была уничтожена обратнымъ дѣйствіемъ указа 3 дек. 1628 г. По Уложению Алексѣя Михайловича вдовы лицъ, безпомѣстныхъ и не оставившихъ купленныхъ вотчинъ, получали часть изъ выслуженной вотчины мужа, но лишь на прожитокъ и въ пожизненное владѣніе (ст. 2, гл. XVII).

Права вдовы на купленные вотчины мужа, обыкновенно, определяются какъ права наследственные. Однако, такое определение, по нашему мнѣнію, неправильно.

Прежде всего нельзя говорить о правахъ наследованія вдовы въ купленныхъ вотчинахъ вообще. Вдова не приобрѣтала никакихъ правъ на купленные мужемъ у своихъ родичей родовыя и выслуженныя вотчины, а вотчины купленные имъ изъ своихъ помѣстій получала лишь при отсутствіи дѣтей отъ брака съ умершимъ и при томъ только во временное владѣніе—пожизненное, до выхода замужъ или до постриженія. Вотчину, купленную у чужеродцевъ, вдова получала въ свое единоличное и полное распоряженіе опять таки не безусловно, а лишь въ томъ случаѣ, если послѣ умершаго вотчинника остались родовыя и выслуженныя вотчины и помѣстья, которыя наследовали дѣти. Если же такихъ вотчинъ и помѣстій не осталось, купленные вотчины дѣлились между женой и дѣтьми (сыновьями) по жеребьямъ.

Но все-таки, за всѣми указанными исключеніями, вдова сохраняла право на полученіе послѣ мужа купленной имъ у чужеродцевъ и изъ пустыхъ казенныхъ земель вотчины въ свое единоличное и полное распоряженіе: 1) въ томъ случаѣ, когда оставалась бездѣтной, 2) если и имѣла дѣтей отъ брака съ умершимъ, но послѣднія наследовали въ родовыхъ, выслуженныхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ отца и, наконецъ, 3) въ крайнемъ случаѣ сохраняла право на полученіе равной съ дѣтьми части изъ купленной вотчины мужа и при томъ, вѣроятно, съ правами полного распоряженія.

Однако, цѣль предоставленія вдовѣ купленной вотчины—не установленіе наследственного права, а обезпеченіе ея существованія послѣ смерти мужа. Интересы государевой и земской службы, устранившіе вдову отъ пожизненнаго владѣнія родовыми и выслуженными вотчинами, поставили вдовъ въ тяжелое матеріальное положеніе. Заботы мужей были направлены къ тому, чтобы обезпечить существованіе женъ во вдовствѣ предо-

ставленіемъ имъ своихъ купленныхъ вотчинъ. Государство, вынужденное въ свою очередь необходимостью позаботиться объ обезпеченіи семей лицъ служилаго сословія, охотно пошло навстрѣчу этимъ заботамъ, признало и узаконило обычай писать въ купчихъ женъ, легко удовлетворило челобитныя о продажѣ казенныхъ земель покупщикамъ, дѣтямъ и женамъ ихъ и въ Уложеніи подтвердило и подробно разъяснило права женъ на купленные вотчины мужей. Предоставленіе купленныхъ вотчинъ женамъ съ правомъ полного распоряженія не дѣлаетъ преемства вдовы въ этихъ вотчинахъ наследованіемъ. Прожиточный характеръ этого преемства выясняется какъ изъ специальной цѣли—обезпеченія вдовы, такъ и изъ свойства самого владѣнія. Владѣніе купленной вотчиной является личнымъ, а не вѣчнымъ и потомственнымъ, принадлежит только вдовѣ, а не ея наследникамъ, что подтверждается царскимъ указомъ съ боярскимъ приговоромъ отъ 14 марта 1676 г.¹²⁷⁾ „Доложить Великаго Государя. Въ Уложеньѣ 157, въ 17 главѣ, во второй статьѣ напечатано: послѣ умершаго купленная вотчина женѣ его, вольно ей въ той вотчинѣ, какъ похочетъ, нѣтъ до нее ни кому дѣла. А буде тѣхъ женъ не станетъ, а при себѣ тоя вотчины не продасть, и не заложить, и никому не отдасть; и такія купленные вотчины давать ея роду родственникамъ, или родственникамъ мужа ея?—Великій Государь указалъ и Бояре приговорили буде послѣ мужа дана будетъ вотчина женѣ по Уложенью, и послѣ того умереть, а вотчины никому не прикажетъ, и та вотчина отдать въ родъ мужа ея, а ея сродникамъ не давать“.

Вдова лично можетъ распорядиться имѣньемъ: заложить, продать, подарить, завѣщать, т. е. прожить его, какъ ей угодно. Но если вдова не прожила имѣнье, и не распорядилась имъ *mortis causa* оно возвращается къ законнымъ наследникамъ. Если бы преемство вдовы въ купленной вотчинѣ было наследованіемъ, вотчина переходила бы къ наследникамъ вдовы. Но такъ какъ вотчина дается вдовѣ со специальной цѣлью обезпеченія ея личного существованія, то по исполненіи своей специальной задачи возвращается въ составъ общей наследственной массы, поступаетъ къ наследникамъ умершаго вотчинника.

Проф. Владимирскій-Будановъ высказываетъ взглядъ, что

¹²⁷⁾ Новоук. статьи 14 марта 1676 г., ст. I, П. С. З. № 634. См. также Новоук. статьи 10 авг. 1677 г. П. С. З. № 700, разд. II, ст. I, указъ 13 іюня 1683 г. П. С. З. № 1021.

право вдовъ на получение выслуженныхъ вотчинъ и право ихъ на получение купленныхъ не составляло права наслѣдованія. такъ какъ и при жизни мужа жена являлась совладѣлицею, соучастницею правъ мужа¹²⁸⁾. Но въ такомъ случаѣ, если исходить изъ принципа общности семейнаго имущества, необходимо признать, что и дѣти не являлись наслѣдниками отца въ выслуженныхъ и купленныхъ вотчинахъ его, а также совладѣльцами, сособственниками въ означенныхъ вотчинахъ. Далѣе, если при разрѣшеніи настоящаго вопроса руководствоваться содержаніемъ жалованныхъ грамотъ и купчихъ крѣпостей, то необходимо расширить и самый принципъ, положенный въ основаніе такого взгляда: жалованныя грамоты и купчія писались не только на имя известнаго лица, его жены, дѣтей, но нерѣдко и на родъ его. Слѣдовательно, соучастниками правъ владѣльца должны быть признаны и родичи—что для XVII ст. представляется явнымъ анахронизмомъ.—Отрицая существованіе общности семейнаго имущества въ служиломъ классѣ московскаго государства¹²⁹⁾, мы полагаемъ, что жена не можетъ быть признана здѣсь наслѣдницей умершаго мужа не потому, что она является совладѣлицею купленныхъ вотчинъ мужа, соучастницею его правъ на нихъ, а потому, что преемство жены въ имуществѣ мужа (въ частности и въ купленныхъ вотчинахъ) носить особый специальный характеръ, чуждый духу наслѣдственнаго права.

Въ помѣстьяхъ первоначально наслѣдованія въ прямомъ смыслѣ этого слова не было. Самый характеръ помѣстнаго владѣнія, владѣнія личнаго и строго служебнаго исключалъ возможность наслѣдственнаго преемства. Но въ Уложеніи уже замѣтны черты переходнаго характера, сближающія преемство въ въ помѣстьяхъ съ таковымъ же въ вотчинахъ. Послѣ умершаго владѣльца помѣстья не отбираются у семьи: кромѣ прожиточныхъ долей вдовы и дочерей, изъ помѣстій отца получаютъ свои оклады сыновья, а затѣмъ помѣстья идутъ въ родъ. Подмосковныя помѣстья справляются цѣликомъ за сыновьями, хотя бы они были малы и не могли нести государевой и земской службы. Но все-таки переходъ помѣстій къ сыновьямъ по Уложенію вообще совершается не на основаніи прямого права наслѣдованія, а въ интересахъ и въ предѣлахъ отбыванія ими служебной повинности. Помѣстья—за исключеніемъ подмосковныхъ—переходятъ

¹²⁸⁾ См. Обзоръ истор. русс. пр., изд. 4, стр. 512.

¹²⁹⁾ Подробнѣе объ этомъ сказано ниже.

отъ отца къ сыновьямъ не въ цѣломъ составѣ, а лишь въ размѣрѣ ихъ окладовъ, установленныхъ предшествующими указами. Тѣмъ болѣе не приходится говорить о наслѣдованіи вдовъ и дочерей въ помѣстьяхъ. Онѣ получали опредѣленные доли во временное пользованіе.—И только со времени Указа 22 марта 1684 года переходъ помѣстій къ прямымъ нисходящимъ потомкамъ мужского пола принялъ характеръ наслѣдственнаго преемства вообще.

Если мы выше сравнили помѣстное владѣніе съ жалованьемъ за службу государству, то указную долю вдовы и дочерей вполне возможно приравнять къ пенсіи за службу мужа и отца. Что владѣніе помѣстьемъ носило въ известныхъ случаяхъ характеръ пенсіи за службу, съ полной очевидностью подтверждается и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Изъ Уложенія мы видимъ, что дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ старымъ, которые отставлены отъ службы, наряду со вдовами давались на прожитокъ помѣстья¹³⁰⁾. А также за старыми и увѣчными дворянами и дѣтьми боярскими оставлялись ихъ помѣстья въ пожизненное владѣніе¹³¹⁾. Подобное владѣніе помѣстьями въ отставку на прожитокъ вполне соответствуетъ современной пенсіи. Такой же характеръ пенсіи за службу мужа или отца, обеспечивающей существованіе по смерти или до выхода замужъ, носятъ и указныя доли вдовъ и дочерей въ помѣстьяхъ. Прожиточныя помѣстья и вотчины, данныя вдовамъ и дѣтямъ, освобождались иногда даже отъ общей земельной повинности—постановки ратныхъ людей на службу—чѣмъ еще больше подчеркивался специальный характеръ этого владѣнія¹³²⁾.

Большой интересъ представляетъ вопросъ о преемствѣ вдовъ въ движимомъ имуществѣ мужей по Уложенію, хотя бы уже по одному тому, что постановленія Уложенія по этому вопросу черезъ посредствующее звено въ видѣ указа 17 марта 1731 года съ соответствующимъ обобщеніемъ вопли въ сводѣ законовъ и представляютъ норму дѣйствующаго права. Согласно указу 3 дек. 1628 г. и I ст. гл. XVII Уложенія жена получаетъ послѣ мужа четверть животовъ. Является ли эта указная доля вдовы въ движимости наслѣдованіемъ?

¹³⁰⁾ Гл. XVI, ст. 8.

¹³¹⁾ Гл. XVI, ст. 61 Ср. также Указатель Максимовича, т. I, стр. 316, указъ 31 іюля 1650 г.

¹³²⁾ Ср. Указат. Максимовича, т. I, стр. 144, указъ 29 ноября 1633 г.

Для удовлетворительнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса необходимо ознакомиться съ источниками, изъ коихъ заимствованы постановленія Московской Руси объ указной долѣ вдовы въ движимости умершаго мужа.

Откуда ведетъ свое происхожденіе вдовья доля въ движимости, почему размѣръ ея опредѣленъ въ видѣ четвертой части движимаго имущества умершаго мужа—на эти вопросы мы не найдемъ отвѣта въ нашемъ древнемъ законодательствѣ, такъ какъ указанная законодательная норма не русскаго происхожденія, а заимствована съ Запада. Основнымъ ея источникомъ является римское право. Какъ ни мало похоже наше своеобразное наследственное право на стройную систему римскаго наследованія, однако, несомнѣннымъ первоисточникомъ вдовьей доли въ движимости является законодательство Юстиніана и въ частности его новеллы 53 и 117, оказавшія вліяніе на русское право не прямо и непосредственно, а черезъ византійское законодательство и духовный судъ Московской Руси. Однако, надо замѣтить, что заимствованіе духовнымъ судомъ, а затѣмъ и законодательствомъ московскаго государства нормъ такъ называемаго греко-римскаго права не являлось простымъ повтореніемъ ихъ. Постановленія императора Юстиніана о преемствѣ супруговъ подверглись значительному измѣненію уже въ Эклогѣ Льва Исавра и потерпѣли дальнѣйшее измѣненіе при перенесеніи ихъ въ сферу законодательства московскаго государства.

5. Законодательство императора Юстиніана.

На-ряду съ правомъ наследованія общаго характера, предоставленнымъ пережившему супругу преторскимъ эдиктомъ и императорскими конституціями и реформированнымъ Юстиніаномъ, согласно каковому праву пережившій супругъ являлся универсальнымъ преемникомъ умершаго въ послѣднемъ классѣ наследниковъ послѣ всѣхъ его родственниковъ, императоръ Юстиніанъ предоставилъ вдовѣ особое право преемства въ имуществѣ умершаго мужа. Новеллой 53 имп. Юстиніанъ установилъ, что вдова безприданница получаетъ послѣ смерти мужа четвертую часть его имущества, при чемъ если мужъ оставилъ ей въ видѣ легата или другого назначенія меньше четвертой части, то недостающее добавляется. Такое же право въ имуществѣ умершей

жены предоставлено было новеллой 53 и неимущему вдовцу ¹³³⁾.

Въ новеллѣ 117 изложенныя постановленія были нѣсколько измѣнены. Вдова—согласно этой новеллѣ—получаетъ четвертую часть имущества мужа, но не свыше 100 фунтовъ золота, если послѣ умершаго осталось не больше трехъ дѣтей, если же четыре и болѣе, то она получаетъ лишь равную часть съ дѣтьми. При томъ, если дѣти происходятъ отъ брака ея съ умершимъ, то она получаетъ свою часть лишь въ польовладѣніе (узуфруктъ), собственность же принадлежитъ дѣтямъ. Въ прочихъ случаяхъ вдова является собственницей своей части. Необходимыя условія для полученія квартиры—законный бракъ и совмѣстная жизнь съ мужемъ до смерти послѣдняго. Мужъ вдовецъ, согласно новеллѣ 117, былъ лишенъ предоставляемаго ему права на квартиру изъ имущества умершей жены ¹³⁴⁾.

Вопросъ о томъ, является ли право вдовы на четвертую часть имущества умершаго мужа правомъ наследованія или же представляетъ частное преемство,—среди романистовъ возбуждаетъ разногласія. Господствующее ученіе рассматриваетъ квартиру вдовы какъ законный отказъ ¹³⁵⁾. Противоположное мнѣніе считаетъ вдову и въ этомъ случаѣ наследницей мужа ¹³⁶⁾. Послѣдній взглядъ представляется намъ неправильнымъ.

Прежде всего кварта вдовы по своему происхожденію является институтомъ не наследственнаго, а семейнаго права.

Согласно римскому обычаю, поощряемому и закономъ, жена приносила мужу для покрытія издержекъ совмѣстной жизни приданое (dos), а мужъ въ свою очередь предоставлялъ женѣ съ такою же цѣлью даръ (donatio ante или propter nuptias). Размѣръ приданого и брачнаго дара находился, конечно, въ зависимости отъ степени состоятельности вступающихъ въ бракъ и опредѣлялся заключеннымъ между сторонами условіемъ и обычаемъ. Обычный размѣръ приданого у людей состоятельныхъ

¹³³⁾ Nov. 53, c. VI, pr. и § 2.

¹³⁴⁾ Nov 117, cap. V.

¹³⁵⁾ Ср. Vangerow—„Lehrbuch der Pandecten, B II, § 488, прим. 5. Koeppen-Lehrbuch des heutigen römischen Erbrechts, § 105, 3, 4, Windscheid-Lehrbuch des Pandectenrechts, 9 изд., § 574, 1 и прим. 10.

¹³⁶⁾ Дернбургъ—Пандекты, т. III, Наслѣд. пр. § 137, Arnds-Lehrbuch des Pandecten—§ 481 (ср. однако § 606). Но оба ученые не считаютъ вдову наследницей мужа, когда она конкурируетъ съ собственными дѣтьми и является лишь узуфруктуаріемъ.

при Юстинианѣ достигалъ 100 фунтовъ золота ¹³⁷). Юстинианъ постановилъ, что *dos* и *donatio propter nuptias* должны быть равны ¹³⁸).

Dos и *donatio propter nuptias* служили цѣлямъ брака не только непосредственно, но и косвеннымъ образомъ: они при свободѣ развода, существовавшей въ римской имперіи, являлись штрафомъ за разводъ, налагаемымъ на виновнаго супруга въ пользу невиннаго, являлись средствомъ обезпеченія послѣдняго при расторженіи брака. Въ случаѣ, если бракъ расторгался по винѣ мужа *donatio* поступало въ пользу жены, если же по винѣ жены, *dos* поступало въ пользу мужа ¹³⁹). Если же отъ брака были дѣти, то право собственности на *dos* или *donatio* сохранялось за ними, разведенный же супругъ получалъ лишь право пользования ¹⁴⁰).

Если же жена была безприданницей и въ свою очередь не получила *donatio propter nuptias*, разводъ, данный ей мужемъ, не приносилъ послѣдному никакого матеріальнаго ущерба и ставилъ несостоятельную жену въ тяжелое матеріальное положеніе. На этотъ случай, когда жена не принесла съ собой никакого приданаго и, слѣдовательно, не имѣла мѣста и *donatio propter nuptias*, а разводъ послѣдовалъ по винѣ мужа, императоръ Юстинианъ постановилъ, что мужъ уплачиваетъ женѣ 100 фунтовъ золота, если его состояніе равняется 400 фунтовъ или больше, если же его состояніе меньше 400 фунтовъ, то четвертую часть своего состоянія. Одинаковыя матеріальныя послѣдствія при разводѣ несла и виновная жена ¹⁴¹). Въ новеллѣ 22 Юстинианъ повторяетъ то же положеніе, указывая, что размѣръ кварты не долженъ превосходить 100 фунтовъ, такъ какъ по большей части эта сумма составляетъ максимальный размѣръ приданаго ¹⁴²).

Изложенныя выше постановленія на случай развода и послужили прообразомъ для новеллъ императора Юстиниана, установившихъ право вдовы на четвертую часть въ имуществѣ умершаго мужа.

¹³⁷) Nov. 22, cap. XVIII См. по этому поводу Zachariae von Lingenthal—Geschichte des griechisch-römischen Rechts, изд. 1892 г. стр. 87.

¹³⁸) Nov. 97, cap. I.

¹³⁹) 4, 5 1 8 C. de repudiis V 17.

¹⁴⁰) Ibid 7, 1 8. Внѣстѣдствіи имп. Юстинианъ постановилъ, что если разведенный супругъ не вступитъ во второй бракъ, то сохраняетъ право собственности на часть, равную двѣской, а на остальное usufructъ—см. Nov. 127 cap. III.

¹⁴¹) 1, 1 11 C. de repudiis V, 17.

¹⁴²) Nov. 22, cap. XVIII „Nam ad maximam quae plerumque est dotem rescipientes hanc legem tulimus...“

Изъ содержанія новеллы 53 видно, что Юстинианъ не только проводитъ внѣшнюю аналогію между квартою вдовы при разводѣ и въ случаѣ смерти мужа, но и рассматриваетъ оба института какъ родственные между собою по содержанію ¹⁴³). Это внутреннее сходство еще болѣе подтверждается постановленіями новеллы 117. Здѣсь законодатель отождествляетъ обѣ кварталы, рассматривая ихъ какъ совершенно однородные институты и производитъ общія для того и другого измѣненія въ постановленіяхъ предыдущихъ конституцій ¹⁴⁴).

Побудительными мотивами, коими руководствовался Юстинианъ, устанавливая кварту вдовы, какъ видно изъ новеллы 53, служили соображенія гуманности, заставившія его прийти на помощь женамъ безприданницамъ, которыя послѣ смерти мужей ничего не получали изъ оставшагося имущества и благодаря этому жили въ крайней нуждѣ ¹⁴⁵). Поэтому право на получение четвертой части изъ имущества умершаго мужа было предоставлено Юстинианомъ лишь вдовѣ безприданницѣ, бѣдной вдовѣ (*indotata, inops mulier*).

Такимъ образомъ, какъ изъ содержанія самого закона, такъ и изъ мотивовъ законодателя видно, что кварта вдовы въ имуществѣ умершаго мужа не является институтомъ наследственнаго права. Она однородна съ квартою при разводѣ, не имѣющей ничего общаго съ наследованіемъ. Ея установленіе имѣетъ цѣлью обезпечить матеріальное положеніе бѣдной жены изъ имущества состоятельнаго мужа (*vir locuplex*) ¹⁴⁶).

¹⁴³) Nov. 53, cap. VI pr... Et quemadmodum legem scripsimus, quae vult, ut si vir uxorem, quae sine dote est, dimiserit, quartam ea partem substantiae eius accipiat, ita etiam hic siquidem fortasse plures vel pauciores sint liberi, mulier quartam substantiae partem accipiat... ut, sicuti illis laesis opem tulimus, quando a maritis dimittuntur, quae nint indotatae, ita eadem providentia, si semper apud eos maneant fruuntur, omniaque ad imitationem illius constitutionis nostrae... hic obtineant.

¹⁴⁴) Nov. 117 cap V... si quis absque dotalibus instrumentis coniugali affectione uxorem ducat, eamque sine causa legibus cognita ciciat, ea quartam partem substantiae eius accipiat... si quis inopem mulierem ex sola affectione ducat, et quum ad mortem usque cum ea vixisset, prior morietur, similiter et ipsa quartam partem substantiae accipiat... utramque legem in praesentia pulchrius formantes in utroque casu sancimus... Si vero plures sint liberi, in utroque similiter casu tantum mulierem accipere volumus, quantum uni ex liberis competit, ita scilicet, ut in illis rebus solum usumfructum habeat... Maritum enim in eiusmodi casibus quartam partem... capere... prohibemus.

¹⁴⁵) Nov. 53, cap. VI pr. Quoniam vero ad humanitatem tota nostra lex accommodata est... uxores vero... quia nec dos nec donatio propter nuptias facta sit, nihil capere posse, sed in extrema necessitate vivere...

¹⁴⁶) Nov. 53, cap. VI, § 2.

Последняя цель чужда чистому принципу наследования (по закону), основанному на родстве по крови или на отношениях брачных и не зависящему от степени состоятельности наследодателя или наследника. Максимальный предель вдовьей доли ограничен суммой в 100 фунтов золота. Наследование по закону не знает такого ограничения. Подобное ограничение противоречит сущности римского наследования, как универсального преемства.

Размер обеспечения вдовы выработался в семейном (брачном) праве. Как было указано выше 100 фунтов золота представляли обычный максимальный размер *dos* и *donatio propter nuptias*. Эта сумма считалась достаточным возмещением со стороны жены необходимых издержек общей семейной жизни при браке лиц состоятельных (*dos*), равно как и достаточным обеспечением со стороны мужа имущественного положения жены (*donatio*). Поэтому вполне понятно, что законодатель, поставив из соображений гуманности целью обеспечить положение неимущей вдовы из имущества состоятельного мужа, определил размер обеспечения в пределах той суммы, которая считалась достаточной для этого даже при браке лиц состоятельных.

Из всего сказанного очевидно, что вдовья доля по римскому праву носит тот же характер, что и в русском праве: характер обеспечения существования вдовы, ее прожитка. Прожиточный характер вдовьей доли по римскому праву еще более подтверждается тем обстоятельством, что вдова при существовании детей от брака с умершим мужем получает свою долю лишь в пользование, право же собственности принадлежит детям¹⁴⁷⁾.

Наконец, вдова не имеет *ius accrescendi*. Она не может, следовательно, стать универсальной преемницей мужа (на основании права на квартиру). Категорическое указание новеллы 117, что доля вдовы не должна превышать ста фунтов, служит достаточным доказательством высказанного положения.

Некоторые романисты, придерживающиеся того взгляда, что вдова, получающая квартиру, является наследницей мужа, но вместе с тем принужденные считаться с ясно и определенно выраженным постановлением новеллы 117 о предельном размере вдовьей доли, указывают, что все же вдова принадлежит *ius accrescendi*, но лишь в пределах максималь-

147) № 117, cap. V.

ного размера ее доли. Однако, источники не дают оснований для подобного вывода, для признания за вдовой и такого ограниченного права приращения.

Таким образом право вдовы на получение квартиры не может быть признано правом наследования не только по своему происхождению и цели, которую преследовал законодатель при ее установлении, но также и по материальному содержанию постановлений о ней. Право на получение квартиры зависит от привходящих обстоятельств, чуждых принципам наследственного права: состоятельности вдовы и наличности у нее детей от брака, предельный размер ее ограничен и отсутствует право приращения.

Высказываясь в том смысле, что вдова должна быть признана наследницей мужа, Дернбург¹⁴⁸⁾ в подтверждение своего взгляда выдвигает два положения: 1) что вдова называется законом сонаследницей и 2) что она отвечает за долги наследства.

Первый довод не представляется нам убедительным. То или другое название, употребленное законодателем, не определяет еще юридической природы института. Последняя выясняется из содержания постановлений закона, положенных в основание этого института. А содержание законодательства Юстиниана о квартире вдовы, как мы видели выше, дает все основания для противоположного вывода. Другое указание, что вдова отвечает за долги мужа, представляется более серьезным. Однако, вопрос об ответственности вдовы за долги мужа не представляется бесспорным. Так, Коерпен полагает, что вдова получает $\frac{1}{4}$ часть из чистого имущества мужа, за вычетом долгов¹⁴⁹⁾. Самый размер ответственности вдовы на основании текста закона нельзя установить с бесспорной ясностью. Сторонники взгляда на вдовью долю, как на законный легат—*Windscheid* и *Vangerow* полагают, что вдова отвечает за долги мужа лишь в пределах вдовьей доли¹⁵⁰⁾.

Но если даже допустить, что вдова по римскому праву отвечала за долги мужа также и своим имуществом, т.е. неограниченно, то какой возможен отсюда вывод? Только один, что вдова не может быть признана легатарием, так как лега-

148) Пандекты, III, § 137.

149) Коерпен—Lehrbuch § 105, 3, 4 и прим.

150) См. прим. 135.

таріи по римскому праву не отвѣчали за долги наслѣдодателя своимъ имуществомъ. Но это еще не значитъ, что вдова является наслѣдницей мужа. Признаніе вдовы наслѣдницей при наличности прочихъ установленныхъ новеллой 117 положеній встаетъ въ полное противорѣчіе съ основными принципами наслѣдственного права.

6. Византійское право.

Со времени законодательства Юстиніана прошло два столѣтія. Общественныя и политическія условія жизни Византіи значительно измѣнились, наплывъ варварскихъ народовъ оказалъ на нихъ замѣтное вліяніе, развились новые обычаи, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни законодательныя новеллы византійскихъ императоровъ стали значительно уклоняться отъ принциповъ римскаго права. Положенія послѣдняго стали забываться. Былъ забытъ и латинскій языкъ. Необходимость въ кодификаціи новаго законодательнаго матеріала и опредѣленіи отношенія его къ постановленіямъ законодательства Юстиніана, значительная часть коихъ если и не была официально отмѣнена, то въ значительной степени измѣнена законодательными новеллами послѣдующихъ императоровъ или нормами обычнаго права,—была удовлетворена сжатымъ изложеніемъ дѣйствующаго права въ краткомъ руководствѣ, изданномъ около 740 г. императорами Львомъ Исавромъ и Константиномъ Копрономомъ и извѣстномъ подъ сокращеннымъ названіемъ „Эклоги“¹⁵¹⁾.

Обращаясь къ содержанію Эклоги, мы прежде всего должны отмѣтить, что постановленія о квартирѣ пережившаго супруга отнесены здѣсь къ области семейнаго права и помѣщены въ титулъ второмъ, который содержитъ законоположенія о бракѣ¹⁵²⁾.

Эклога различаетъ бракъ между лицами состоятельными, заключаемый на основаніи письменнаго условія и между лицами несостоятельными—безъ письменнаго условія.

¹⁵¹⁾ *Ἐκλογία τῶν νόμων ἐν συντόμοις γενομένη παρὰ Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου* etc., изд. Zachariae von Lingenthal: *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum*. Lipsiae. 1852. См. о семейномъ правѣ Эклоги Zachariae, *Geschichte*, § 11.

¹⁵²⁾ Tit II. *περὶ γάμων*... (О бракахъ разрѣшенныхъ и запрещенныхъ, первомъ и второмъ, писанномъ и неписанномъ и о расторженіи ихъ). Постановленія же о правѣ наслѣдованія изложены въ титулъ шестомъ Эклоги (ср. tit II и VI).

При заключеніи брака между лицами состоятельными, когда жена приноситъ приданое (*προίξ*), мужъ предоставляетъ женѣ въ свою очередь соотвѣтствующій ей приданому предбрачный даръ (*προγαμία δωρεά*)¹⁵³⁾ и обязуется сохранить приданое жены и увеличить его въ случаѣ бездѣтности до размѣровъ $\frac{1}{4}$ части. Обо всемъ этомъ составляется письменное условіе при участіи благонадежныхъ свидѣтелей¹⁵⁴⁾.

Имущественныя послѣдствія прекращенія брака смертью одного изъ супруговъ различались въ зависимости отъ того, остались ли отъ брака дѣти или нѣтъ.

При бездѣтномъ бракѣ пережившій мужъ получалъ четвертую часть приданого жены, остальное имущество жены шло къ наслѣдникамъ ея по завѣщанію или по закону; если же мужъ умиралъ раньше жены, послѣдняя получала приданое и изъ имущества мужа часть, равную четверти приданого, остальное имущество мужа шло къ его наслѣдникамъ¹⁵⁵⁾. При наличности дѣтей наслѣдственный переходъ имущества не имѣлъ мѣста. Семейная общность имущественныхъ отношеній продолжалась подъ руководствомъ и управленіемъ пережившаго супруга. Если мужъ умиралъ раньше, жена удерживала въ своемъ владѣніи не только свое приданое, но и все имущество мужа, которому должна была составить опись, заботилась и управляла всѣмъ домомъ¹⁵⁶⁾. Дѣти не могли противорѣчить ей и требовать отцовскаго имущества, но должны оказывать ей полное почтеніе и послушаніе. Она же обязана была воспитать дѣтей, какъ подобаетъ матери, устроить бракъ ихъ и наградить приданнымъ, по собственному усмотрѣнію¹⁵⁷⁾.

То же положеніе главы семьи, хозяина дома и распорядителя общесемейнымъ имуществомъ принадлежитъ мужу—вдовцу¹⁵⁸⁾.

Однако, ставя пережившаго супруга въ такое почетное положеніе, Эклога разсматриваетъ положеніе его не только съ точки зрѣнія правъ, но также и обязанностей. Пока дѣти не достигли зрѣлаго возраста, пережившій супругъ не въ правѣ по своей во-

¹⁵³⁾ Tit II, § 3 (γ).

¹⁵⁴⁾ См. Tit. II § 3.

¹⁵⁵⁾ Tit II, § 4 (δ).

¹⁵⁶⁾ Tit II, § 5 (ε).

¹⁵⁷⁾ *Ibidem*.

¹⁵⁸⁾ Tit II, § 6 (ς).

лѣ нарушить общность семейной жизни и сложить съ себя заботы о дѣтяхъ и управление хозяйствомъ. Если же дѣти достигли зрѣлаго возраста, пережившій супругъ въ правѣ отдѣлиться отъ дѣтей; онъ въ этомъ случаѣ кромѣ своего имущества получаетъ изъ имущества умершаго часть, равную части каждаго изъ дѣтей¹⁵⁹⁾.

При стѣсненномъ имущественномъ положеніи супруговъ бракъ заключается безъ письменнаго условія, на основаніи простого соглашенія сторонъ. И въ этомъ случаѣ, если мужъ безъ законнаго основанія лишитъ бездѣтную жену сожителства, онъ долженъ ей выдать обратно ея венцы и предоставить $\frac{1}{4}$ часть своего имущества¹⁶⁰⁾. Бѣдная жена, въ случаѣ смерти мужа, безъ дѣтей и безъ завѣщанія, получаетъ $\frac{1}{4}$ часть имущества мужа, но не свыше 10 литровъ, остальное идетъ къ наслѣдникамъ его или становится выморочнымъ¹⁶¹⁾.

Послѣдствія второго брака были таковы: вдова, выпедшая вторично замужъ до истеченія года со смерти мужа, теряетъ право на получение чего-либо изъ семейнаго имущества, выпедшая замужъ по истеченіи года, получала свое приданое. И мужъ, вступившій во второй бракъ, ничего не получалъ изъ имущества жены¹⁶²⁾. Если дѣти не достигли зрѣлаго возраста, отецъ, повидимому, и во второмъ бракѣ сохранялъ право пользованія и управления имуществомъ дѣтей, мать же должна была просить о назначеніи опекуна¹⁶³⁾. Если же дѣти достигли зрѣлаго возраста, они имѣли право потребовать отъ вступившаго во второй бракъ родителя все имущество умершаго¹⁶⁴⁾.

Преемники умершаго наслѣдодателя отвѣщали за его долги по Эклогѣ въ качествѣ общаго правнла лишь въ предѣлахъ полученнаго¹⁶⁵⁾.

Изъ всего изложеннаго очевидно, что кварта Эклоги не можетъ быть признана наслѣдственной долей и пережившій супругъ наслѣдникомъ умершаго.

Отъ законодательства Юстиніана постановленія Эклоги отли-

159) Tit. II, § 7 (C).

160) Tit. II, § 8 (n).

161) Tit. II, § 9 (p).

162) Tit. II, § 10 (t).

163) Tit. II, § 11. (a).

164) Tit. II, § 10.

165) См. Tit. VI, §§ 8—10. Объ отвѣтственности жены по долгамъ мужа см.

чаются прежде всего тѣмъ, что они распространяются на обоихъ супруговъ и при томъ не только на бѣдныхъ, но и на состоятельныхъ. Пережившій состоятельный супругъ при отсутствіи дѣтей получаетъ здѣсь не только dos или donatio propter nuptias, но также изъ имущества умершаго $\frac{1}{4}$ часть dotis или эквивалентъ ея. При наличности же дѣтей, не достигшихъ совершеннолѣтія, общность имущественныхъ отношеній не нарушается, а по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія пережившій супругъ получаетъ часть каждаго изъ дѣтей. Наконецъ, Эклога сохранила и кварту Юстиніана почти въ неприкосновенномъ видѣ: бѣдная бездѣтная вдова получаетъ послѣ смерти мужа четвертую часть его имущества, но не свыше 10 литровъ.

Изъ приведеннаго вкратцѣ содержанія постановленій Эклоги видно, что кварта пережившаго супруга въ Византіи возникаетъ и находитъ примѣненіе въ сферѣ семейнаго права. Ея происхожденіе тѣсно связано со стремленіемъ заинтересованныхъ въ томъ лицъ обезпечить имущественное положеніе женщины, выходящей замужъ, въ бракѣ и послѣ прекращенія брака. Такое обезпеченіе достигалось первоначально путемъ заключенія на каждый отдѣльный случай брачнаго договора, который и определялъ имущественное положеніе вступившихъ въ бракъ. Имущественныя гарантіи, предоставляемыя мужемъ женѣ при заключеніи брака и закрѣпляемыя въ брачномъ договорѣ, сдѣлались постепенно институтомъ обычнаго права и въ качествѣ такового вошли въ составъ Эклоги. При заключеніи брака между лицами состоятельными мужъ по силѣ дѣйствующаго въ Византіи обычая принималъ на себя обязательство сохранять и увеличивать приданое жены, а на случай прекращенія брака при бездѣтности супруговъ предоставлялъ женѣ (кромѣ приданого) часть имущества, равную $\frac{1}{4}$ ея приданого. Эта норма обычнаго права и была зафиксирована Эклогой, какъ дѣйствующій законъ. При заключеніи брака лицами несостоятельными безъ письменнаго условія самъ законъ заботится о положеніи вдовы примѣнительно къ нормамъ обычнаго права. Неосновательное прекращеніе со стороны мужа брачнаго сожителства, даетъ женѣ право на получение четвертой части его имущества, то же право на получение четвертой части имущества мужа (не свыше, однако, 10 литровъ) возникаетъ для бездѣтной вдовы и въ случаѣ прекращенія брака смертью мужа.

Кварту состоятельнаго супруга является неизмѣнной, отсут-

ствуешь *ius accrescendi* ¹⁶⁶⁾, право на квартиру утрачивается вступлением во второй брак. Квартира же вдовы представляет полную аналогию с квартирой Юстиниана. Она предоставляется лишь бездетной вдове и не должна превышать определенного размера. Кроме того, Эклога не рассматривает супруга, получающего квартиру, как сонаследника, наоборот, неоднократно противопоставляет его наследникам по закону или завещанию (ср. *tit. II, 4*).

Постановления Эклоги, удовлетворяющие новым общественным отношениям и основанные на обычном праве, пользовались большим распространением на востоке, несмотря на то, что дальнейшая законодательная деятельность византийских императоров—в особенности Василия Македонянина и Льва Философа, была неблагоприятна для них, так как была направлена на реставрацию Юстинианова права в чистом виде ¹⁶⁷⁾.

Наиболее важными после Эклоги юридическими памятниками Византии являются Прохирон, Эпанагога и Василики.

Прохирон—короткий сборник законов, изданный Василием Македонянином приблизительно в 879 г., Эпанагога—проект краткого законодательного кодекса, не ставшего однако законом (884—886) и Василики—Льва Философа, обширная компиляция

¹⁶⁶⁾ Согласно постановлению Эклоги переживший супруг вообще не становится универсальным преемником умершего. Даже при отсутствии родственников умершего от—в отличие от римского права—получает только половину имущества умершего, вторая половина становится выморочной и идет в казну. Ср. *Εκλογία*—VI, 6.

¹⁶⁷⁾ Ср. *Zachariae-Ecloga, prolegomena*. О. Я. Пергамент замечает (Придающее по бессарабскому праву, стр. 7), что Эклога стремится не только личные, но и имущественные отношения семьи обосновать на началах христианского семейного строя и указывает как на исходный момент своих положений, на места из священного писания. Поэтому положения Эклоги имели такое огромное значение для всего православного востока. Замечание совершенно правильное (ср. напр. *tit II, §§ 5—7* Эклоги). Мы ниже указываем, какими высокими авторитетом пользовались у нас постановления главизн благочестивых царей Леона и Константина, которые оказали немаловажное влияние на развитие нашего древнего семейного и отчасти наследственного права. Но при этом нельзя не отметить принцип истории. Творцами главизн (Эклоги) были императоры иконоборцы Лев Исавръ и Константин Копроимъ, с учением и деятельностью коих православная церковь вела ожесточенную борьбу. И если бы архиепископы Киевской и Московской Руси знали, кто были авторами главизн, то уже наверное не называли бы их благочестивыми царями и едва ли бы прибегали к главизнам как к высокому и даже священному авторитету в области семейного и наследственного права.

действующего Юстинианова права в 60 книгах (886—912). Из них наибольшим влиянием как в сфере гражданской, так и церковной юрисдикции Византии пользовался Прохирон.

Постановления Прохирона о вдове долее повторяют положения права Юстиниана ¹⁶⁸⁾. Прохирон также предоставляет право на преемство лишь вдове, которая получает $\frac{1}{4}$ часть имущества умершего мужа, но не свыше 100 фунтов золота, если имеет не более трех детей и часть равную дѣтской, если детей больше; при этом, если вдова имеет детей от умершего мужа она получает лишь пожизненное владение своею частью, право собственности принадлежит детям, если же детей от брака не осталось—вдова получает свою долю в собственность ¹⁶⁹⁾.

Таковы постановления о преемстве супругов двух наиболее распространенных кодексов византийского права (Эклоги и Прохирона), оказавших несомненное и большое влияние на русское законодательство.

7. Влияние византийского права на русское.

Влияние византийского права на наше древнее законодательство тесно связано с принятием нами христианства от греческой церкви, заимствованием отсюда церковного устройства и первоначальным подчинением нашей церкви—церкви греческой.

Вместе с принятием христианства языческая Русь заимствовала из Византии и церковное устройство и получила отсюда первых представителей церковной иерархии. Высшее духовенство России еще долго насчитывало в своих первых рядах греков. Греческое духовенство принесло с собою вместе с правилами веры и основаниями церковного устройства также и церковно-гражданскую юрисдикцию, которая в широком объеме предоставлена была греческой церкви законами Константина

¹⁶⁸⁾ Ср. *Nov. 117* и *Proch. V, 6*.

¹⁶⁹⁾ Постановления Эпанагоги несколько отличаются от постановлений Прохирона. Эпанагога предоставляет вдове безприданца, все равно имеющей средства или нет, $\frac{1}{4}$ ч. имущества умершего мужа в собственность, если у ней не более трех детей и часть равную дѣтской, если больше, т.е. не ограничивает размер доли, не ставит его в зависимость от состоятельности и предоставляет ее в собственность. Ср. *Επαναγογή*, то же изд. *Zachariae*, XIX, 9.

Великаго, Юстиніана, Алексѣя Комнина и др. византійскихъ императоровъ. Христіанская религія со времени Константина Великаго сдѣлалась въ Византіи государственной религіей, христіанская церковь заняла почетное положеніе въ государствѣ, при чемъ за нею была признана не только самостоятельность въ разрѣшеніи вопросовъ каноническихъ, но специально вѣдѣнію церковной юрисдикціи предоставлены были всѣ дѣла, имѣвшія отношеніе къ области вѣры и нравственности. Сюда относились дѣла брачныя, третейскій судъ, опека и попечительство, гражданскій и уголовный судъ надъ лицами духовнаго званія и др., а со времени Юстиніана также и дѣла мірянъ съ духовными лицами были подчинены церковному суду ¹⁷⁰⁾.

Съ распространеніемъ на Руси христіанства церковь также приобретаетъ большое вліяніе на дѣла государственнаго управленія, законодательства и суда. Свидѣтельства о специальной духовной юрисдикціи въ древней Руси сохранились на протяженіи многихъ столѣтій почти со времени принятія христіанства до реформы Петра Великаго. Объ этомъ свидѣлствуютъ: уставы Владимира, Ярослава, Всеволода о церковныхъ судахъ ¹⁷¹⁾, грамота Великаго Князя Василя Дмитріевича митрополиту Кипріану ¹⁷²⁾, постановленія соборовъ 1551 г. ¹⁷³⁾, 1667 г. ¹⁷⁴⁾, жалованныя грамоты Бориса Годунова ¹⁷⁵⁾, Михаила Феодоровича, Алексѣя Михайловича ¹⁷⁶⁾, указы патріарховъ Филарета, Никона, Іоакима ¹⁷⁷⁾ и др. источники. Высшему духовенству принадлежало и непосредственное участіе въ управленіи государствомъ и дѣятельности законодательной: путемъ участія въ боярской думѣ, земскихъ и специальныхъ соборахъ и т. д.

Компетенція духовнаго суда на Руси по свидѣтельству историковъ вопроса была даже шире византійской ¹⁷⁸⁾. Сюда относились: дѣла, вытекающія изъ союза семейнаго, супружескаго, дѣла брачныя, опека и попечительство, благотворительность,

¹⁷⁰⁾ См. Nov. 123.

¹⁷¹⁾ Напечатаны въ I т. Хрест. Влад.-Будан.

¹⁷²⁾ Карамзинъ, т. V, прим. 233.

¹⁷³⁾ См. Стоглавъ изд. Кожанчикова гл. 53, 68, А. И., № 155.

¹⁷⁴⁾ См. I Полн. Сообр. Зак. № 412, гл. II, ст. 37, гл. VII.

¹⁷⁵⁾ I П. С. З. № 200.

¹⁷⁶⁾ I П. С. З. № 201, 93, 124.

¹⁷⁷⁾ I П. С. З. № 210, 969 и др.

¹⁷⁸⁾ См. напр. Невольнаго т. VI, ст. 10 пространствъ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, Горчаковъ. Монастырскій приказъ, гл. I.

третейскій судъ, дѣла уголовныя, какъ связанныя съ вопросами вѣры, такъ и не имѣющія этой связи вплоть до личныхъ обидъ и оскорбленій, судъ надъ лицами духовнаго вѣдомства, надъ лицами, причисленными къ церкви и живущими на церковной землѣ, за исключеніемъ наиболее тяжкихъ уголовныхъ преступленій. Въ числѣ прочихъ гражданскихъ дѣлъ къ вѣдомству духовнаго суда относились и дѣла о наслѣдованіи какъ по завѣщанію, такъ и по закону (ср. Уставы Владимира Святого, Всеволода Мстиславовича, Стоглавъ, гл. 63 и др. памятники) ¹⁷⁹⁾. Поэтому вполне понятно, что назначеніе вдовьей доли изъ движимости умершаго мужа мы впервые встрѣчаемъ въ практикѣ патріаршаго суда. Указами патріарха Филарета и подъ его непосредственнымъ вліяніемъ вводится выдѣлъ вдовѣ $\frac{1}{4}$ части изъ движимости мужа; въ указахъ послѣдующихъ патріарховъ (Никона, Іоакима) нововведеніе Филарета находитъ дальнѣйшее развитіе и разъясненіе.

Какими правилами руководствовались патріархи и законодательство Московской Руси при опредѣленіи правъ вдовы на имущество мужа? Въ юридическихъ памятникахъ по данному вопросу мы встрѣчаемъ ссылки главнымъ образомъ на правила святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ, на градской законъ и главизны царей Леона и Константина ¹⁸⁰⁾.

Эти ссылки устанавливаютъ непосредственную связь законодательства Московской Руси съ законами греко-римскими въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они приняты были къ руководству сначала греческой, а затѣмъ и русской церковью.

Первые іерархи русской церкви—греки принесли съ собою въ новообращенную страну тѣ каноническія и гражданскія руководства, коими пользовалась греческая церковь при разрѣшеніи вопросовъ, входящихъ въ компетенцію церковной юрисдикціи. Означенныя руководства были двоякаго рода. Одни изъ нихъ носили строго церковный характеръ, содержали общеобязательныя нормы по дѣламъ вѣры и церкви—каноны (*κανόνες*). Главныя изъ нихъ: синагога Іоанна Схоластика (*Συναγωγή τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων*), содержащая 85 правилъ апостоловъ, правила

¹⁷⁹⁾ См. указ. ст. Невольнаго, напр. стр. 345 и др. Бѣляевъ—Наказные списки Соборнаго Уложения 1551 г. или Стоглава, проф. Голубинскій „Исторія русской церкви“, т. I, гл. III, стр. 145 и др.

¹⁸⁰⁾ Ср. Указы 1628, 1629 г.г., Улож.—введ. и гл. XVII, П. С. З. №№ 210, 969, 1157 и др.

4 вселенскихъ соборовъ и 6 помѣстныхъ, текстъ ея былъ раздѣленъ на 50 титуловъ, и синтагма (*Σύνταγμα κανονικόν*), содержащая 85 правилъ апостоловъ, правила 5 вселенскихъ соборовъ, 6 помѣстныхъ и посланія знаменитыхъ отцевъ церкви: Василия Великаго, Григорія Богослова, Діонисія Александрійскаго и др. Другія содержали гражданскіе законы (*νόμοι*), постановленія христіанскихъ императоровъ по дѣламъ церкви и церковной юрисдикціи. Изъ нихъ наибольшей распространенностью пользовались: сборникъ того же Іоанна Схоластика, представляющій извлечение изъ 12 новеллъ Юстиніана и такъ называемая *collectio tripartita*, содержащая: 1) первые 13 титуловъ 1 кн. кодекса Юстиніана, 2) выдержки изъ институцій и дигестъ и 3) выдержки изъ новеллъ Юстиніана. Нѣсколько позже къ этимъ сборникамъ были присоединены и кодексы византійскаго гражданскаго права: Эклога Льва Исавра и Константина Копронима, Прохиронъ Василия Македонянина и Василики Льва Философа. Для практическаго удобства каноническія постановленія и гражданскіе законы, относящіеся къ области церковной юрисдикціи, очень рано стали соединять въ смѣшанные канонически-гражданскіе сборники подъ общимъ названіемъ номоканоновъ. Въ этихъ сборникахъ для удобства примѣненія на практикѣ обыкновенно подъ титулами, содержащими каноническія правила, помѣщались соответствующія извлечения изъ гражданскихъ законовъ. Благодаря такому соединенію высокой авторитетъ каноническихъ правилъ сообщался и помѣщеннымъ вмѣстѣ съ ними чисто гражданскимъ постановленіямъ по дѣламъ церковной юрисдикціи.

Изъ такихъ сборниковъ наибольшей извѣстностью пользовались номоканонъ въ 50 титуловъ, составленный изъ синагоги и гражданскаго сборника Іоанна Схоластика и номоканонъ въ XIV титуловъ, содержащій синтагму, *collectio* и нѣкоторыя новеллы Юстиніана и Ираклія и такъ называемый Фотіевъ номоканонъ. Кромѣ указанныхъ существовало много другихъ сборниковъ каноническаго, гражданскаго и смѣшаннаго характера, напр. толкованія Аристина, Зонары и Вальсамона, синтагма Властаря и др. имѣвшихъ примѣненіе въ сферѣ церковной юрисдикціи.

Первые представители русской церкви—греки пользовались необходимыми имъ руководствами въ подлинникахъ, на греческомъ языкѣ. Съ появленіемъ у насъ своего національнаго духовенства (XI в.) встрѣтилась необходимость въ переводахъ такихъ руководствъ на славянскій языкъ. Подобные переводы дѣйстви-

тельно появляются очень рано. Такъ, проф. Павловъ и Суворовъ считаютъ доказаннымъ существованіе у насъ на славянскомъ языкѣ уже въ концѣ XI и началѣ XII ст. греческихъ номоканоновъ Іоанна Схоластика и номоканона въ XIV титуловъ¹⁸¹⁾. Проф. Горчаковъ относитъ также къ XI и XII ст. ст. появленіе у насъ славянскихъ переводовъ греческихъ сборниковъ смѣшаннаго характера¹⁸²⁾. Проф. Неволинъ считаетъ несомнѣннымъ, что уже въ XI вѣкѣ существовали у насъ собранія греческихъ законовъ на славянскомъ языкѣ, именно списки номоканона болѣе подробные, нежели номоканонъ Іоанна Схоластика, а въ 13 вѣкѣ—по мнѣнію того же ученаго—появляются различные славянскіе переводы разныхъ греческихъ собраній церковныхъ законовъ¹⁸³⁾. Ко второй половинѣ XIII вѣка относится и появленіе въ Россіи новаго славянскаго перевода греческаго номоканона, подъ названіемъ кормчей—архіепископа Саввы Сербскаго. Содержаніе этого номоканона-кормчей значительно подробнѣе предыдущихъ. Этотъ сборникъ послужилъ прототипомъ для большинства послѣдующихъ кормчихъ. Сохранились двѣ редакціи означенной кормчей, при чемъ въ спискахъ одной редакціи (Софійской) содержатся и источники русскаго церковнаго права: уставы Владимира и Ярослава, постановленія собора 1274 года, отвѣты митрополита Іоанна II и др., въ другой же редакціи (Рязанской) послѣднихъ дополненій нѣтъ. Но въ спискахъ той и другой редакціи Кормчей содержатся 2 руководства византійскихъ гражданскихъ законовъ: Эклога Льва Исавра и Константина Копронима и Прохиронъ Василия Македонянина, первая подъ названіемъ—Главиизнъ благочестивыхъ царей Леона и Константина, второй подъ именемъ Градскаго закона. Эклога и Прохиронъ вошли и въ печатную Кормчую (1650 и 1653 г.г.) и составляютъ здѣсь въ печатной (Никоновской) Кормчей—Прохиронъ гл. 49 (48), Эклога—50 (49)¹⁸⁴⁾.

¹⁸¹⁾ См. Павловъ: Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, стр. 13 и сл., стр. 75 и сл., а также его Курсы лекцій стр. 155—156. Суворовъ—Курсы церковнаго права, т. I, § 86.

¹⁸²⁾ См. Церковное право, лекціи проф. Горчакова, изд. 96 г., стр. 44 и сл.

¹⁸³⁾ Ср. Неволинъ, т. VI „О собраніи и ученюмъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи“.

¹⁸⁴⁾ См. Павловъ. „Первоначальный русскій номоканонъ“ стр. 33, 81. Вообще въ печатной Кормчей, начиная съ гл. 42, содержатся преимущественно законы византійскихъ императоровъ по дѣламъ вѣры и церкви и памятники русскаго церковнаго права.

Приведенныя выше ссылки патріарха Филарета на правила святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ, повторяющіяся въ Уложеніи, указываютъ на Кормчую какъ на источникъ постановленій Уложения. Конечно, въ правилахъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ не содержалось никакихъ постановленій по вопросамъ наследственнаго права, но апостольскія и святоотческія правила, которыя составляли главную каноническую часть Кормчей, своимъ авторитетомъ освѣщали и содержаніе другихъ ея частей¹⁸⁵⁾. Такимъ образомъ ссылки на правила святыхъ отцевъ служили вообще указаніемъ на Кормчую, какъ бы ея сокращеннымъ наименованіемъ. А ссылки на Градской законъ и Главизны царя Леона и Константина указываютъ на непосредственный источникъ заимствования въ самой Кормчей.

Въ Градскомъ Законѣ, полное заглавіе коего въ Кормчей: „закона градскаго главы различны, въ четьредесятихъ гранѣхъ“, содержатся постановленія о квартѣ бѣдной вдовы (грань 5, гл. 3) и о преемствѣ пережившаго супруга въ имуществѣ умершаго, не оставившаго родственниковъ (гр. 30, гл. 19).

Эклога помѣщена въ печатной Кормчей подъ такимъ названіемъ: „Леона царя премудраго и Константина вѣрною царю главизны о совѣщаніи обрученія, и о брачѣхъ, и о иныхъ различныхъ винахъ“. Въ главизнахъ содержатся постановленія о квартѣ бездѣтныхъ супруговъ (зачатокъ 2, гл. 4), опредѣляется положеніе пережившаго супруга въ семьѣ при наличности дѣтей отъ брака съ умершимъ (зач. 2, гл. 5), особо говорится о квартѣ бѣдной вдовы (зач. 2, гл. 6). Кромѣ того, жена призывается къ преемству въ имуществѣ умершаго мужа еще въ томъ случаѣ, когда послѣ умершаго не осталось ни нисходящихъ, ни восходящихъ, ни боковыхъ родственниковъ (зач. 7, гл. 2).

Изъ двухъ указанныхъ кодексовъ—Прохирона и Эклоги—наибольшее вліяніе на наше законодательство по семейному и наследственному праву оказала Эклога. Слѣды ея вліянія замѣтны на постановленіяхъ Русской Правды, Псковской Судной Грамоты и другихъ памятникахъ древней Руси. При этомъ необходимо отмѣтить, что на древнее русское право оказали вліяніе

¹⁸⁵⁾ О святоотческомъ авторитетѣ гражданскихъ законовъ, помѣщаемыхъ въ кормчихъ см. конецъ предисловія къ печатной Кормчей, а также Дюверва „Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву“, изд. 1896 г., стр. 173—174, Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, 1889 г. стр. 21, Кавелинъ, обр. соч. изд. 1900 г., I, стр. 852.

постановленія о положеніи супруговъ, изложенныя въ главѣ 5, зачатка 2 главизнъ царей Леона и Константина, содержащія правила, установленныя §§ 5, 6, 7 титула II Эклоги, такъ какъ именно эти постановленія ближе всего соотвѣтствовали русскому обычному праву. Постановленія же Эклоги о квартѣ не имѣли вліянія на законодательство древней Руси тѣмъ болѣе, что это законодательство и не предусматривало специально вопроса о положеніи бездѣтной вдовы или вдовца, съ каковою цѣлью и установлена кварта Эклоги (исключеніе Иск. Суд. Гр.). Съ этимъ вопросомъ мы встрѣчаемся гл. обр. въ послѣдующій, московскій періодъ¹⁸⁶⁾

Развитіе вотчинной и помѣстной системы, присвоеніе вотчинному и помѣстному владѣнію строго служебнаго характера въ интересахъ государственныхъ имѣло своимъ необходимымъ послѣдствіемъ устраненіе женщинъ отъ преемства въ недвижимости и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинуло вопросъ о средствахъ и способахъ обезпеченія существованія послѣднихъ въ случаѣ смерти ихъ кормильцевъ-мужей, отцевъ. Необходимость такого обезпеченія прежде всего и настоятельнѣе всего возникаетъ въ томъ случаѣ, когда послѣ умершаго остается бездѣтная вдова, т.-е. когда имущество умершаго идетъ къ его боковымъ родственникамъ или становится выморочнымъ. При существованіи же дѣтей на послѣднихъ лежитъ естественная обязанность содержать мать (ср. Улож. гл. XVI, ст. 58 и гл. XVII, ст. 2). Поэтому законодательство московскаго государства съ особой заботливостью относится именно къ положенію бездѣтныхъ вдовъ. Такъ, первоначально только бездѣтная вдова получала купленную вотчину мужа въ свое единоличное распоряженіе, выдѣлъ на прожитокъ изъ помѣстій мужа былъ сначала предоставленъ лишь вдовѣ, не имѣющей сыновей отъ брака съ умершимъ, равно какъ и выдѣлъ изъ движимаго имущества мужа былъ предоставленъ первоначально лишь вдовѣ бездѣтной.

При опредѣленіи размѣра послѣдняго въ качествѣ прототипа

¹⁸⁶⁾ Не оказали никакого вліянія на законодательство ни древняго, ни московскаго періода также тѣ постановленія Эклоги и Прохирона, которыя содержали правила о преемствѣ супруговъ другъ послѣ друга при полномъ отсутствіи наследниковъ по крови (Градской законъ—гр. 30, гл. 19, Главизны—зачатокъ 7, гл. 2). Отсюда однако не слѣдуетъ, что эти постановленія совсѣмъ не имѣли у насъ никакого практическаго значенія. Весьма вѣроятно, что они находили примѣненіе въ сферѣ церковной юрисдикціи, при руководствованіи въ надлежащихъ случаяхъ духовные суды. См. напр. А. И. т. I, № 255.

послужило законодательство византийское, изложенное в Кормчей книге. Из поместных в последней двух кодексов византийского гражданского права главное влияние на установление квартиры вдовы в движимости оказала Эклога, в чем мы убеждаемся, сравнивая основные положения Прохирона (Градского закона) и Эклоги (Главизы Леона и Константина) с постановлениями Уложения. Прохиронъ, представляя реставрацию начал римского права, устанавливает лишь квартиру вдовы, безприданницы; вдова, имевшая приданое или другое собственное имущество, лишена была права на квартиру. Эклога же предусматривает как положение вдовы, имевшей приданое, так и вдовы вдовы, точно также и Уложение, назначая вдовѣ „четверть животовъ да приданое“, тѣмъ самымъ опредѣляетъ какъ положеніе вдовы, имевшей приданое, такъ и безприданницы, обобщая объ квартиру Эклоги. Прохиронъ устанавливаетъ квартиру вдовы независимо отъ того, остались ли у нея послѣ брака съ умершимъ дѣти или нѣтъ, Эклога только для бездѣтной вдовы, также и Уложение. По Эклогѣ и Уложению вдова получаетъ свою квартиру въ собственность, согласно же Прохирону при наличии дѣтей отъ брака съ умершимъ лишь въ пожизненное владѣніе. Размѣръ квартиры Эклоги и Уложения остается неизмѣннымъ и не зависитъ отъ количества наследниковъ, между тѣмъ какъ согласно Прохирону размѣръ узурфрукта, предоставляемаго вдовѣ, уменьшается при наличии 4-хъ и болѣе дѣтей отъ брака съ умершимъ.

Эклога, какъ мы видѣли выше, установила двѣ квартиры: для состоятельныхъ супруговъ (t II, 4) и для вдовы (t II, 9). Законодательство московскаго государства не воспроизводитъ въ точности ни той, ни другой. Оно заимствуетъ нѣкоторыя черты изъ обоихъ источниковъ, откидываетъ другія и создаетъ изъ двухъ одинъ общій институтъ. Такъ, квартира Уложения сходна съ первой квартирой Эклоги въ томъ отношеніи, что предусматриваетъ положеніе не только вдовы безприданницы, но и вдовы, имевшей приданое, вдовы состоятельной, а также и въ томъ, что не знаетъ максимальнаго предѣла, со второй же квартирой ее сближаетъ то обстоятельство, что она предоставлена Уложениемъ лишь одной вдовѣ, а не супругамъ вообще, и за основаніе ея исчисленія принято имущество мужа, а не приданое жены, такъ что фактическая величина квартиры зависитъ отъ размѣра имущества мужа, а не приданого жены. Однако, между положе-

ніями Эклоги и постановленіями Уложения о квартирѣ существуетъ одно довольно значительное различіе. Это различіе заключается въ томъ, что согласно Эклогѣ квартира вдовы какъ состоятельной, такъ и вдовы простиралась на движимое и недвижимое имущество мужа, Уложение же предоставляетъ вдовѣ лишь четвертую часть въ движимости мужа. Чѣмъ объясняется это различіе?—Нѣкоторые ученые¹⁸⁷⁾ полагаютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ неправильнымъ пониманіемъ постановленій Эклоги. Однако подобное объясненіе не представляется намъ убѣдительнымъ. У представителей высшаго московскаго духовенства безъ всякаго сомнѣнія были довольно точные переводы греческаго номоканона на славянскій языкъ. Сравненіе текста печатной кормчей съ соответствующими постановленіями Эклоги служить достаточнымъ тому доказательствомъ. Печатная кормчая говоритъ именно о предоставленіи вдовѣ четвертой части изъ всего имущества мужа („отъ оставшихся мужнихъ всякихъ вещей“, „отъ мужня останка“). А какъ мы знаемъ, квартира вдовы въ движимости мужа ведетъ свое происхожденіе именно изъ практики духовнаго суда и отсюда уже переходитъ въ область свѣтскаго законодательства. Слѣдовательно, нельзя согласиться въ данномъ случаѣ съ предположеніемъ о неправильномъ пониманіи постановленій Эклоги. Указанное различіе между постановленіями Уложения и Эклоги объясняется характеромъ эпохи и законодательной политикой государей московскихъ относительно преемства вдовъ въ имущество мужей.

Въ интересахъ службы государевой права вдовъ на вотчины мужей подверглись постепенно ограниченію. Эта ограничительная политика достигла своего апогея при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ. Могли ли патриархъ Филаретъ и Михаилъ Теодоровичъ, устраняя вдовъ отъ всякаго права на родовыя и выслуженныя вотчины мужей, вмѣстѣ съ тѣмъ принять въ чистомъ видѣ квартиру Эклоги? Могли ли они, не противорѣча не только самимъ себѣ, но также и интересамъ государственнымъ одной рукой устранять вдовъ отъ владѣнія родовой и выслуженной недвижимостью, другой допускать такое владѣніе путемъ выдѣла квартиры? Выдѣлъ вдовѣ четвертой части изъ движимости мужа не могъ быть принятъ въ Московской Руси потому, что здѣсь въ недви-

¹⁸⁷⁾ Ср. напр. Касо: Преемство наследника въ обязательствахъ наследодателя стр. 265.

жимостяхъ (вотчинахъ и помѣстьяхъ) развилось особое, своеобразное преемство, имѣющее слишкомъ мало общаго съ наслѣдованіемъ римскаго или византійскаго права, но выросшее на исторической почвѣ, созданное нуждами и потребностями эпохи. Подтверждая и развивая указанное преемство, законодатели московской Руси Михаилъ Феодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ весьма естественно примѣнили кварту Эклоги лишь къ движимому имуществу, гдѣ права вдовы еще не были опредѣлены закономъ.

Является ли кварта вдовы по Уложенію наслѣдованіемъ?

На этотъ вопросъ съ полнымъ основаніемъ можно дать отрицательный отвѣтъ.

Уже по самому своему происхожденію, по источнику, изъ коего она заимствована, вдовья доля въ движимости не является наслѣдованіемъ. Конечно, законодатель можетъ взять извѣстный чужеземный институтъ за образецъ лишь съ внѣшней стороны, а по существу же придать ему другой характеръ, болѣе соответствующій національному правосознанію. И въ данномъ случаѣ, можетъ быть, духовные суды, а за ними и свѣтскіе законодатели московской Руси, заимствовавъ кварту вдовы изъ Эклоги, сообщили ей въ примѣненіи къ русской дѣйствительности характеръ наслѣдованія. Подобное предположеніе именно въ обстановкѣ московской Руси кажется мало вѣроятнымъ. Болѣе правдоподобнымъ явилось бы обратное предположеніе, что институтъ наслѣдственнаго права принявъ здѣсь чуждыя ему черты прожитка, обезпеченія, такъ какъ вся законодательная политика московскаго государства имѣла стремленіе устранить женщинъ отъ наслѣдованія, предоставивъ имъ лишь выдѣлъ на прожитокъ. Такимъ выдѣломъ на прожитокъ является и кварта вдовы въ движимости мужа.

Какъ въ Уложеніи, такъ и въ послѣдующемъ законодательствѣ московскаго государства доля вдовы сохраняетъ свой неизмѣнный характеръ. Вдова получаетъ $\frac{1}{4}$ часть въ движимости даже въ томъ случаѣ, когда нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ, и имущество умершаго въ остальной части становится выморочнымъ и переходитъ въ казну (ср. 1 П. С. З. № 1157, отд. I ст. 4, отд. II, ст. 8).

Кромѣ того, не лишне также отмѣтить, что указъ 1628 г. и Уложеніе (ст. 1, гл. XVII) говорятъ только о бездѣтной вдовѣ. Вдова, имѣющая дѣтей, не получала особой части въ движи-

мости, а продолжала жить съ дѣтьми, на обязанности которыхъ лежало кормить и заботиться о матери. Эта обязанность дѣтей подтверждается и содержаніемъ ст. 58 гл. XVI и ст. 2 гл. XVII Уложенія.

Наконецъ, до насъ дошелъ одинъ очень интересный документъ, характеризующій взглядъ высшихъ представителей духовной іерархіи на вдовью долю. Это—рѣшеніе патріарха Никона отъ 25 іюля 1657 г.¹⁸⁸⁾ по слѣдующему дѣлу. Одна вдова Марфа Степанова была челомъ патріарху Никону въ томъ, что послѣ смерти мужа съ нее взыскиваютъ долги умершаго, несмотря на то, что послѣ умершаго не осталось никакого имущества и она не участвовала въ кабалныхъ записяхъ и крѣпостяхъ мужа. Между тѣмъ ее ставятъ на праведъ и заставляютъ платить, она уже уплатила рублей 50, а больше платить ей нечѣмъ. Поэтому проситъ пожаловать не велѣть взыскивать на ней долги умершаго, потому что „мужа своего животами она ни чѣмъ не владѣетъ“. Патріархъ Никонъ ссылаясь на ст. 2 гл. 8 правильной книги царей Леона и Константина 189) постановилъ: „Буде она Марфица послѣ мужа своего, кромѣ своего приданаго и четвертыя части, что было ей изъ тѣхъ мужа своего животовъ довелось дать, животами не владѣетъ, и въ тѣхъ кабалахъ займовъ мужа ее не написано, и мимо поруччиковъ на ней вдовѣ мужа ея долговъ править не велѣлъ“. Такимъ образомъ патріархъ Никонъ призналъ вдову не только не отвѣтственной за долги мужа, если она не получила послѣ него имущества, но и освободилъ отъ такой отвѣтственности кварту вдовы, т.-е. выдѣлил вдовью долю изъ общей наслѣдственной массы, какъ особое специальное имущество—чѣмъ въ достаточной мѣрѣ подчеркивается особенный характеръ преемства вдовы въ движимости мужа. Нельзя смотрѣть на этотъ приговоръ патріарха какъ на сепаратный и случайный. Онъ былъ посланъ въ Новгородскій приказъ для руководства и впоследствии

¹⁸⁸⁾ См. П. С. З. № 210.

¹⁸⁹⁾ Вторая статья главы восьмой Правильной книги Леона царя и Константина въ печатной Кормчей составляетъ главу 2-ю зачатка 11-го Главяна и содержитъ слѣдующее правило: „О томъ, яко не повиннъ быти женѣ о долгахъ мужнѣ, аще не поручится.—Аще кто имѣя жену, возьметъ взаимъ отъ иѣкоего, и аще не можетъ сяхъ творити воздаянія, не повинна будетъ жена его отъ пристроя своего подати займодавцу, аще не обряцется волею въ таковъ долгахъ поручившися по муже своемъ“. Приведенное правило представляетъ точный переводъ постановленія, содержащагося въ § 4 tit. X Эклоги.

помѣщенъ въ полномъ собраніи законовъ. Имъ дополняется общая характеристика вдовьей доли, какъ спеціального выдѣла на прожитокъ.

Слѣдовательно, посмертное преемство вдовы и въ движимости умершаго мужа не являлось правомъ наслѣдованія.

8. И т о г и.

Такимъ образомъ на основаніи всего изложеннаго мы приходимъ къ выводу, что вдова по законодательству московской Руси не являлась наслѣдницей умершаго мужа.

Наслѣдникъ есть представитель имущественно-правовой личности наслѣдодателя, его универсальный преемникъ. На основаніи права московскаго государства такими представителями съ достаточнымъ основаніемъ могутъ быть названы только сыновья и ихъ нисходящее мужское поколѣніе, ибо только сыновьямъ и другимъ прямымъ нисходящимъ законодательство конца 17 ст. открываетъ возможность преемства во всемъ имуществѣ наслѣдодателя: въ его вотчинахъ, помѣстьяхъ и движимости ¹⁹⁰⁾. Боковые родственники мужского пола наслѣдуютъ по близости родства въ вотчинахъ бездѣтно умершаго наслѣдодателя, но не имѣютъ прямого права наслѣдованія въ помѣстьяхъ умершаго, которыя поступаютъ въ родъ, но къ безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ и при томъ къ служащимъ предпочтительнѣе передъ неслужащими ¹⁹¹⁾. Дочери наслѣдуютъ въ вотчинахъ лишь при отсутствіи братьевъ, изъ помѣстій же получаютъ только выдѣлъ на прожитокъ. Боковыя родственницы наслѣдуютъ въ вотчинахъ лишь при отсутствіи родныхъ братьевъ, а изъ помѣстій ничего не получаютъ. Вдовы при дѣтяхъ и безъ нихъ получаютъ лишь опредѣленный выдѣлъ: изъ вотчинъ купленную вотчину, изъ

¹⁹⁰⁾ Понятія о наслѣдованіи какъ универсальномъ преемствѣ московское законодательство, конечно, не знало, ибо до столь отвлеченнаго понятія не развилось еще правосознаніе эпохи. Это и не удивительно. Яснаго представленія о наслѣдованіи какъ преемствѣ общемъ въ отличіе отъ частнаго не содержитъ и сводъ законовъ. И мы, указывая, что общими правопреемниками умершаго наслѣдодателя по законодательству московскаго государства могутъ быть названы только его сыновья съ ихъ потомствомъ мужского пола, — хотимъ отмѣтить лишь то явленіе, что только къ преемству сыновей съ ихъ мужскимъ потомствомъ въ имуществѣ отца, дѣда и прадѣда можетъ быть съ достаточнымъ основаніемъ примѣнено современное понятіе объ универсальномъ преемствѣ.

¹⁹¹⁾ См. Ук. 12 дек. 1679 г. П. С. З. № 786 или 21 марта 1684 г. № 1070.

помѣстій—20, 15 и 10 четвертей со 100 оклада мужей, изъ движимости— $\frac{1}{4}$ часть (да свое приданое).

Эта вдовья доля не носила характера наслѣдованія, а имѣла спеціальную цѣль—обезпечить существованіе вдовы.

Все законодательство московскаго государства по отношенію къ преемству женщинъ и въ частности вдовъ сводилась къ двумъ основнымъ началамъ: къ стремленію устранить ихъ отъ наслѣдованія, какъ представленія имущественно-правовой личности наслѣдодателя, тѣсно связаннаго въ Московской Руси со службой государству, которую женщины не могли нести, и къ необходимости обезпечить имъ средства существованія, предоставить подобающій ихъ положенію прожитокъ. Последнее и достигалось выдѣломъ вдовѣ опредѣленной доли изъ имущества умершаго мужа—изъ его вотчинъ, помѣстій и движимости. Прожиточный характеръ вдовьей доли не мѣняется отъ того обстоятельства, что купленную вотчину и четверть движимости вдовы получали въ собственность, а не въ пожизненное владѣніе. Еще со времени Русской Правды мы видѣли, что наше законодательство двойнымъ способомъ обезпечиваетъ существованіе вдовы: предоставленіемъ имущества умершаго въ пожизненное владѣніе и выдѣломъ части изъ имущества въ собственность. Но выдѣлъ этотъ по существу совершенно отличается отъ наслѣдованія.

Съ момента открытія наслѣдства право на него возникаетъ для ближайшаго родственника наслѣдодателя, при непріятіи послѣднимъ наслѣдства по какой-либо причинѣ (по нежеланію или по невозможности принять) наслѣдство открывается для слѣдующаго по близости родства и т. д. въ порядкѣ и предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Выдѣлъ же тѣсно связанъ съ личностью вдовы, служить ея личнымъ обезпеченіемъ, разъ нѣтъ вдовы, не возникаетъ и вопроса о вдовьей долѣ, непріятіе вдовой выдѣла не открываетъ никакого преемства во вдовьей долѣ. Последняя не выдѣляется изъ общаго состава наслѣдственной массы и поступаетъ къ законнымъ наслѣдникамъ мужа. Даже болѣе того, въ московскомъ государствѣ, если вдова и получить свою часть изъ имущества мужа, но не проживетъ ее, то вдовья доля (будь то купленная вотчина, движимость и тѣмъ болѣе помѣстье) не переходитъ къ ея наслѣдникамъ по закону, а поступаетъ къ наслѣдникамъ мужа—чѣмъ еще болѣе подчеркивается прожиточный ея характеръ. Часть наслѣдника въ наслѣдственномъ имуществѣ можетъ возрасти при отпаденіи со-

наслѣдниковъ—выдѣлъ вдовы остается неизмѣннымъ, наслѣдственное имущество въ остальной части можетъ стать выморочнымъ—доля вдовы отъ этого не увеличится.

Всѣ указанныя явленія объяснимы лишь въ томъ случаѣ, если разсматривать выдѣлъ вдовы изъ имущества мужа не какъ наслѣдованіе, а какъ частное преемство, имѣющее своею цѣлью обезпеченіе существованія вдовы.

Сторонники противоположнаго взгляда въ качествѣ доказательства ссылаются на обстоятельство, что вдова наравнѣ съ дѣтьми отвѣчала по долгамъ мужа и отсюда дѣлаютъ выводъ, что и она должна быть признана его наслѣдницей.

Подобный выводъ является слишкомъ поверхностнымъ и поспѣшнымъ, его полная несостоятельность обнаруживается при анализѣ природы отвѣтственности преемниковъ по долгамъ наслѣдодателя въ Московской Руси.

Отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ наслѣдодателя какъ по Уложенію, такъ и по послѣдующему законодательству была тѣсно связана съ полученіемъ имущества умершаго. Отвѣтственность за долги умершаго несли жена, дѣти, братья, родичи, вообще всѣ, „кто послѣ его во дворѣ и въ животахъ его останется“, „кто послѣ его въ животахъ его останется и кому будутъ даны вотчины его“, „кому послѣ ихъ (умершихъ) даны будутъ помѣстья ихъ и вотчины, и дворы и животы“¹⁹²⁾. Если же послѣ умершаго не осталось имущества, вдова и дѣти не отвѣчаютъ за его долги¹⁹³⁾.

Такимъ образомъ за долги умершаго отвѣчаютъ тѣ, кто послѣ смерти получаетъ въ свое владѣніе его имущество. При этомъ законодатель не дѣлаетъ различія, на какомъ правѣ основывается это владѣніе: на правѣ общаго или частнаго преемства переходитъ ли имущество въ вѣчное и потомственное владѣніе или же лишь въ срочное пользованіе, является ли владѣлецъ наслѣдственнаго имущества универсальнымъ или сингулярнымъ преемникомъ или даже простымъ держателемъ имущества во исполненіе воли наслѣдодателя. Такъ, на-ряду съ сыномъ, наслѣдующимъ вотчины, помѣстья и движимость, по долгамъ умершаго отвѣчаетъ и дочь, которая получаетъ при братѣ лишь выдѣлъ на прожитокъ изъ помѣстій отца, на-ряду съ дѣтьми

¹⁹²⁾ См. Улож. гл. X, ст.ст. 132, 207, 245., указы 20 июля 1676 г. П. С. З. № 650 и 27 марта 1680 г. П. С. З. № 814 и др.

¹⁹³⁾ П. С. З. № 290 и № 1298.

отвѣчаетъ и мать-вдова, и душеприказчики¹⁹⁴⁾. Точно также передача помѣстій умершаго при отсутствіи сыновей безпомѣстнымъ или мелкопомѣстнымъ родичамъ независимо отъ близости родства, а также и чужеродцамъ сопровождалась обязанностью устроить душу умершаго и платить его долги¹⁹⁵⁾.

При такомъ положеніи абсурднымъ становится выводъ, что отвѣтственность за долги умершаго служить доказательствомъ правъ наслѣдованія послѣ него. Въ такомъ случаѣ пришлось бы на-ряду съ сыновьями признать наслѣдственные права и за дочерьми, которыя при братьяхъ получаютъ лишь изъ помѣстій по 10, $7\frac{1}{2}$, 5 четвертей со 100 оклада отцевъ во временное пользованіе, именно до 15 лѣтъ или до выхода замужъ: такое же право должны были бы мы признать за дальними безпомѣстными или мелкопомѣстными родственниками, которые получали помѣстья не оставившаго сыновей помѣщика, преимущественно передъ болѣе близкими, но имѣющими помѣстья родичами, т. е. не по близости родства, а вслѣдствіе наличности случайной причины—отсутствія помѣстій, наконецъ,—и за душеприказчиками. Очевидно, для опредѣленія того, является ли извѣстное лицо (напримѣръ вдова) наслѣдникомъ умершаго собственника имущества необходимо искать другой критерій, нежели отвѣтственность по его долгамъ.

Отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ въ высшихъ классахъ населенія Московскаго государства отличалась отъ такой же отвѣтственности въ низшихъ классахъ, какъ видно изъ сравненія содержанія ст.ст. 261—264 гл. X Уложенія со ст.ст. 266 гл. X и 39—40 гл. XX. Въ первомъ случаѣ отвѣтственность носила лично—имущественный характеръ, во второмъ общесемейный¹⁹⁶⁾. Отвѣтственность по долгамъ умершаго, очевидно, также различалась въ высшихъ и низшихъ классахъ. Для первыхъ она была связана съ полученіемъ имущества умершаго (ст.ст. 132, 207, 245 гл. X Ул.). Для вторыхъ судебная практика знала общесемейную отвѣтственность, хотя бы жена и дѣти должника не получили послѣ умершаго никакого имущества, какъ это видно изъ челобитій того времени. Но уже вскорѣ

¹⁹⁴⁾ Доп. къ акт. истор. т. I. № 51—XII, XIX, Кассо: ук. соч. стр. 207, 208

¹⁹⁵⁾ Ср. Неволинъ т. V, стр. 463—464 и прим. 692.

^{196*)} Отмѣчая здѣсь это различіе мы не останавливаемся на немъ подробно, такъ какъ характеръ права общаго (которое мы наслѣдуемъ) приняло право высшихъ классовъ населенія московскаго государства.

послѣ Уложения лично имущественная отвѣтственность по долгамъ умершаго была распространена и на низшіе классы, по крайней мѣрѣ на городское посадское население (П. С. З. №№ 210 290, 1298). Первоначально по праву Московскаго государства должникъ отвѣчалъ передъ кредиторами лишь движимымъ имуществомъ, въ эпоху Уложения отвѣтственность была распространена и на вотчины (ср. гл. X, 263), впоследствии и на помѣстья (ср. П. С. З. № 197, 441 и др.). Но и въ такомъ случаѣ отвѣтственность недвижимостью носила лишь субсидіарный характеръ. Взысканіе обращалось на вотчины лишь при отсутствіи у должника движимаго имущества, достаточнаго для удовлетворенія кредиторовъ, какъ это видно изъ содержанія ст. 261—263 гл. X Улож. Согласно постановленіямъ Уложения, изложеннымъ въ 261—263 ст. ст. гл. X, должникъ первоначально ставился на правяжъ: если не откупался, взысканіе обращалось на дворы и животы, на доходы съ помѣстій и вотчинъ, на людей (холоповъ) и крестьянъ. И только при полномъ отсутствіи всякой движимости и бездоходности вотчины взысканіе обращалось на самую вотчину, которая отдавалась по оцѣнкѣ истцу или продавалась.

Такъ какъ въ Московскомъ государствѣ института отреченія или непринятія наслѣдства не существовало (такая возможность появилась значительно позже—лишь въ XVIII ст.) и семейные умершаго (дѣти и жена) являлись какъ бы *sui et necessarij successores*, то освобожденіе ихъ отъ отвѣтственности за долги умершаго при неполученіи послѣ него имущества указывало на то обстоятельство, что отвѣтственность эта простиралась лишь на имущество умершаго и во всякомъ случаѣ не выходила за его предѣлы. Привлеченіе къ отвѣтственности душеприказчика наряду съ дѣтьми и женой указывало на такое же ограниченіе отвѣтственности, ибо нельзя допустить, чтобы душеприказчики отвѣчали своимъ имуществомъ за долги умершаго.

Наслѣдственное имущество по праву Московскаго государства не представляло единаго цѣлаго, а распадалось на особыя группы предметовъ, объединенныхъ общими экономическими и юридическими признаками: вотчины, помѣстья (дворы ¹⁹⁶), животы. Выше мы и рассматривали наслѣдство не какъ единое цѣлое, а какъ составное имущество, распадающееся на отдѣльные виды

¹⁹⁶) Дворы рассматривались аналогично, то купленнымъ вотчинамъ, то животамъ.

и разновидности. Аналогичное явленіе встрѣчаемъ мы въ частномъ (средневѣковомъ) нѣмецкомъ правѣ. Здѣсь наслѣдственное имущество также не представляло единаго цѣлаго и распадалось на слѣдующія главныя группы: *Lehn*, *Erbe*, *Heergewäte* и *Gerade*, съ особымъ порядкомъ наслѣдственного преемства въ каждой. Причемъ каждая такая группа образуетъ—по господствующему среди германистовъ мнѣнію—какъ бы самостоятельное имущество, подлежащее независимо отъ прочихъ общему преемству (*successio universalis specialis* по терминологіи Гейслера ¹⁹⁷).

Баронъ Фрейтагъ-Лоринговенъ доказываетъ, что германское наслѣдство распадалось не на четыре (или даже болѣе) самостоятельныхъ наслѣдственныхъ массы, а лишь на двѣ: *Lehn u Erbe*. *Heergewäte* (военныя принадлежности) и *Gerade* (домашняя утварь) не представляли самостоятельныхъ имущественныхъ комплексовъ (*universitas juris*) и не являлись поэтому специальными наслѣдственными массами, а лишь совокупностями вещей (*universitas facti*), переходящими послѣ умершаго на правѣ сингулярнаго преемства ¹⁹⁸). Авторъ исходитъ въ своихъ выводахъ изъ двухъ основныхъ положеній: 1) что специальная наслѣдственная масса должна представлять *universitas juris*, т.е. комплекс (совокупность) правъ и обязанностей и 2) что универсальная сукцессія есть общее преемство правъ и обязанностей, т.е. универсальное правопреемство, соединенное съ универсальной (неограниченной) отвѣтственностью по долгамъ и обязательствамъ. *Heergewäte* и *Gerade* не являются *universitates juris*, такъ какъ переходъ этихъ экономическихъ комплексовъ въ порядкѣ наслѣдственного преемства не совершается переходомъ лежащихъ на нихъ обремененій (напр. по залогу) и вообще преемники въ *Heergewäte* и *Gerade* не несутъ отвѣтственности по долгамъ и обязательствамъ наслѣдодателя. Слѣдовательно, *Heergewäte* и *Gerade* не образуютъ особыхъ наслѣдственныхъ массъ и преемство въ нихъ не можетъ быть названо специальнымъ наслѣдованіемъ. Такъ какъ указанные комплексы не представляютъ совокупности правъ и обязанностей и такимъ образомъ не являются *universitates juris*, то слѣдователь-

¹⁹⁷) См. подробности O. Stobbe., *Handbuch des deutschen Privatrechts*, B V, § 278, III, и въ особенности A. Heussler—*Institutionen des deutschen Privatrechts*, B III §§ 175—177.

¹⁹⁸) А. Фрейтагъ-Лоринговенъ: „Наслѣдованіе въ крестьянской недвижимости по германскому праву“, I, §§ 11, 13.

но, каждый из них—по мнению указанного ученого—представляет совокупность вещей—*universitas facti* и преемство в названных комплексах является сингулярным преемством. Однако, в таком разсуждении, кроется ошибка. Если даже встать на точку зрения г. Фрейтага-Лоринговена и согласиться, что *universitas juris* является совокупностью прав и обязанностей, (а не только совокупностью прав, как полагают некоторые ученые), а *Heergewäte* и *Gerade* таковыми не являются, то все-же отсюда нельзя сделать вывода, что названные комплексы являются простыми совокупностями вещей. *Heergewäte* и *Gerade* не только совокупности вещей, но и прав: сюда входят права выкупа заложённых принадлежностей того и другого комплекса, право требования отсутствующих предметов или их эквивалента. Они лишь не включают обязанностей. Подобная форма совокупности, очевидно, не укладывается в указанные рамки *universitatis juris* и *facti*, а занимает промежуточное между ними место. Но такого рода комплекс прав, представляющий экономически самостоятельное целое и переходящий в порядке наследственного преемства как одно целое, *uno actu* может быть с полным основанием назван специальной наследственной массой и преемство в нем по терминологии Гейслера—*successio universalis specialis* или сокращено—*successio specialis*.

Отнесение подобных комплексов к разряду специальных наследственных масс и наименование преемства в таком комплексе специально-универсальным (специальным) наследованием представляется тем более правильным, что универсальная сукцессия не представляет непременно общего преемства прав и обязанностей. Универсальная сукцессия есть лишь общее правопреемство, совершающееся путем одного акта, на основании одного титула. Присоединение к универсальному правопреемству и ответственности за долги праводателя, равно как и установление размера этой ответственности является лишь следствием известных социально-экономических и цивилизационно-политических факторов. Логически мыслимы и из истории права известны универсальные сукцессии, не соединенные с ответственностью по долгам праводателя (подробнее об этом сказано во второй части настоящей работы). Следовательно, нельзя размером ответственности по долгам и обязательствам умершего определять характер преемства в его имуществе. Юридическая природа преемства определяется объ-

емом прав, переходящих от праводателя к преемнику. Соединение же с преемством прав и преемства обязанностей может иметь лишь правно-политическое значение: правильно ли, справедливо ли с точки зрения народного хозяйства распределяется ответственность по долгам умершего между преемниками в его имуществе. Таким образом возникшее в римском праве и разделяемое—как увидим ниже—современными кодексами понятие о наследовании, как общем преемстве прав и обязанностей представляет универсальную сукцессию, равно как универсальную же сукцессию представляет и общее правопреемство, соединенное с ограниченным (размерами полученного) преемством обязанностей, по законодательству Эклоги и средневекового германского права (*Erbe, Lehn*) и преемство в *Heergewäte* и *Gerade*, как в самостоятельных комплексах прав, освобожденных от всякой ответственности по обязательствам наследодателя.

Право Московского государства подобно частному немецкому праву не знало универсальной сукцессии (*successio universalis generalis*), наследственное имущество здесь также не представляло единого целого и распадалось на специальные наследственные массы с особым порядком преемства в них.

Вотчины переходили к преемникам с правами и обязанностями, как публичного (напр. судья, дань, пошлина, права над крестьянами,—несение служебной повинности), так и частного характера (напримѣръ права требования, возникающія изъ вотчинныхъ отношеній, отвѣтственность по очисткамъ, по закладнымъ¹⁹⁹). Помѣстья не подлежали торговому обороту, частныя обремененія ихъ (напр. путемъ залога и т. п. сдѣлокъ) были невозможны. Но права, связанныя съ обладаніемъ помѣстьемъ, и обязанности не только публичнаго характера, но и частнаго (напр. обязанность содержать вдову и дочерей умершаго помѣщика, платить его долги изъ доходовъ помѣстья^{199*}) переходили на новаго владѣльца помѣстья. Такимъ образомъ вотчины и помѣстья представляли самостоятельныя имущественныя комплексы и—въ порядкѣ посмертнаго преемства—спеціальныя

¹⁹⁹ По праву Московскаго государства отвѣтственность по закладной падала исключительно на заложённую вещь, которая при просрочкѣ долга переходила въ собственность залогодателя непосредственно безъ всякой продажи. Ср. Кассо—Понятіе о залогѣ въ современномъ правѣ, стр. 303—305.

^{199*} Ср. дополн. къ акт. истор. I №№ XVII, XX, XXVI, XXXIII и др.

наслѣдственныя массы. Третьимъ имущественнымъ комплексомъ являлись животы (капиталъ, инвентарь, обстановка), представлявшіе совокупность правъ по движимому имуществу ^{199**)}.

Отвѣтственность по долгамъ наслѣдодателя первоначально ограничивалась животами—движимостью—и, слѣдовательно, падала на преемника въ движимости. Впослѣдствіи эта отвѣтственность была распространена на доходы съ вотчинъ и помѣстій и субсидіарно на самыя вотчины и помѣстья.

Однако, вдовы не являлись не только универсальными преемницами въ имуществѣ умершаго мужа, но и специальными въ какомъ-нибудь изъ составныхъ комплексовъ, на которые распадалось наслѣдство. Специальными наслѣдниками въ вотчинахъ являлись сыновья, если не было сыновей и ихъ нисходящихъ мужескаго пола, то дочери съ ихъ нисходящими и боковые родственники по близости родства. Въ помѣстьяхъ наслѣдованія первоначально не было. Но сыновья изъ помѣстій отца получали свои оклады, излишки шли въ родъ безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ. Уложение устанавливаетъ наслѣдственное преемство сыновей въ подмосковныхъ помѣстьяхъ. Указъ 22 марта 1684 г. дѣлаетъ сыновей и ихъ нисходящихъ мужескаго пола специальными наслѣдниками въ помѣстьяхъ вообще. Въ движимости наслѣдниками являются также сыновья съ нисходящими мужескаго пола, сестры же, повидимому, лишь при отсутствіи братьевъ ²⁰⁰⁾. Такимъ образомъ съ 1684 года сыновья съ ихъ мужескимъ потомствомъ становятся специальными наслѣдниками во всѣхъ видахъ имущества, благодаря чему наслѣдованіе прямыхъ нисходящихъ мужескаго пола съ 1684 г. принимаетъ уни-

^{199**)} Надо, однако, замѣтить, что самостоятельныя наслѣдственныя массы нашего московскаго права не достигли такого развитія и законченности, какъ Lehn и Erbe частнаго нѣмецкаго права.

Въ дѣйствующемъ правѣ характеръ специальной наслѣдственной массы сохраняютъ крестьянское надѣльное имущество и авторское право. По общему праву специальное наслѣдованіе устанавливаетъ ст. 1138 т. X ч. I—о чемъ сказано ниже.

²⁰⁰⁾ Ср., однако, ст. 227 Судебника царя Феодора Иоанновича. Если видѣль въ ней норму обычнаго права, то можно предположить, что сестры въ извѣстныхъ случаяхъ наслѣдовали въ движимости наравнѣ съ братьями. Однако, молчаніе другихъ источниковъ вызываетъ сомнѣнія. Казалось бы, что такое уравненіе сестеръ съ братьями въ движимости при устраненіи ихъ отъ наслѣдованія въ прочемъ имуществѣ должно быть отмѣчено въ другихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ и актахъ, чего, между тѣмъ, нѣтъ въ дѣйствительности.

версальный характеръ. Наслѣдованіе же дочерей (при отсутствіи братьевъ) и боковыхъ родственниковъ становится универсальнымъ преемствомъ только со времени окончательнаго слиянія помѣстій съ вотчинами (1731 г.).

Преемство вдовы въ имуществѣ мужа носило въ московской Руси лишь сингулярный характеръ, такимъ же осталось оно—какъ увидимъ дальше—и до настоящаго времени.

Выдѣль прожиточной доли въ московской Руси не составляетъ исключительной особенности имущественнаго обезпеченія вдовъ. Преемство дочерей при братьяхъ въ имуществѣ отца и вдовцевъ мужей въ имуществѣ умершихъ женъ носить совершенно аналогичный характеръ.

Общее положеніе эпохи: „сестры при братьяхъ не вотчинницы“. Въ частности сестры не наслѣдуютъ въ нисходящей линіи не только при братьяхъ родныхъ, но и при двоюродныхъ ²⁰¹⁾, не наслѣдуютъ и въ боковыхъ линіяхъ ²⁰²⁾. Сыновья устраняютъ отъ наслѣдованія племянницъ—дочерей брата и дѣлятъ вотчины съ племянниками—сыновьями сестры ²⁰³⁾. Въ томъ же случаѣ, если при отсутствіи сыновей дочери вступаютъ въ фактическое владѣніе отцовскими вотчинами, но не справятъ ихъ официально за собой, ихъ нисходящія не наслѣдуютъ въ этихъ вотчинахъ и послѣднія переходятъ къ боковымъ родственникамъ ²⁰⁴⁾. Въ помѣстьяхъ дочери получали лишь 10, 7¹/₂ и 5 четв. со ста оклада отца на прожитокъ до достиженія брачнаго возраста (по Улож. до 15 лѣтъ). Въ дворахъ никакой доли при братьяхъ онѣ не имѣютъ ²⁰⁵⁾, также, повидимому, и въ животахъ.

Такимъ образомъ положеніе дочерей послѣ смерти отца при братьяхъ хуже положенія вдовъ. На помощь приходитъ обычай, согласно которому на братьяхъ лежитъ обязанность кормить сестеръ и выдать ихъ замужъ, сообразно состоянію и общественному положенію. Этотъ обычай сказанъ уже въ постановленіяхъ Русской Правды: „и отдавать ю братіа за моужь, како си могутъ“ (ст. 107 Кар.). Законодательство московской Руси также

²⁰¹⁾ П. С. З. № 634, № 700, II, 6.

²⁰²⁾ П. С. З. № 700, II, 11.

²⁰³⁾ П. С. З. № 700, II, 8.

²⁰⁴⁾ Указатель Максимовича стр. 312—313, 2 указа отъ 1 мая 1649 г. Въ I П. С. З. они помѣщены подъ №№ 32 и 33, а также № 700, II, 3.

²⁰⁵⁾ П. С. З. № 1157, отд. II ст. ст. 13, 15.

возлагало на братьевъ обязанность кормить сестеръ, даже если онѣ живутъ не съ ними, а съ матерью, и надѣлять ихъ приданнымъ: деньгами или изъ помѣстій съ окладовъ отцевъ по указу ²⁰⁶). Обязанность содержать дочерей дѣвицъ послѣ смерти отца и выдавать ихъ замужъ возлагалась не только на братьевъ, но и на другихъ родственниковъ ²⁰⁷), главнымъ образомъ на тѣхъ, которые получили вотчины и помѣстья умершаго.

По аналогіи съ вдовьей долей въ движимости была определена и доля мужа вдовца въ имуществѣ умершей жены.

Существованіе въ древней Руси у супруговъ отдѣльнаго имущества и въ частности существованіе у жены собственнаго имущества доказывается содержаніемъ ст. 106 Русской Правды, ст.ст. 88—91 Псковской Судной Грамоты, Уставами Владимира Святого и Ярослава Владимировича о церковныхъ судахъ и другимъ историческими памятниками.—Въ ст. 106 Русской Правды говорится объ имуществѣ жены, данномъ ей мужемъ и о имуществѣ матери, переходящемъ къ дѣтямъ, 88 ст. Псковской Судной Грамоты говоритъ о вотчинахъ жены, 90 и 91 ст.ст. о ея движимомъ приданомъ, а 89 и 90 о недвижимомъ и движимомъ имуществѣ мужа. Въ Уставѣ Владимира упоминается о ссорѣ (пошибеньи) между мужемъ и женою изъ за движимости. Статьями 24 и 25 Устава Ярослава предусмотрѣны кражи между мужемъ и женою, при чемъ въ числѣ предметовъ кражи со стороны мужа указаны: конопля, ленъ, всякое жито, порты, полотна, поневы. Вѣроятно, мужъ имѣть права пользовладѣльца на имущество жены (равно какъ и жена на имущество мужа), но употребленіе мужемъ имущества жены (и наоборотъ) въ своихъ личныхъ интересахъ квалифицировалось какъ кража, хотя и особеннаго свойства, подсудная не общему, а церковному суду. По смерти жены мужъ сохранялъ владѣніе и пользованіе ея имуществомъ, но по окончаніи такого пользовладѣнія вслѣдствіе смерти мужа (106 ст. Русск. Пр.) или вступленія его во второй бракъ (90 ст. Пск. Суд. Гр.) имущество ранѣе умершей жены переходитъ къ ея законнымъ преемникамъ.—Въ Московскій періодъ жена несомнѣнно имѣла (независимо отъ приданого) свое особенное имущество, которое поступало къ ней отъ родителей или родствен-

²⁰⁶ См. напр. Ук. 6 июля 1649 г. П. С. З. № 15.

²⁰⁷ См. напр. П. С. З. № 696, ук. 13 янв. 1562 г. Влад.-Будановъ, Хрест. т. III стр. 30.

никовъ путемъ даренія, наслѣдованія, отъ постороннихъ путемъ купли и тому подобныхъ сдѣлокъ ²⁰⁸). Наличие возмездныхъ имущественныхъ сдѣлокъ между мужемъ и женою (купли-продажи, мѣны) служить несомнѣннымъ подтвержденіемъ раздѣльности имущества супруговъ ²⁰⁹). Что касается приданого, то въ этотъ періодъ владѣніе и распоряженіе приданными вотчинами жены, повидимому, общее для супруговъ ²¹⁰), хотя извѣстны и случаи распоряженія приданнымъ однимъ супругомъ, главнымъ образомъ мужемъ, но иногда и женою ²¹¹). Однако, случаи распоряженія приданнымъ однимъ мужемъ представляютъ лишь фактическое явленіе, основанное на правѣ мужа, какъ главы семьи и получаютъ силу съ молчаливаго или явно выраженнаго согласія жены, но отнюдь не доказываютъ правъ собственности мужа на приданья вотчины, ибо и въ томъ случаѣ, когда мужъ единолично распоряжается приданой вотчиною, онъ является—въ силу семейнаго права—лишь распорядителемъ и управителемъ приданого имущества, которое предназначено *ad matrimonii opera legenda*, но собственницей приданого остается жена. Поэтому для отчужденія приданой вотчины требовалось согласіе жены, а проданныя мужемъ вопреки волѣ жены приданья вотчины возвращались ей обратно ²¹²). Что собственницей приданой вотчины во время брака являлась жена, а не мужъ, видно изъ того, что конфискованная, какъ будто бы принадлежащая мужу, приданая вотчина возвращается женѣ обратно ²¹³). По смерти мужа приданья вотчины не только поступали въ полное распоряженіе жены, но и послѣ ея смерти переходили къ ея законнымъ наслѣдникамъ ²¹⁴), а не возвращались въ родъ мужа, въ отличіе отъ вдовьей доли (купленной вотчины мужа и $\frac{1}{4}$ части изъ его животовъ).—Относительно движимаго приданого права распоряженія мужа были значительно шире по самому свойству этого

²⁰⁸ См. Акты, относящіеся до юридическаго быта т. I №№ 52, IV, 63, XX 66, II; т. II—147, XX и др.

²⁰⁹ Ср. А. Ю. №№ 71, XXVIII, 103.

²¹⁰ Ср. Мейчикъ—указ. соч., прил. IX, 5, А. Ю.—71, X. Акты, относящіеся до юридическаго быта—II, 147, XXIX и др.

²¹¹ Акты, относящіеся до юридическаго быта I, № 52, VI, и № 60, II и др.

²¹² А. Ю. № 71, X (XIV и XV в.в.), П. С. З. № 751 (1679 г.) № 803 (1680 г.) П. С. З. №№ 650 (1676 г.) и 762 (1679 г.).

²¹³ Рейцъ—Опытъ исторіи, стр. 296, гдѣ авторъ ссылается на жалованную грамоту 1539 г.

²¹⁴ П. С. З. № 674 (1677 г.), ср. также № 644, ст. 8.

имущества, предназначеннаго для общей семейной жизни, но и движимое приданое считалось собственностью жены и (поскольку оно не прожито) въ случаѣ прекращенія брака возвращалось ей ²¹⁵⁾.

Правильность указанныхъ выводовъ еще болѣе подтверждается постановленіями законодательства о судьбѣ имущества жены и въ частности ея приданого въ томъ случаѣ, когда жена умираетъ раньше мужа.

Въ этомъ случаѣ, если отъ брака остались дѣти, то недвижимое имѣніе жены становилось собственностью дѣтей ^{215*)}, но повидимому, поступало въ общее владѣніе мужа и дѣтей, а послѣ смерти мужа переходило въ собственность дѣтей отъ ихъ общаго брака, какъ законныхъ преемниковъ матери, но отнюдь не въ собственность всѣхъ дѣтей мужа отъ разныхъ браковъ, которые являлись его преемниками ²¹⁶⁾. Изъ послѣдняго постановленія ясно, что мужъ являлся лишь пользователемъ, а не собственникомъ приданого (и тѣмъ болѣе прочаго имущества жены). При бездѣтной смерти жены ея приданое—вотчины и животы—возвращались тѣмъ, кто далъ ихъ за ней въ приданое ²¹⁷⁾ или вообще ея родственникамъ по близости родства ²¹⁸⁾.

На основаніи изложеннаго мы приходимъ къ выводу, что собственницей приданого, какъ во время брака, такъ и по прекращеніи его являлась жена. Мужу же не только не принадлежало право исключительной собственности на приданое жены, какъ думаетъ О. Ф. Ланге, но также не принадлежало и право общей съ женой собственности на это имущество, какъ полагаютъ проф. Владимирскій-Будановъ и Н. Н. Дебольскій ^{218*)}. Мужъ ни исключительнымъ собственникомъ приданого жены, ни сособственникомъ въ этомъ имуществѣ не являлся, ибо въ такомъ случаѣ приданое жены подлежало бы отвѣтственности за долги мужа и конфискаціи за его преступленія (въ цѣломъ или въ

²¹⁵⁾ А. Ю. №№ 401, 404, 427, указъ 3 дек. 1628 г., Улож. гл. XVII, ст. 1. Ср. также П. С. З. № 1157, отд. II, ст. 3.

^{215*)} Судебникъ царя Феодора Иоанновича, ст. 192.

²¹⁶⁾ П. С. З. № 644, ст. 8, II. С. № 608, а также А. Ю. № 427.

²¹⁷⁾ Судебникъ царя Феодора Иоанновича ст. 192. А. Ю. № 414, Котошихинъ, ук. соч., гл. 13, § 15. Улож. гл. XX, ст. 62.

²¹⁸⁾ П. С. З. № 644, ст. 8. Здѣсь кромѣ дѣтей въ качествѣ преемниковъ указаны и родственники по близости родства. Ср. также П. С. З. № 1157, отд. II, 18.

^{218*)} См. О. Ф. Ланге, «О правахъ собственности супруговъ по древне-русскому праву» стр. 66—67, Владимирскій-Будановъ, Обзоръ... стр. 264—265 Дебольскій—Гражданская дѣеспособность... стр. 264—267.

части, соответствующей праву мужа въ общей собственности)—чего, однако, не было. Равно какъ приданое жены переходило бы или исключительно къ наследникамъ мужа (въ первомъ случаѣ) или совместно къ наследникамъ мужа и жены (во второмъ), что опять таки не соответствуетъ дѣйствительности. Юридически мужу принадлежало лишь право общаго съ женой распоряженія приданымъ, такъ какъ приданое было предназначено для удовлетворенія цѣлей брака. Фактически мужъ въ качествѣ главы семьи и хозяина въ домѣ, повидимому, нерѣдко распоряжался приданымъ единолично (что случается и въ настоящее время въ особенности относительно движимаго приданого), но такое распоряженіе предполагало согласіе жены. При протестѣ жены сдѣлка о приданомъ, совершенная однимъ мужемъ, признавалась недѣйствительной.

Приданья помѣстья женъ послѣ ихъ смерти первоначально оставались цѣликомъ за мужьями, хотя бы жены умирали бездѣтными. Но въ 1681 году состоялось постановленіе, согласно которому надлежало различать, были ли помѣстья даны вмѣсто приданого—денегъ и платья—или же нѣтъ. Въ первомъ случаѣ приданья помѣстья рассматривались аналогично съ движимостью и вдовецъ мужъ (не имѣющій дѣтей), имѣлъ право удержать лишь $\frac{1}{4}$ часть помѣстья умершей жены, а за $\frac{3}{4}$ долженъ былъ заплатить деньги или выдать ихъ въ натурѣ лицу, давшему помѣстье за его женой, во второмъ случаѣ, когда нѣтъ записи, что помѣстье дано вмѣсто приданого, оно цѣликомъ оставалось за вдовцемъ. На будущее постановлено, что послѣ бездѣтно умершихъ женъ изъ приданого ихъ помѣстья—въ томъ случаѣ если цѣна приданому не указана— $\frac{3}{4}$ возвращается къ лицамъ, давшимъ ихъ за умершей, а $\frac{1}{4}$ справляется за мужемъ-вдовцемъ ²¹⁹⁾. То же самое постановленіе повторено въ указѣ 25 апрѣля 1683 года ²²⁰⁾.

Такимъ образомъ очевидно, что первоначально приданья помѣстья женъ не рассматривались, какъ приданое въ прямомъ значеніи этого понятія, а справлялись за мужьями въ цѣляхъ публично-правовыхъ, въ интересахъ службы государевой. И только во второй половинѣ XVII вѣка помѣстья стали рассматриваться, какъ приданое жены (аналогично движимости) и были подчинены общимъ постановленіямъ о приданомъ.

²¹⁹⁾ П. С. З. № 860 докл. I и рѣш. на I.

²²⁰⁾ П. С. З. № 1008.

Изъ содержанія приведенныхъ узаконеній видно, что мужу выдѣлялась $\frac{1}{4}$ часть изъ приданого помѣстья жены по аналогіи съ движимымъ приданымъ, деньгами и платьемъ, взамѣнъ которыхъ дано было помѣстье. Слѣдовательно, изъ движимаго приданого мужъ жены еще раньше получалъ $\frac{1}{4}$ часть, а остальное ея родственники.

Въ 1686 г. установлено было право мужа на получение $\frac{1}{4}$ части изъ приданныхъ дворовъ жены ²²¹⁾.

Такъ, аналогично квартъ вдовы развилась въ московской Руси и кварта вдовца въ движимомъ имуществѣ умершей жены.

Прежде чѣмъ закончить обзоръ права московскаго государства, мы считаемъ необходимымъ болѣе подробно, чѣмъ это сдѣлано раньше, остановиться на взглядахъ нашего извѣстнаго ученаго проф. Владимирскаго-Буданова на данную эпоху.

Проф. Владимирскій-Будановъ высказываетъ и защищаетъ то положеніе, что періодъ XIV—XVII вѣковъ въ Московскомъ и Литовско-русскомъ правѣ есть періодъ господства общности семейнаго имущества и въ частности общности имущества супруговъ ^{221*)}. По нашему мнѣнію, защищаемое проф. Владимирскимъ-Будановымъ положеніе не можетъ быть принято въ качествѣ общаго правила, такъ какъ общность семейнаго имущества въ рассматриваемую нами эпоху уже не является у насъ общенароднымъ институтомъ обычнаго права, а сохраняетъ свою силу и значеніе лишь въ средѣ низшихъ классовъ населенія. Семейная общность имущества существовала у всѣхъ народовъ на извѣстныхъ (низшихъ) ступеняхъ ихъ развитія. Существовала она и у насъ, а отчасти существуетъ и до сихъ поръ. Но господство ея, какъ общенароднаго социальнаго института должно быть отнесено къ періоду болѣе раннему, нежели рассматриваемая нами эпоха. Съ XIV вѣка ведетъ свое происхожденіе, а въ XVII занимаетъ господствующее положеніе

²²¹⁾ П. С. З. № 1157, отд. П, ст. 18.

^{221*)} Взгляды проф. Владимирскаго-Буданова относительно общности семейнаго имущества и въ частности имущества супруговъ въ московскую эпоху раздѣляетъ и, опираясь на нихъ, строитъ свои выводы о преемствѣ вдовы Б. А. Лапчикій. См. „Вопросы права“ 1912 г., кн. X (2) ст. „Указанная доля супруговъ“.

вотчинно-помѣстная система владѣнія недвижимостью. Эта система тѣсно связана съ несеніемъ личной служебной повинности и подчиняетъ интересамъ службы государевой все владѣніе недвижимостью—что ведетъ отнюдь не къ развитію семейной общности правъ на имущество, а наоборотъ къ устраненію женщинъ и лицъ, неспособныхъ къ несенію государевой службы, отъ правъ на недвижимость и къ развитію права личной собственности на имущество. Вполнѣ понятно, что новыя формы общественной и частной жизни, связанныя съ системой вотчинно-помѣстнаго владѣнія землею, развились наиболѣе полно въ средѣ тѣхъ классовъ населенія, которые были непосредственно причастны къ такому владѣнію недвижимостью, т. е. главнымъ образомъ въ средѣ служилаго дворянства, высшихъ слоевъ духовенства и торговаго класса. Тяглая масса населенія была лишена права пріобрѣтенія вотчинъ и помѣстій ²²²⁾. Поэтому связанныя съ вотчинно-помѣстной системой измѣненія въ общественномъ и частномъ быту не достаточно глубоко проникли въ эту среду и среди низшихъ классовъ населенія сохранились старыя формы семейной общности имущества, не потерявшія своего значенія и до настоящаго времени въ сферѣ крестьянскаго обычнаго права. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что раздѣльность имущества супруговъ и родителей съ дѣтьми является общимъ правиломъ для высшихъ классовъ населенія Московскаго государства, а общность семейнаго имущества сохраняетъ свое значеніе лишь въ низшихъ классахъ, главнымъ образомъ въ средѣ сельской тяглой массы.

Исслѣдователи первобытнаго права указываютъ, что наследованіе ведетъ свое происхожденіе со времени раздробленія семьи. Когда собственность составляла принадлежность рода или двора, о наследованіи не могло быть и рѣчи. Въ этомъ случаѣ смерть хозяина дома вызывала лишь перемѣну управителя имущества. Когда же изъ большихъ семей стали выдѣляться малыя, когда отцы и дѣти, братья и племянники стали расходиться, заявляя притязаніе каждый на долю изъ общаго имущества, тогда впервые явилась необходимость въ опредѣленіи этихъ долей, въ установленіи порядка и очереди участія въ дѣляжѣ ^{222*)}. Такимъ

²²²⁾ Ср. Улож. гл. XIX, гл. XVII, ст. 41, Ключевскій—Курсъ русской исторіи, часть II, стр. 289, 369.

^{222*)} Ср. М. Ковалевскій—Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 317—319.

образомъ развитіе наследственнаго преемства служить указаніемъ на дробленіе семьи, на прекращеніе былой общности семейнаго имущества. Въ древнемъ русскомъ правѣ указанія на раздѣлъ наследства мы встрѣчаемъ уже въ Русской Правдѣ и Псковской Судной Грамотѣ и тѣмъ болѣе въ періодъ XIV—XVII в.в. въ судебныхникахъ великокняжескомъ и царскомъ, въ проектѣ судебника 1589 г. въ Уложеніи, въ духовныхъ грамотахъ и прочихъ памятникахъ и актахъ. Въ эту эпоху возникла вся сложная система наследственнаго преемства московскаго государства—что одно уже служить апіорнымъ доказательствомъ отнюдь не общности семейнаго имущества, а, наоборотъ, дробленія семьи и индивидуализаціи имущества. При этомъ надо, однако, замѣтить, что система наследственнаго преемства судебныхниковъ и Уложенія относилась къ высшимъ классамъ населенія московскаго государства и не затрагивала низшихъ. Здѣсь же, въ крестьянствѣ и до сего времени сохранилась общая собственность двора, устраняющая идею индивидуальнаго наследственнаго преемства (ср. ст. 15 мѣстнаго полож. губ. великоросс.).

Въ подтвержденіе своего взгляда проф. Владимирскій-Будановъ ссылается на общее владѣніе и распоряженіе супруговъ приданымъ, на общность правъ супруговъ и дѣтей на купленные (а до 1628 г. и выслуженныя) вотчины и на общность обязательственныхъ правъ членовъ семьи ²²³).

О приданомъ мы говорили выше. Что касается общности правъ супруговъ и дѣтей на купленные вотчины, то проф. Владимирскій-Будановъ приводитъ примѣры, когда вотчины покупались и дарились отъ имени и на имя супруговъ и дѣтей. Совершенно вѣрно. Въ различныхъ сборникахъ актовъ мы находимъ примѣры приобрѣтенія и отчужденія вотчинъ отъ имени и на имя мужа, жены и дѣтей. Но встрѣчаются и акты, совершенные отъ имени и на имя одного лица. Проф. Владимирскій-Будановъ относитъ эти акты къ случаямъ неимѣнія или малолѣтства дѣтей. Но, вѣдь, малолѣтство дѣтей не можетъ служить препятствіемъ къ приобрѣтенію имущества для всей семьи. Личное участіе дѣтей въ сдѣлкѣ не обязательно. Существуетъ не мало актовъ, въ которыхъ дѣти упоминаются лишь безлично: „Се язь (такой-то) купилъ себѣ и своимъ дѣтемъ впрокъ безъ выкупа“. Между тѣмъ приобрѣтеніе и отчужденіе вотчинъ отъ имени и на имя

однихъ отцевъ при существованіи дѣтей несомнѣнно ²²⁴). Кроме того, въ сборникахъ встрѣчается очень много актовъ, согласно коимъ вотчины отчуждаются и приобрѣтаются отъ имени и на имя отца и дѣтей, при чемъ о правахъ женъ совершенно не упоминается. Было бы большою натяжкой объяснять эти весьма многочисленные случаи приобрѣтенія и отчужденія вотчинъ безъ упоминанія въ купчихъ и данныхъ женъ случаями вдовства главныхъ участниковъ сдѣлокъ. Наконецъ, жалованныя грамоты, данные и купчія крѣпости писались не только на имя перваго приобрѣтателя, его дѣтей, внуковъ, и правнуковъ, но также и въ родъ его. „И по нашему царскому жалованью въ той вотчинѣ онъ и его дѣти, и внучата, и правнучата вольны, и въ родъ ихъ недвижимно...“, говорится въ новой формѣ жалованныхъ грамотъ, составленной въ 1628 году ²²⁵). Вне спорна и сомнѣнія, что родители не являлись совладѣльцами, соучастниками правъ приобрѣтателя на пожалованную вотчину. Очевидно, упоминаніе въ актахъ приобрѣтенія о женѣ, дѣтяхъ и родѣ приобрѣтателя имѣеть цѣлью не установленіе общесемейной собственности, а нѣчто другое. Болѣе опредѣленныя указанія въ этомъ смыслѣ мы и находимъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ.

Какъ мы видѣли выше, купчія на пустопорожнія казенныя земли писались первоначально только на самихъ покупателей. 16 февраля 1628 г. царь Михаилъ Феодоровичъ и патриархъ Филаретъ указали: „въ купчіе писати тѣ проданные земли въ вотчину тѣмъ людямъ, кто купилъ, и женамъ ихъ, и дѣтямъ; а не останется у кого жены и дѣтей, и тѣ вотчины въ родъ ихъ; а не будетъ роду ихъ, и тѣ вотчины имати на себя государей въ помѣстныя земли“. Въ соответствии съ приведеннымъ указомъ былъ составленъ новый образецъ купчей на казенныя земли, одобренный царемъ и патриархомъ. Въ образцовой купчей написано: „А продали Лаврентію и его женѣ и дѣтямъ ту пустошь, что было село Юдино... и вольно ему ту вотчину и въ приданные дати, а въ монастырь ту вотчину не отдавати; а *буде Лаврентья не станетъ*, а послѣ его останется жена и дѣти, и ту вотчину женѣ его и дѣтямъ; а *буде послѣ*

²²⁴) См. напр. Мейчикъ—указ. соч., прил. VIII, 7. Дебольскій—указ. сочин., прил. В., № 8, Акты относ. до юрид. быта, II, № 147, XXXI. Шумаковъ—Сотницы, в. IV, XXVIII, в V, стр. 63 и др.

²²⁵) Влад.-Будановъ—Хрест. III, стр. 215.

²²³) Обзоръ изд. 4, стр. 462—468, 673—684.

Лаврентья жены и дѣтей не останется и ту вотчину взяти на государя въ помѣстныхъ земляхъ...“²²⁶).

Какъ видно изъ приведенной образцовой купчей права жены и дѣтей покупателя на купленную вотчину возникали лишь послѣ его смерти. Слѣдовательно, жена и дѣти являлись не соучастниками, а преемниками правъ умершаго и упоминаніе въ купчихъ женъ и дѣтей, внуковъ и правнуковъ покупателя означало не установленіе общесемейной собственности на купленную вотчину, а порядокъ посмертнаго преемства въ нихъ. Упоминаніе въ купчей жены и дѣтей на давало послѣднимъ какихъ-либо правъ на вотчину при жизни мужа и отца. Неизвѣстны случаи, чтобы дѣти оспаривали распоряженія отца купленной отцемъ или родовой вотчиной на томъ основаніи, что эта вотчина является ихъ общей съ отцемъ собственностью.

Участіе же женъ и дѣтей продавца при совершеніи сдѣлки ограждало покупателя отъ споровъ противъ купчей со стороны ближайшихъ законныхъ преемниковъ продавца послѣ его смерти и, кромѣ того, означало принятіе послѣдними на себя всѣхъ обязательствъ наследодателя, связанныхъ со сдѣлкой: объ очисткахъ, о возмѣщеніи ущерба и т. п.,—что придавало сдѣлкѣ болѣе устойчивый и твердый характеръ.

Кромѣ того, для правильнаго представленія о данномъ вопросѣ не нужно забывать, что нерѣдко тотъ или другой супругъ съ дѣтьми продавали недвижимость, принадлежащую имъ на правѣ общей собственности (напр., дошедшую къ нимъ по праву наследственнаго преемства²²⁷), или же супруги сообща продавали вотчину, напр. приданую или купленную на приданья деньги, въ силу принадлежащаго имъ, какъ указано выше, права

²²⁶) Проф. Владимирскій-Будановъ—Хрестоматія, т. III, стр. 222. Ср. Шумаровъ—Сотницы, вып. V, № 52. (1678 г.)... „продали д. Семену Струкову и ево женѣ и дѣтемъ... И вольно ему Семену та вотчина продать и заложить и въ приданье дать, а въ монастырь тою вотчины не отдать. А какъ ево Семена не станеть, и та вотчина женѣ его и дѣтемъ. А буде послѣ ево Семена жены и дѣтей не останетьца, и та вотчина въ родъ ево. А буде послѣ ево Семена и роду ево никого не останетьца, и та вотчина взяти на в. г-ря... въ помѣстныхъ земляхъ“...

²²⁷) Ср. Акты, относящіеся до юридическаго быта, II, №№ 147, XIX, XX 149, X и др. Между прочимъ, проф. Владимирскій-Будановъ на два первыхъ акта ссылается въ подтвержденіе общности семейнаго имущества (ср. Обзоръ, стр. 680), между тѣмъ, очевидно, что здѣсь общія собственность по наследственному преемству.

совмѣстнаго распоряженія приланымъ, или же, наконецъ, купленную на общія деньги.

Уже Царскій Судебникъ знаетъ единоличную, а не общесемейную собственность на родовыя и купленные вотчины (ср. ст. 85 Ц. С.)^{227*}). Уложеніе 1649 года тѣмъ болѣе говоритъ о правахъ единоличной, не общесемейной собственности на вотчины (ср. ст.ст. 7, 43 и въ особенности 31, гл. XVII Улож. относительно купленныхъ вотчинъ и ст. 27 гл. XVII о родовыхъ; подтвержденіе—указъ 19 іюня 1679 г. Ц. С. З. № 764). Собственникъ купленной вотчины въ правѣ продать ее, заложить, подарить, завѣщать кому угодно—дѣтямъ, внукамъ, роду его и женѣ нѣтъ до этого дѣла. Собственникъ родовой и выслуженной вотчины также въ правѣ продать и заложить эти вотчины по личному усмотрѣнію, не считаясь со своими нисходящими. Хотя въ нѣкоторыхъ актахъ дѣти (при отцѣ) и другіе родичи называютъ родовую вотчину своей, а себя вотчичами или вотчинниками однако, эти выраженія не могутъ быть понимаемы въ прямомъ смыслѣ. Они лишь указываютъ на обращеніе вотчины въ извѣстномъ родѣ.

Изъ указовъ 16 февраля и 10 марта 1628 г. видно, что послѣ смерти перваго приобретателя вотчины, она переходила къ женѣ его и дѣтямъ, повидимому, въ общее владѣніе. Но уже въ Уложеніи говорится объ исключительномъ правѣ вдовы на купленную вотчину, при чемъ не сдѣлано оговорки, что такое исключительное право принадлежитъ лишь вдовѣ бездѣтной. Наоборотъ, изъ содержанія ст.ст. 2 и 6 гл. XVII Улож. необходимо прийти къ выводу, что право это принадлежитъ ей и при наличности дѣтей. Въ ст. 6 говорится: „а которая купленная вотчина, послѣ умершаго дана будетъ женѣ его, *отричь дѣтей*, и она въ той вотчинѣ вольна; а иному никому до той вотчины дѣла нѣтъ“; слѣдовательно, Уложеніе имѣетъ въ виду въ этой статьѣ отдѣльное, независимое отъ дѣтей право вдовы на купленную вотчину. Что именно такъ надлежитъ понимать постановленія Уложенія, видно изъ указовъ, изданныхъ послѣ Уложенія. Такъ въ указѣ 20 авг. 1677 г. устанавливаются общія положенія для раз-

^{227*)} Какъ совершенно правильно указываетъ Д. М. Мейчикъ, право родственнаго выкупа предполагаетъ значительное развитіе собственности единоличной, въ которой ни дѣти, ни прочіе родственники не имѣютъ никакой доли. Грамоты XIV и XV в. в., стр. 85.

рѣшенія слѣдующихъ случаевъ. Наслѣдодатель покупаетъ вотчину при первой женѣ, послѣ смерти ея женится вторично и умираетъ. Притязаніе на вотчину заявляютъ дѣти его отъ брака съ первой женой, вторая жена и ея дѣти. При чемъ первые основываютъ свое притязаніе не на своемъ личномъ правѣ, а на правѣ матери: „отцы де ихъ тѣ вотчины купили при первыхъ своихъ женахъ, а при ихъ матеряхъ“, а вторыя жены въ челобитныхъ пишутъ: „купленные де вотчины по Уложению велено давать женамъ, а не дѣтемъ“. Такимъ образомъ обѣ стороны выдвигаютъ на первый планъ права женъ. Этотъ конфликтъ разрѣшается дѣленіемъ такихъ вотчинъ по жеребьямъ между вдовой и дѣтьми отъ обоихъ браковъ²²⁸⁾. Но въ томъ случаѣ, когда послѣ умершаго остается вдова и дѣти ея отъ брака съ покойнымъ, вотчина представляется ей одной: „а буде того, кто тое вотчину купить на свое имя не станеть, а послѣ его останется жена или дѣти, и того умершаго вотчину его жеребей дать женѣ его, или дѣтемъ, *буде жены не останется*“²²⁹⁾. То же повторяется въ указѣ 11 іюня 1683 г.: „а буде котораго сына не станеть, а имя его въ купчихъ будетъ написано, и его жеребей вотчины дать женѣ его, хотя она и за другого мужа, не бивъ челомъ за мужъ выдетъ; а *буде жены не останется* и тотъ вотчинной жеребей дать дѣтямъ его, сыновьямъ; а буде сынової не останется, и тотъ вотчинной жеребей дать дочерямъ...“²³⁰⁾. Изъ этихъ указовъ ясно видно, что вдова исключала сынової при преемствѣ въ купленной вотчинѣ мужа.

На основаніи высказанныхъ соображеній мы приходимъ къ выводу, что жена, получавшая купленную вотчину умершаго мужа въ общее съ дѣтьми владѣніе или независимо отъ нихъ, являлась преемницей, а не соучастницей правъ мужа, но, какъ указано выше, преемницей сингулярной, а не общей или специальной.

Общность обязательственныхъ правъ супруговъ проф. Владимирскій-Будановъ поясняетъ главнымъ образомъ ссылкой на ст. 203 гл. X Уложения, указъ 14 марта 1688 г., ст. 85 Псковской Судной Грамоты и на участіе жены и дѣтей въ кабальныхъ записяхъ главы семьи. Разсмотримъ эти доводы.

²²⁸⁾ П. С. З. № 700, ст. 2.

²²⁹⁾ Тамъ же ст. 4, ср. также ст. 1.

²³⁰⁾ П. С. З. № 1020.

Содержаніе ст. 203 дѣйствительно можетъ служить къ подтвержденію мнѣнія проф. Владимирскаго-Буданова. Но статья эта стоитъ особнякомъ среди постановленій Уложения объ отвѣтственности преемниковъ, и, быть можетъ, объясняется специальнымъ характеромъ предусмотрѣннаго въ ней долга, связаннаго съ поручительствомъ на срокъ.

Кромѣ статьи 203 въ Уложеніи содержится рядъ постановленій, опредѣляющихъ отвѣтственность преемниковъ по долгамъ наслѣдодателя: гл. X, ст. ст. 132, 207, 245. Они устанавливаютъ общее положеніе, что за долги умершаго отвѣчаютъ тѣ, кто остался въ его вотчинахъ, дворахъ и животахъ, будь то жена, дѣти или боковые родственники. Защищая свой взглядъ, проф. Владимирскій-Будановъ толкуетъ указанную статью Уложения въ томъ смыслѣ, что и здѣсь только отвѣтственность боковыхъ родственниковъ связана съ полученіемъ послѣ умершаго имущества и прибавка „кто послѣ его во дворѣ и животахъ его останется“ относится исключительно къ случаямъ преемства боковыхъ родственниковъ, а жена и дѣти отвѣчаютъ по обязательствамъ умершаго независимо отъ полученія послѣ него имущества. Такое толкованіе—по нашему мнѣнію—противорѣчитъ прямому содержанію указанныхъ постановленій Уложения. Въ ст. 132 сказано: „и за такихъ умершихъ отвѣтчиковъ велѣтъ исцовъ искъ правити на женѣ его и на дѣтѣхъ, или на братѣ, кто послѣ его во дворѣ и въ животахъ его останется“. Очевидно, послѣднее добавленіе относится ко всемъ преемникамъ умершаго, какъ къ боковымъ родственникамъ, такъ къ женѣ и дѣтямъ,—что съ полной несомнѣнностью подтверждается слѣдующими статьями—207 и 245. Въ статьѣ 207 между прочимъ говорится: „... а онъ въ томъ въ иску не раздѣлався умереть, а послѣ его останутся вотчины или животы, *а въ тѣхъ его вотчинахъ и животахъ будутъ жена его и дѣти*; и исцомъ велѣтъ искъ ихъ доправити того умершаго на женѣ и на дѣтѣхъ“. Въ ст. 245 содержится постановленіе: А будетъ кто... умереть, а послѣ его *въ животахъ его останутся жена его и дѣти*, или иные кто его роду... и исцомъ по тѣмъ дѣламъ велѣтъ искъ ихъ правити того умершаго *на женѣ и на дѣтѣхъ*, или на иныхъ роду его, кто послѣ его въ животахъ его останется, и кому даны будутъ вотчины его.—Приведенныя постановленія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что общимъ видомъ отвѣтственности по долгамъ и обязательствамъ умершаго по Уложенію является

отвѣтственность, связанная съ получениемъ послѣ него имущества.

Однако, по силѣ указа 14 марта 1688 г. (П. С. З. № 1285). Повомѣщанской слободы тяглець Аничка Ивановъ съ женой Федоскою былъ отданъ дьяку Протасью Никифорову въ заживъ по искупу отрабатывать свой долгъ, съ ссылкой при этомъ на Уложение и новоуказныя статьи, при чемъ постановлено: „и предъ которые доведутся за иски отдавать въ заживъ головою мужеска полу, ихъ отдавать съ женами, а будетъ женска съ дѣтьми“. Обращаясь къ Уложению, мы находимъ здѣсь постановленія объ отдачѣ должника головою до искупа въ 266 ст. гл. X и въ 39 и 40 ст. ст. гл. XX. Въ первомъ случаѣ изъ содержания 266 ст. ясно не видно, отвѣчаютъ ли лица мужескаго и женскаго пола отдѣльно за свои долги или же солидарно мужъ и жену, жена за мужа и дѣти за родителей, однако, послѣднее вполне допустимо въ особенности при сравненіи съ содержаниемъ ст. ст. 39 и 40 гл. XX, гдѣ принципъ общесемейной отвѣтственности за долги главы семьи выраженъ ясно и положительно. Возникаетъ вопросъ, не представляютъ ли приведенныя постановленія исключеніе, пережитокъ старинны, какъ на нихъ и смотрятъ нѣкоторые изслѣдователи. Нѣтъ. Они представляютъ—по нашему мнѣнію—дѣйствующее право, но лишь для низшихъ классовъ населенія.—Дѣйствительно, изъ содержания приведенныхъ законоположеній мы видимъ, что указъ 14 марта 1688 г. относится къ тяглецамъ, глава XX Уложения говоритъ о холопахъ и кабальныхъ людяхъ, ст. 266 гл. X о ушкаряхъ, казакахъ, затиньщикахъ и о „иныхъ меньшихъ чиновъ“ служилыхъ и тяглыхъ людяхъ. Низшихъ чиновъ служилые люди (служилая масса), какъ видно изъ содержания 26—30 ст. гл. XIX Улож., вербовались именно изъ тяглыхъ слоевъ населенія. То положеніе, что отвѣтственность по долгамъ въ высшихъ и низшихъ классахъ населенія московскаго государства носила различный характеръ, подтверждается содержаниемъ 61—266 ст. ст. гл. X Уложения. Дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ служилые люди за долги ставятся на правезю; имъ дается отсрочка на мѣсяць для платежа долга, затѣмъ взысканіе обращается на дворы и животы или на доходы съ помѣстій и вотчинъ и на крестьянъ (262), если этихъ мѣръ окажется недостаточно, взысканіе обращается на самыя вотчины, которыя цѣниваются и продаются, а вырученныя деньги идутъ на пога-

шеніе долга (263), немного времени спустя послѣ Уложения указанный порядокъ взысканія былъ распространенъ и на помѣстья (П. С. З. № 197,—1656 г., а также №№ 441, 553, 717 и др.). Если же служилымъ всякихъ чиновъ людямъ, „опричь меньшихъ чиновъ“, съ правезю откупиться будетъ нечѣмъ, то предписывается править на нихъ и на ихъ людяхъ долги безъ пощады, „а головою исцомъ ихъ не отдавати“ (264, также 204). Наоборотъ казаковъ, пушкарей и затиньщиковъ и „иныхъ меньшихъ чиновъ служилыхъ и тяглыхъ всякихъ людей“, которымъ откупиться съ правезю будетъ нечѣмъ, послѣ указаннаго мѣсяца повелѣно „выдавати исцомъ головою до искупу“, при чемъ отрабатывать долгъ долженъ и мужской и женскій полъ, повидимому, жена и дѣти должника.

Такимъ образомъ Уложение знаетъ два особые порядка отвѣтственности по долгамъ и обязательствамъ живыхъ лицъ: лично-имущественную отвѣтственность и общесемейную.—Одинъ для высшихъ классовъ населенія (духовенства, служилаго и неслужилаго дворянства, высшихъ слоевъ торговаго класса) другой для низшихъ (служилой массы и тяглецовъ). Такимъ образомъ указъ 14 марта 1688 г. является лишь выраженіемъ приведеннаго общаго правила. Но сохранился ли тотъ же порядокъ и то же различіе въ отвѣтственности по долгамъ и обязательствамъ умершихъ?—Относительно высшихъ классовъ ст. ст. 132, 207, 245 гл. X Улож. не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что преемники умершаго несутъ лично-имущественную, а не общесемейную отвѣтственность по его долгамъ. Какой характеръ носила отвѣтственность преемниковъ въ низшихъ классахъ, Уложение не даетъ отвѣта. Но, очевидно, судебная практика, руководствовавшаяся обычнымъ правомъ, распространяла дѣйствіе ст. 266, гл. X Улож. и на преемниковъ умершаго и примѣняла здѣсь неограниченную общесемейную отвѣтственность, какъ это видно изъ челобитій того времени. Содержаніе ст. 203 гл. X также давало основаніе къ этому. Но подобный характеръ отвѣтственности по долгамъ умершаго былъ уже вскорѣ послѣ Уложения отмѣненъ, по крайней мѣрѣ для городского (посадскаго) населенія. Среди черной тяглою массы къ XVII ст. выдѣлился особый классъ посадскихъ людей (торговцевъ и ремесленниковъ), представлявшій низшій слой городского населенія (гости, купцы, посадскіе люди). По экономическому положенію и по возложенному на него тяглу классъ этотъ отличался отъ сельской

тяжкой массы ²³¹⁾. Примѣненіе въ этомъ классѣ неограниченной отвѣтственности по долгамъ умершихъ вызываетъ рядъ чело- битій вдовъ и сиротъ посадскихъ людей—новгородцевъ, волог- жанъ, калужанъ и др., которые, ссылаясь на то, что они не получили послѣ умершихъ имущества, ходатайствуютъ объ освобожденіи ихъ отъ платежа долговъ послѣднихъ, т. е. хода- тайствуютъ о распространеніи на нихъ порядка отвѣтственности, примененнаго къ высшимъ классамъ ^{231*)}. Эти ходатайства и удовлетворяются (И. С. З. №№ 210, 290, 1298). Такимъ образомъ правило объ ограниченной лично-имущественной отвѣтственности преемниковъ умершаго наследодателя, примѣнявшееся перво- начально лишь въ высшихъ классахъ, распространяется и на городское населеніе, которое въ своемъ послѣдующемъ разви- тіи все дальше уходитъ отъ черной тяжелой массы. Въ послѣд- ней же подъ влияніемъ извѣстныхъ социально-экономическихъ причинъ развивается своеобразное обычное право, сохранившее и до настоящаго времени институтъ общности семейнаго иму- щества, который только подъ влияніемъ законодательства послѣд- няго времени начинаетъ уступать мѣсто праву личной соб- ственности.

Что касается кабальныхъ записей, то неправильно утверж- деніе проф. Владимирскаго-Буданова, будто кабалы „всегда“ пишутся отъ мужа, жены и дѣтей ихъ. Въ сборникахъ актовъ содержатся заемныя кабалы, данныя однимъ лицомъ безъ уча- стія семьи, мужемъ и женою и всѣмъ семействомъ. То обстоя- тельство, что заемныя кабалы отъ имени одного лица давались

²³¹⁾ Ср. Уложение, гл. XIX, П.-Сильванскій—Феодализмъ въ удѣльной Русл. § 39, Милюковъ—Очерки по исторіи русской культуры, изд. 5, I, стр. 231—232; Влад.-Будановъ—Обзоръ, изд. 4, стр. 130—134, Сергѣевичъ—Русскія юридиче- скія древности, I, стр. 282—297, Дьяконовъ—Очерки, I, стр. 295 и сл. См. также Чечулинъ—Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ, гл. VII.

^{231*)} Высшіе слои городского населенія—гости, торговые люди гостинной и суконной сотни, купцы—за свою службу государству (завѣдываніе таможенями, кружечными сборами, взиманіе таможенныхъ, кабацкихъ пошлинъ и т. п.), уже ранѣе на основаніи специальныхъ и общихъ привилегій приравнивались къ высшимъ служилымъ классамъ: они освобождались отъ пошлинъ и повинно- стей, были подчинены суду царя, владѣли вотчинами и помѣстьями и т. п. См. Владимирскій-Будановъ—Обзоръ, стр. 130, Дебольскій—Гражданская дѣ- способность, стр. 217. Надо полагать, что и отвѣтственность по долгамъ и обя- зательствамъ гостей и купцовъ была уравнена съ отвѣтственностью служилаго дворянства и носила лично-имущественный характеръ.

не только людьми одинокими, но и семейными подтверждается несомнѣнными данными. Такъ напр., какъ мы видѣли выше, вдовы и дѣти умершихъ посадскихъ людей, освобождались отъ отвѣтственности по долгамъ и обязательствамъ умершихъ отцевъ и мужей, если они не участвовали въ заемныхъ кабалахъ по- слѣднихъ (ср. И. С. З. №№ 210, 290). Слѣдовательно, законо- дательство Московскаго государства знаетъ и различаетъ заем- ныя кабалы, данныя главою семьи однимъ и общесемейныя.

Служилыя кабалы носили обыкновенно общесемейный харак- теръ. Они были соединены съ отбываніемъ опредѣленной служ- бы или работы не только главою семьи, но также всею семьею: что, повидимому, не исключало возможности заключенія едино- личныхъ кабальныхъ записей (ср. Улож. гл. XX ст. 113). Кромѣ того, добровольная отдача себя въ служилую кабалу и холоп- ство для высшихъ классовъ первоначально была ограничена, а въ XVII ст. и совсѣмъ запрещена. Такъ, уже по царскому (Судебнику въ холопы могли быть принимаемы изъ дворянства лишь отставленные отъ службы дѣти боярскіе ²³²⁾. Дѣти бояр- скіе, какъ извѣстно, являлись низшимъ слоемъ провинціального служилаго дворянства, наименѣе обеспеченнымъ его элементомъ. Указомъ 1 сентября 1559 г. было разъяснено, что совершенно- лѣтніе не служащіе дѣти боярскіе могутъ быть принимаемы въ служилую кабалу ²³³⁾. Вслѣдствіе массоваго уклоненія мелкаго дворянства отъ тяготъ ратной службы и записи въ холопы съ выдачей служилыхъ кабаль указомъ 9 марта 1642 г. по раз- смотрѣніи предыдущей практики было постановлено общее запре- щеніе: „впредь съ нынѣшняго государева указа и боярскаго приговору, дворянъ и дѣтей боярскихъ дѣтей и племянниковъ и внучатъ верстанныхъ и неверстанныхъ, и недорослей, въ холо- пы никому не принимать“ ²³⁴⁾. Запрещеніе принимать въ холо- пы дѣтей боярскихъ, служащихъ и не служащихъ, и давать на нихъ кабалы повторяется въ Уложеніи ²³⁵⁾. Закладничество посадскихъ людей также строго воспрещается Уложениемъ и карается—для закладниковъ посадскихъ ссылкой въ Сибирь, а для принимающихъ ихъ въ закладники опалой и потерей зе-

²³²⁾ Царскій Судебникъ ст. 81.

²³³⁾ Влад.-Будановъ: Хрест. т. III, Указная книга вѣдомства казна- чеевъ, XII.

²³⁴⁾ Владим.-Буд., Указная книга Земскаго Приказа, XXXI, 10.

²³⁵⁾ См. ст. 2, гл. XX.

мель, а также и недѣйствительностью кабалныхъ и заемныхъ записей ²³⁶). Такимъ образомъ, служилая кабала еще до Уложения и тѣмъ болѣе по Уложенію находить примѣненіе лишь въ низшихъ классахъ населенія московскаго государства.

Вотъ вкратцѣ тѣ соображенія, которыя даютъ намъ основаніе утверждать, что семейная общность имуществъ въ московскомъ государствѣ не является общенароднымъ институтомъ, а сохраняетъ свое значеніе лишь въ низшихъ классахъ населенія.

Что касается до ссылки на ст. ст. 85 и 86 Псковской Судной Грамоты, то необходимо отмѣтить, что указанныя статьи говорятъ о преемствѣ въ имуществѣ изорника, крестьянина-арендатора, т. е. также объ одномъ изъ низшихъ классовъ населенія псковской области. Ст. 15 Грамоты носитъ несомнѣнно болѣе общій характеръ. А въ этой статьѣ говорится, что если послѣ умершаго остается отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра или кто ближняго племени и владѣть его движимымъ имуществомъ („а а животомъ владѣть“), но только не посторонніе, то они (указанные наследники) имѣютъ право искать имущество умершаго изъ владѣнія постороннихъ безъ формальнаго акта-заклада или записи умершаго объ этомъ имуществѣ, точно также и къ нимъ могутъ быть предъявлены иски, основанные не на формальномъ актѣ. Изъ приведенной статьи видно, что по Псковской Судной Грамотѣ право наследованія со всѣми присущими ему правами и обязанностями связано съ вступленіемъ во владѣніе наследственнымъ имуществомъ и въ частности отвѣтственность по обязательствамъ умершаго съ полученіемъ послѣ него имущества ^{236*}).

²³⁶) Улож. гл. XIX, ст. ст. 13 и 18.

^{236*}) Толкованіе ст. 15 П. С. Г., какое даетъ ей проф. Энгельманъ и съ которымъ, повидному, соглашается проф. Владимирскій-Будановъ (см. Хрест., т. I, стр. 138, прим. 47) представляется намъ совсѣмъ неправильнымъ. Энгельманъ выраженіе „а а животомъ владѣть“ переводитъ словами: „а кто нибудь чужой владѣть движимымъ имуществомъ умершаго“—объясненіе совершенно не подтверждающееся ни текстомъ, ни общимъ смысломъ статьи 15. Наоборотъ, изъ содержанія этой статьи видно, что выраженіе „а а животомъ владѣть“ относится къ наследникамъ умершаго и при томъ ко всѣмъ наследникамъ его безъ различія, будетъ ли таковымъ отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра или ближнее племя, такъ какъ изъ содержанія ст. 15 нельзя вывести основанія для установленія различія въ преемствѣ между дѣтьми и боковыми родственниками умершаго, какъ это можно сдѣлать изъ сопоставленія ст. ст. 85 и 86 Грамоты.

Сравненіе содержанія статей 14 и 15 П. С. Г. приводитъ къ слѣдующимъ

Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ на вліяніе византійскаго права на установленіе у насъ общности семейнаго имущества и въ частности имущества супруговъ. Дѣйствительно, мы выше видѣли, что въ византійскомъ правѣ, именно въ правѣ Эклоги (а не Прохирона) существовала семейная общность имущества. Но эта общность и здѣсь не была послѣдовательно проведена до конца. Такъ, по Эклогѣ общность имущества супруговъ и дѣтей имѣла мѣсто во время существованія брака. По прекращеніи же брака смертью одного изъ супруговъ, семейная общность имущества обязательно продолжалась только въ томъ случаѣ, если остались малолѣтнія дѣти. Если же дѣти были уже совершеннолѣтними, то отъ пережившаго супруга зависѣло остаться жить съ ними общимъ домомъ или же отдѣлиться. Въ томъ случаѣ, когда дѣтей не оставалось, происходило раздѣлъ общаго имущества и пережившій супругъ получалъ свое имущество и нѣкоторое *lucrum* изъ имущества умершаго (кварту), остальное имущество шло къ наследникамъ умершаго (*Еклогіj* tit. II, 4—7). Мы выше указывали, что Эклога ока-

выводамъ. Согласно ст. 14 съ наследниковъ по завѣщанію нельзя взыскивать на основаніи неформальныхъ актовъ на умершаго о поклажѣ, ссудѣ или торговлѣ въ противность завѣщанію, въ этомъ случаѣ (т. е. въ противность завѣщанію) взысканіе съ наследниковъ по завѣщанію и, наоборотъ, наследникамъ съ должниковъ умершаго возможно лишь при наличности записи или заклада (формальныхъ актовъ). На основаніи же ст. 15 иски къ наследникамъ по закону, владѣющимъ имуществомъ умершаго, и отъ имени наследниковъ могутъ быть предъявляемы и безъ формальныхъ актовъ—записи и заклада. Различіе въ приведенныхъ постановленіяхъ объясняется тѣмъ значеніемъ, какимъ пользовалось у насъ въ древности духовное завѣщаніе. Посредствомъ духовнаго завѣщанія завѣщатель сводитъ счеты съ землей и готовится къ жизни будущей, устрояетъ свою душу, даетъ рядъ семьѣ, распределяетъ свое наличное имущество и распоряжается взысканіемъ и уплатой долговъ („что ми на комъ взяти и что ми кому дати“). Всѣ эти распоряженія проникнуты сознаніемъ близкой смерти, поэтому носятъ соответствующій моменту торжественный, серьезный и искренній характеръ, совершаются въ присутствіи отца духовнаго и свидѣтелей; духовныя грамоты нерѣдко отдаются въ церковь на храненіе и такимъ образомъ приобрѣтаютъ значеніе публичныхъ актовъ. Поэтому воплотивъ понятіе требованіе ст. 14, чтобы иски къ наследникамъ по завѣщанію и отъ имени послѣднихъ, предъявляемые вопреки духовному завѣщанію, хранящемуся въ ларѣ св. Троицы, были основаны на формальныхъ актахъ умершаго, а не на противорѣчащихъ завѣщанію—и потому сомнительныхъ—неформальныхъ актахъ. Наоборотъ, при наследованіи по закону (ст. 15) такихъ сомнѣній и противорѣчій не встрѣчается и поэтому законъ разрѣшаетъ въ этомъ случаѣ предъявленіе исковъ безъ формальныхъ актовъ.

зала несомнѣнное вліяніе на наше древнее семейное и наследственное право. Но законодательство московскаго государства заимствуетъ изъ Эклоги не постановленія, устанавливающія или поддерживающія общность семейнаго имущества, напримѣръ, обязанность пережившаго супруга продолжать совмѣстное домохозяйство съ дѣтьми, а, наоборотъ, отдѣляетъ супруговъ отъ дѣтей (ср. хотя бы ст. 58 гл. XVI, ст.ст. 5, 6, гл. XVII и др.), разрѣшаетъ возмездныя сдѣлки между супругами и т. д. и заимствуетъ изъ Эклоги постановленія о квартѣ, т. е. именно тѣ постановленія, которыя относятся къ раздѣлу общесемейнаго имущества, безъ сомнѣнія потому, что именно эти постановленія соответствовали общественнымъ потребностямъ эпохи.

Въ болѣе раннюю эпоху, именно въ эпоху Русской Правды и Псковской Судной Грамоты, вліяніе Эклоги было сильнѣе. Но не слѣдуетъ слишкомъ переоцѣнивать этого вліянія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи (ср. напр. проф. Сергѣевичъ—Лекціи и изслѣдованія, стр. 565—567). По нашему мнѣнію, вліяніе Эклоги относится главнымъ образомъ къ опредѣленію личнаго положенія матери-вдовы въ семьѣ, именно къ возвышенію ея положенія, признанію ея главой семьи, которой дѣти должны повиноваться—въ чемъ сказывается христіанскій взглядъ Эклоги на женщину. Въ имущественномъ отношеніи, повидимому, вліяніе Эклоги на Русскую Правду выразилось въ представленіи вдовѣ части изъ имущества мужа. Но это вліяніе не поглощаетъ здѣсь элементовъ русскаго права. Стоитъ только вспомнить, что какъ Русская Правда, такъ и (еще яснѣе) Псковская Судная Грамота знаютъ институтъ пожизненнаго пользованія пережившимъ супругомъ имуществомъ умершаго. Этого института нѣтъ въ византійскомъ правѣ. Его не знаетъ ни Эклога, ни тѣмъ болѣе Прохиронъ и Василики. Чтобы найти корень этого института необходимо обратиться къ славянскому праву. Мы находимъ его въ литовскомъ и древнемъ польскомъ правѣ²³⁷⁾. Очевидно, этотъ институтъ представляетъ явленіе славянскаго права. А если это такъ, то несомнѣнно, что имущественныя отношенія семьи по древнему русскому праву основываются не на

²³⁷⁾ Ср. Хрестом. Влад.-Вуд. II, стр. 28.—Жалованная грамота короля Казимира литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству... отъ 2 мая 1457 г., также—Уставная грамота жмудской земли, отъ 15 авг. 1492, тамъ же. Спасовичъ—Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, напр. стр. 31, 53, 73.

базисѣ византійскаго права и говорить о развитіи у насъ общности семейнаго имущества подъ вліяніемъ Эклоги весьма рискованно. Общность семейнаго имущества можетъ быть явленіемъ двоякаго рода: институтомъ первобытнаго права и продуктомъ извѣстнаго (высокаго) развитія дотальной системы, системы брачныхъ отношеній по имуществу. Наличие ряда раздѣловъ имущества умершаго указываютъ на разложеніе въ эпоху Русской Правды первобытной семьи, призваніе къ наследственному преемству не только близкихъ, но и дальнихъ родственниковъ умершаго по Псковской Судной Грамотѣ указываетъ на то же явленіе (исключеніе, повидимому, представляютъ низшіе классы населенія). Предположеніе же о возможности существованія общности семейнаго имущества, какъ особой дотальной системы, на основаніи брачнаго договора или обычая, развившагося подъ вліяніемъ византійскаго права не соответствуетъ степени культурности общества въ разсматриваемую эпоху. Зародыши подобнаго явленія мы встрѣчаемъ лишь въ московскій періодъ^{237*)}, но и здѣсь они не оказываютъ сколько нибудь замѣтнаго вліянія на развитіе системы раздѣльности семейнаго имущества.

III. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ПЕРІОДЪ.

1. Единонаслѣдіе.

Преобразовательная дѣятельность императора Петра Великаго не миновала области наследственнаго права.

Дѣленіе имуществъ на различные виды, съ особымъ порядкомъ наследованія въ каждомъ, и многочисленные разновидности съ отличительными особенностями преемства въ нихъ, изобиліе царскихъ указовъ, боярскихъ приговоровъ, соборныхъ рѣшеній, разбросанныхъ по разнымъ приказамъ, часто противорѣчивыхъ, создавали большую запутанность въ сферѣ наследованія въ московской Руси и препятствовали созданію стройной системы наследственнаго права.

Между тѣмъ общественныя отношенія, органическимъ продуктомъ коихъ было наследственное право московскаго государства, къ началу XVIII столѣтія значительно измѣнились. Старая система службы государевой, въ основаніе которой была положена служилая недвижимость, отживала свой вѣкъ. Государ-

^{237*)} Ср. Синайскій—Личное и имуществ. положеніе замужней женщины въ гражд. правѣ, стр. 33—36.

ственное тягло было организовано на новых началах—обязательной личной повинности, къ отбыванію коей были привлечены въ различныхъ формахъ всѣ сословія государства. Московскій ратный строй, при которомъ владѣніе недвижимостью играло такую существенную роль, былъ преобразованъ по европейскому образцу. Плата за службу раздачей государственныхъ земель въ вотчинное и помѣстное владѣніе постепенно замѣнилась денежнымъ жалованьемъ. Соответственно указаннымъ измѣненіямъ происходило измѣненіе и во владѣніи недвижимостью. Помѣстное владѣніе приобрѣтало все болѣе широкія права, принимало наследственный характеръ и постепенно сближалось съ вотчиннымъ. Разнообразіе вотчиннаго владѣнія съ соответствующимъ различіемъ въ правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ утратило свое прежнее значеніе. Намѣтилось новое дѣленіе на два главныхъ типа: родовую и благоприобрѣтенную недвижимость.

Великій реформаторъ устранилъ разнообразіе отдѣльныхъ видовъ недвижимаго владѣнія, соединивъ родовыя, выслуженныя и купленныя вотчины и помѣстья, а также дворы и лавки въ одну общую группу подъ названіемъ недвижимыхъ вещей ²³⁸). Такимъ образомъ все имущество дѣлилось только на два основныхъ вида: недвижимое и движимое имущество.

Сложный и запутанный порядокъ преемства въ имуществѣ умершаго, сложившійся въ московской Руси подъ вліяніемъ разнообразныхъ началъ, со свойственной великому преобразователю рѣшительностью былъ совершенно отмѣненъ и замѣненъ болѣе простымъ порядкомъ, основаннымъ на единомъ принципѣ, но къ сожалѣнію не имѣвшемъ корней въ историческомъ прошломъ Россіи, а заимствованномъ извнѣ. Руководящая идея, положенная Петромъ Великимъ въ основаніе новаго порядка наследованія, заключалась въ томъ, что наследникомъ въ недвижимыхъ имѣніяхъ умершаго можетъ быть только одно лицо. Благодаря этому постановленію недвижимыя имѣнія предохранялись отъ дробленія и сохранялись въ одномъ родѣ. Последнее достигалось также запрещеніемъ продавать и закладывать недвижимыя имѣнія ²³⁹).

Побудительными мотивами введенія единонаслѣдія, какъ видно изъ текста указа 18 марта 1714 года, являлись интересы

²³⁸) См. п. I указа о единонаслѣдіи П. С. З. № 2789 подъ 18 марта 1714 года.

²³⁹) Тамъ же.

государственные въ широкомъ смыслѣ слова. Дробленіе недвижимыхъ имѣній, по мнѣнію законодателя, вело къ отягченію крестьянъ повинностями, ихъ обѣдненію и задержкѣ въ уплатѣ податей въ казну, къ обѣдненію и упадку знатныхъ фамилій, къ развитію праздности среди лицъ обезпеченныхъ наследственными недвижимостями. Наоборотъ, наследственный переходъ недвижимости къ одному лицу долженъ былъ способствовать правильному поступленію государственныхъ доходовъ, улучшенію положенія крестьянъ, сохраненію благосостоянія дворянскихъ фамилій, развитію энергичной дѣятельности въ разныхъ областяхъ общественной жизни ²⁴⁰).

Исходя изъ приведенныхъ соображеній, императоръ Петръ Великій, объединивъ вотчины и помѣстья, дворы и лавки въ одну общую группу недвижимыхъ имѣній, установилъ въ имуществѣ умершаго слѣдующую систему наследованія.

Наследодатель, имѣющій дѣтей, въ правѣ, путемъ духовнаго завѣщанія, распорядиться своимъ недвижимомъ имѣніемъ, назначивъ его одному изъ сыновей по своему выбору, а между остальными сыновьями долженъ раздѣлить свое движимое имущество. Если же наследодатель не распорядится своимъ имуществомъ, то недвижимое имѣніе поступаетъ къ старшему сыну, а движимость дѣлится между остальными сыновьями. При отсутствіи сыновей тѣ же правила соблюдаются относительно дочерей ²⁴¹). Бездѣтному же наследодателю предоставлена свобода отдать недвижимое имѣніе одному родственнику той же фамиліи, а движимое, кому угодно—какъ родственникамъ, такъ и постороннимъ. Если же наследодатель самъ не распорядится своимъ имуществомъ, то недвижимыя имѣнія его поступаютъ къ ближайшему родичу, а движимое имущество къ другимъ по близости родства ²⁴²).

Если послѣ умершаго останется бездѣтная жена, то она получаетъ недвижимое имѣніе мужа въ пожизненное владѣніе, до постриженія или до выхода замужъ. Послѣ ея смерти или постриженія недвижимыя имѣнія мужа поступаютъ въ родъ мужа къ старшему ближайшему родственнику его, приданья же вотчины и помѣстья вдовы возвращаются въ ея родъ такимъ же образомъ. Прочее имущество, принадлежавшее вдовѣ и ея

²⁴⁰) Ср. п. п. 1, 2, 3, указа 18 марта 1714 г.

²⁴¹) Тамъ же, п. 2.

²⁴²) Тамъ же, п. 3.

мужу, если она не распорядится имъ въ духовномъ завѣщаніи, поступаютъ—имущество жены къ ея ближнимъ по степени родственникамъ, имущество мужа къ такимъ же его родственникамъ и дѣлятся между ними поголовно. При выходѣ вдовы вторично замужъ недвижимое имѣніе перваго мужа возвращается въ его родъ близнему родичу, а движимое остается во владѣніи жены ²⁴³).

Такимъ образомъ указомъ 18 марта 1714 г. было опредѣлено положеніе лишь бездѣтной вдовы послѣ смерти мужа. Она получала недвижимыя имѣнія въ пожизненное владѣніе, а движимость въ собственность. Этотъ указъ, установившій новый общій принципъ, содержалъ много пробѣловъ въ частностяхъ, что признавалъ и законодатель, постановившій, чтобы о тѣхъ дѣлахъ, которыя нельзя рѣшить на основаніи этого указа доносили въ Сенатъ, который и озаботится составленіемъ дополнительныхъ пунктовъ ²⁴⁴).

Прежде всего и очень скоро (въ 1716 г.) пришлось дополнить пунктъ 9 указа 18 марта 1714 г., при чемъ сдѣланныя дополненія значительно измѣнили положенія этого пункта, хотя новыя постановленія въ свою очередь не отличались ни достаточной ясностью, ни исчерпывающей полнотой. А именно, 15 апрѣля 1716 г. было постановлено пережившему супругу отдавать $\frac{1}{4}$ часть всего имущества умершаго, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, наличнаго и долговаго. Если же пережившій супругъ останется послѣ умершаго, не имѣя отъ него дѣтей, то онъ получаетъ $\frac{1}{4}$ часть какъ движимаго, такъ и недвижимаго умершаго въ вѣчное владѣніе.

Послѣднее добавленіе даетъ нѣкоторый поводъ думать, что

²⁴³) П. С. З. № 2789, п. 9. „Которая жена послѣ мужа останется бездѣтна, то недвижимое мужа ея имѣніе да будетъ по смерти ея или по постриженіи; а какъ умретъ или пострижется: тогда недвижимое мужа ея отдать одному фамилинъ его не изъ кадетовъ, но изъ наслѣдниковъ близнему; а приданья ея деревни, которыя у нея есть, да возвратятся въ родъ ея такимъ же образомъ; а прочія мужа ея и ея имѣнія, если она безъ завѣту умретъ, да возвратятся одни мужа ея въ родъ его, а другія, что ея, сродникамъ ея ближнимъ кому надлежитъ, всѣмъ равною частью, кромѣ тѣхъ, кому недвижимое прійдетъ. А буде она вдова замужъ выдетъ, то недвижимое перваго мужа ея имѣніе возвращено будетъ въ родъ его одному старшему по линіи, какъ выше объявлено, а отъ прочаго все при ней да будетъ. И сей пунктъ имѣетъ силу противъ осьмаго пункта“.

²⁴⁴) Ibid п. 16.

въ первомъ случаѣ пережившій супругъ получалъ свою $\frac{1}{4}$ часть лишь въ пользованіе, кромѣ того, не видно, о какомъ супругѣ идетъ въ этомъ случаѣ рѣчь, о бездѣтномъ или имѣющемъ дѣтей. Однако, сопоставляя оба приведенныя положенія другъ съ другомъ и дальнѣйшимъ содержаніемъ указа, необходимо прійти къ выводу, что въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь вообще о пережившемъ супругѣ какъ бездѣтномъ, такъ и имѣющемъ дѣтей. во второмъ случаѣ специально оговаривается право бездѣтнаго супруга и подчеркивается въ противоположность п. 9 указа 18 марта, что вся $\frac{1}{4}$ часть имущества умершаго, какъ недвижимаго такъ и движимаго, поступаетъ въ полное владѣніе пережившаго супруга.

Остальныя $\frac{3}{4}$ недвижимыхъ имѣній умершаго идутъ къ старшему изъ дѣтей, при отсутствіи дѣтей къ близнему родичу, а движимость дѣлится между остальными равно близкими наслѣдниками по равнымъ частямъ. Приданое имущество жены или подаренное ей родственниками составляетъ ея собственность ²⁴⁵). Долги умершаго платятъ его преемники въ недвижимомъ имѣніи пропорціонально полученнымъ частямъ, такъ что на пережившаго супруга падаетъ $\frac{1}{4}$ долговъ. Такъ какъ отвѣтственность по долгамъ умершаго падала лишь на преемниковъ

²⁴⁵) П. С. З. № 3013, 15 апр. 1716 г. „Великій Государь указать, оный 9-й пунктъ исполнять слѣдующимъ образомъ: мужу, послѣ жены умершей, изъ всего недвижимаго и движимаго ея имѣнія, какова бы званія что ни есть обрѣтающагося налично, также и въ долгахъ отдать четвертую часть; также и послѣ мужа женѣ изъ его недвижимаго и движимаго дать четвертая жъ часть потому жъ; а будетъ мужъ по смерти жены останется, не имѣя съ нею дѣтей мужеска и женска пола, или жена по смерти мужа останется, также не имѣя съ нимъ дѣтей; и такому мужу по смерти жены изъ недвижимыхъ и движимыхъ ея имѣній и изъ долговъ письменныхъ дать изъ всего четвертую часть въ вѣчное владѣніе, а прочіе три части недвижимыхъ имѣній отдать по новосоставленному указу по первенству изъ дѣтей; а будетъ дѣтей не имѣть, то въ родъ ея наслѣднику по близости линіи, первому одному жъ, а движимаго три части оставляются на раздѣленіе прочимъ наслѣдникамъ, ближнимъ по линіи равнымъ, по равнымъ частямъ, также и по смерти мужа, женѣ бездѣтной изъ недвижимыхъ и движимыхъ его имѣній и изъ долговъ письменныхъ дать изъ всего четвертую часть въ вѣчное же владѣніе; а ея недвижимое и движимое, съ чемъ она шла за него замужъ или по родству ей данное, по свидѣтельству письменному, при ней да будетъ, а прочія три части недвижимыхъ имѣній отдать по указу, по первенству изъ дѣтей; а будетъ дѣтей не имѣть, то въ родъ его наслѣднику по близости линіи первому одному жъ, а движимаго три части оставляются на раздѣленіе прочимъ наслѣдникамъ, ближнимъ по линіи равнымъ, по равнымъ частямъ“.

въ недвижимости, то, очевидно, эта отвѣтственность и ограничивалась предѣлами полученной недвижимости.

Недочеты и пробѣлы указовъ 1714 и 1716 г.г. были до известной степени пополнены пунктами о вотчинныхъ дѣлахъ императрицы Екатерины I отъ 28 мая 1725 г. ²⁴⁶⁾.

Эти пункты содержали какъ подтвержденіе общихъ положеній, выраженныхъ въ указахъ 1714 и 1716 г.г., такъ и разрѣшеніе многихъ частныхъ вопросовъ, возникшихъ при практическомъ примѣненіи новаго порядка наслѣдованія, не предусмотрѣнныхъ предшествующими указами. Что касается преемства супруговъ, то здѣсь было категорически подтверждено не достаточно ясно выраженное въ указѣ 15 апрѣля 1716 года положеніе, что пережившій супругъ независимо отъ того, остались у него дѣти отъ брака съ умершимъ или нѣтъ, получаетъ $\frac{1}{4}$ часть движимаго и недвижимаго имущества послѣдняго ²⁴⁷⁾.

Въ томъ случаѣ, когда послѣ смерти отца старшій сынъ его и законный наслѣдникъ умеръ, не справивъ за собою отцовскаго недвижимаго имѣнія, то жена его получала $\frac{1}{4}$ этого недвижимаго имѣнія, если у умершаго свекра ея не было другихъ сыновей ²⁴⁸⁾, если же остался еще сынъ (братъ ея мужа), то вдова получала $\frac{1}{4}$ часть движимости, какъ лично принадлежавшей мужу, такъ и той, которая составляла наслѣдственную часть мужа въ имуществѣ ея свекра ²⁴⁹⁾. Полученную послѣ мужа $\frac{1}{4}$ часть его недвижимаго имѣнія вдова вольна отдать любому изъ сыновей ея отъ брака съ умершимъ ²⁵⁰⁾. Если вдова, имѣющая дѣтей отъ брака съ умершимъ, не захочетъ получить своей четвертой части изъ оставшагося послѣ него недвижимаго имѣнія, которымъ мужъ не распорядился на случай смерти, то она въ правѣ назначить наслѣдникомъ во всемъ своемъ и мужнемъ имѣніи любого изъ сыновей ²⁵¹⁾.

Таковы въ основныхъ чертахъ постановленія о преемствѣ супруговъ, содержащіяся въ законодательствѣ о единонаслѣдіи.

²⁴⁶⁾ П. С. З. № 4722.

²⁴⁷⁾ Ibid. на п. 9 резолюція— „о дачѣ четвертой части, какъ мужу, такъ и женѣ“.— „Оставшимъ какъ послѣ мужей женамъ, такъ и послѣ женъ мужьямъ, хотя у которыхъ дѣти останутся, или и не останутся, изъ движимаго и недвижимаго давать четвертую часть“.

²⁴⁸⁾ Ibid. на п. 9, докл. 2, резол. 1.

²⁴⁹⁾ Ibid. на п. 9, докл. 2, резол. 2.

²⁵⁰⁾ Ibid. на п. 2, докл. 6, резол. 2.

²⁵¹⁾ Ibid. на п. 2, докл. 6, резол. 4.

Являлся ли согласно этому законодательству пережившій супругъ наслѣдникомъ умершаго?

По общему принципу рассматриваемаго законодательства имущество умершаго поступало въ родъ его, наслѣдниками являлись родичи умершаго. Пережившій супругъ не принадлежитъ къ роду умершаго и, получая по закону о единонаслѣдіи $\frac{1}{4}$ часть изъ имущества послѣдняго, онъ не является его наслѣдникомъ (т. е. универсальнымъ или спеціальнымъ преемникомъ). 1) Пережившій супругъ получалъ $\frac{1}{4}$ часть изъ всего имущества умершаго какъ изъ недвижимаго, такъ и изъ движимаго, между тѣмъ какъ по наслѣдственному принципу, установленному закономъ о единонаслѣдіи, наслѣдникъ въ недвижимости не являлся по общему правилу одновременно и наслѣдникомъ въ движимости ²⁵²⁾. 2) Въ самомъ законѣ неоднократно встрѣчаются противопоставленія супруга наслѣднику ²⁵³⁾. 3) Наконецъ, доля пережившаго супруга была зафиксирована, не подлежала увеличенію, слѣдовательно, пережившій супругъ не могъ стать преемникомъ умершаго во всемъ его имуществѣ или въ опредѣленной его группѣ, т. е. отсутствовало необходимое условіе права наслѣдованія какъ общаго или спеціальнаго преемства.

2. Законодательство Анны Іоанновны.

Система наслѣдованія, установленная Петромъ Великимъ, не долго существовала въ нашемъ законодательствѣ, какъ дѣйствующее право. Она была отмѣнена указомъ императрицы Анны Іоанновны 17 марта 1731 г.

Принципъ майората, положенный Петромъ Великимъ въ основаніе его системы, не имѣлъ почвы въ историческомъ прошломъ Россіи, былъ чуждъ духу русскихъ общественныхъ отно-

²⁵²⁾ Преемство, установленное указами 1714, 1716, 1725 г.г. представляется преемствомъ спеціальнымъ (successio specialis). Вслѣдствіе неполноты постановленій законодательства о единонаслѣдіи остается не достаточно выясненнымъ вопросъ о томъ, допускало ли это законодательство универсальное преемство.

²⁵³⁾ Такъ, въ указѣ 15 апр. 1716 г. неоднократно встрѣчается подобное противопоставленіе: „долги... платить мужу или женѣ и наслѣднику противъ пропорціи недвижимаго... мужу или женѣ оставшейся... платить и долговъ письменныхъ четвертую же часть, а наслѣдникамъ... и долговъ платить три части“. Въ пунктахъ 28 мая 1725 г. на п. 9, докл. 2, рез. 3 „о полюбовныхъ раздѣлахъ женамъ четвертаго жеребья съ наслѣдникомъ и между дѣтьми“—начинается такими словами: „будетъ же которымъ женамъ дана будетъ четвертая часть, а три части наслѣднику“...

шений и естественно вызывала недовольство. Как видно из указа императрицы, отцы всеми силами старались обойти этот закон и подѣлить свое имущество между дѣтьми поровну, для этого устраивали фиктивные продажи, залоги, обязывали дѣтей клятвами. Между наследниками в свою очередь возникали недовольства и ссоры, доходившія до убійствъ. Эти обстоятельства и побудили Анну Иоанновну отмѣнить законодательство объ единонаслѣдіи.

Отмѣнивъ стройную систему наслѣдованія, созданную Петромъ Великимъ, Анна Иоанновна не создала ничего въ замѣнъ ей. Ея контръ-реформа въ области наслѣдованія была лишь возвращеніемъ къ принципамъ Уложения: „отцамъ и матерямъ дѣтей своихъ дѣлить по Уложению все́мъ равно, тако́ же и за дочерьми въ приданья давать по-прежнему“²⁵⁴). Императрица приказала дѣла вершить „по сему Нашему Императорскаго Величества Указу и по Уложению и по новоуказаннымъ статьямъ, которыя учинены въ пополненіе Уложению и приняты къ законному Уложению, а не въ противность ему“²⁵⁵). Постановленія Уложения въ области наслѣдственнаго права, хотя ихъ отдѣляетъ отъ указа Анны Иоанновны пространство времени менѣе столѣтія, сложились, однако, подъ вліяніемъ совершенно иныхъ общественныхъ отношеній, въ эпоху развитія помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія и ко времени Анны Иоанновны въ значительной своей части представлялись уже анахронизмомъ, и возвращеніе въ 1731 году къ постановленіямъ Уложения въ чистомъ ихъ видѣ становилось въ противорѣчіе съ современными общественными отношеніями. Это сознавала и законодательница. Поэтому она не только не отмѣнила, но вновь въ своемъ указѣ подтвердила о сляніи вотчинъ и помѣстій подъ названіемъ недвижимыхъ имѣній, сообразно этому ввела нѣкоторые коррективы въ постановленія Уложения и, сознавая все ихъ недостатки, приказала исправить и дополнить Уложеніе и прежде всего сочинить вотчинную главу, для чего и учредила особую комиссію. Однако, все эти благія пожеланія остались не осуществленными. Ни Уложение не было исправлено, ни вотчинная глава его не была напи-

²⁵⁴) П. С. З. 5717 введ.

²⁵⁵) Ibid. п. 6. Приведенное постановленіе указа императрицы представляетъ, собственно, сокращенное повтореніе указа императора Петра Великаго отъ 15 іюня 1714 г. (П. С. З. № 2828).

сана. И наше наслѣдованіе по закону, возвращенное со времени Анны Иоанновны къ принципамъ Уложения, не подвергалось съ тѣхъ поръ существеннымъ измѣненіямъ въ своихъ основныхъ положеніяхъ до 1912 года, когда былъ внесенъ серьезный коррективъ въ наслѣдованіе сестеръ при братьяхъ.

Уничтоженіе помѣстій существеннымъ образомъ задѣвало интересы вдовъ и дочерей, которыя получали средства къ существованію послѣ смерти главы семьи главнымъ образомъ изъ его помѣстныхъ земель. Поэтому вполне понятно, что въ Указѣ 17 марта мы находимъ подробныя постановленія относительно обезпеченія вдовъ и дочерей умершаго собственника, между тѣмъ какъ относительно преемства прочихъ родственниковъ сдѣлана лишь общая ссылка на Уложеніе.

Взамѣнъ прожиточной доли изъ помѣстій указъ назначаетъ вдовѣ изъ всего недвижимаго имѣнія умершаго супруга, каково бы оно ни было, по 15 четвертей со 100 въ вѣчное владѣніе, а изъ движимаго имущества по Уложению, т. е. $\frac{1}{4}$ часть. Кромѣ того, приданое и все, что жена для себя приобрѣла, будучи замужемъ, остается ея собственностью независимо отъ указанной доли. Дочери при братьяхъ получаютъ какъ изъ недвижимаго, такъ и движимаго половину противъ матери или мачехи. Мужу-вдовцу предоставляется такое же право на имущество умершей жены, какъ вдовѣ на имущество умершаго мужа. Невѣстка, вдова сына, получала послѣ смерти свекра изъ его недвижимаго имущества по 15 четвертей со ста доли своего мужа. Прочіе же все раздѣлы между родственниками указъ предписываетъ чинить по Уложению²⁵⁶). Если кто имѣетъ нѣсколькихъ сыновей и одинъ умретъ, оставивъ жену съ дѣтьми.

²⁵⁶) П. С. З. № 5717 п. I. „Послѣ умершаго мужа изъ всего его недвижимаго имѣнія, каково бы званіе за нимъ ни было, изъ жилого и изъ пустого, давать женѣ его со ста по пятнадцати четвертей въ вѣчное владѣніе, а изъ движимаго имѣнія по Уложению, а собственнымъ ихъ приданнымъ имѣніемъ, и что онѣ, будучи за мужемъ, куплею себѣ, или послѣ родственниковъ по наслѣдству присокупили: быть при нихъ, не зачитая того въ ту указаную дачу, что надлежитъ дать изъ мужня, а дочерямъ при братьяхъ, какъ изъ недвижимаго, такъ и изъ движимаго противъ матери или мачехи вполы. А ежели послѣ того жъ умершаго останется невѣстка, сыновья жена, и ей дать изъ той части, которая надлежала мужу ея, со 100 по 15 четвертей; такожъ и мужьямъ послѣ женъ давать изъ недвижимаго и движимаго собственнаго женъ ихъ имѣнія противъ того жъ, какъ положено оставшимъ женамъ послѣ мужей; прочіе же все раздѣлы какъ между дѣтьми, и внучатами, такъ и между родственниками мужеска и женска пола, чинить по Уложению“.

при чемъ недвижимаго имѣнія послѣ него не останется, то вдова получаетъ изъ недвижимаго имѣнія (живого) свекра изъ той доли, какая бы приходилась его умершему сыну, по 15 четвертей со ста и, кромѣ того, изъ движимаго имущества умершаго мужа по Уложенію. На движимое же имущество свекра при его жизни невѣстка права не имѣетъ. Дѣти умершаго ничего не получаютъ изъ имущества дѣда до смерти послѣдняго, послѣ чего они участвуютъ въ раздѣлѣ его имущества на общихъ основаніяхъ съ другими родственниками ²⁵⁷⁾. Если вдова не бивъ челомъ объ указной части, выйдетъ замужъ за другого мужа, то и въ этомъ случаѣ она не теряетъ права на указную часть изъ имущества перваго мужа, лишь платитъ при справкѣ указной части поплны вдвое ²⁵⁸⁾.

Таково содержаніе указа 17 марта 1731 г. въ его существенныхъ чертахъ.

Указъ этотъ имѣетъ для насъ большое значеніе не только съ исторической точки зрѣнія, но и какъ основной источникъ дѣйствующихъ постановленій свода законовъ о преемствѣ супруговъ. Поэтому весьма важно для насъ установить, какія новыя права предоставляетъ указъ Анны Іоанновны пережившему супругу на имущество умершаго сравнительно съ Уложеніемъ, какія особенности представляетъ этотъ указъ сравнительно съ законодательствомъ московскаго государства и измѣняется ли отъ этого характеръ преемства супруговъ.

Права и особенности эти слѣдующія.

Подтвердивъ о слияніи вотчинъ съ помѣстьями подъ общимъ названіемъ недвижимыхъ имѣній, императрица въ п. I указа предоставляетъ пережившему супругу указную долю изъ всякаго недвижимаго имѣнія умершаго, слѣдовательно, какъ изъ благопріобрѣтеннаго, такъ и изъ родового и выслуженнаго и при томъ въ вѣчное владѣніе, т. е. въ собственность.

²⁵⁷⁾ Ibid. п. 2. „У кого сына два, или три, а при немъ одинъ сынъ умретъ а послѣ того его сына останется жена съ дѣтьми, а за тѣмъ его сыномъ собственнаго недвижимаго ничего не было: и такимъ вдовамъ изъ свекровыхъ недвижимыхъ, при немъ свекръ ея при живомъ, изъ той части, что надлежало дать тому его умершему сыну, дать со 100 по пятнадцати четвертей, а изъ движимаго собственнаго мужа ея, по Уложенію, а изъ движимаго жъ свекрова при немъ свекръ ея, не давать, такожъ и дѣтямъ ея, пока имѣетъ дѣдъ ихъ живъ, изъ той отца ихъ части не давать же, понеже по смерти ево раздѣлять имъ учиненъ будетъ съ дядьми и съ тетками по указу“.

²⁵⁸⁾ Ibid. п. 3.

Приданья вотчины и движимость рассматривались въ московскомъ государствѣ какъ собственность жены и не зачитались въ ея указанную долю. Приданья же помѣстья первоначально справлялись за мужьями и поступали къ ихъ законнымъ преемникамъ (ср. Улож. гл. XVI, ст. 56), но уже въ концѣ XVII вѣка законодательство приходитъ къ признанію противоположнаго взгляда (ср. указы 1681, 1683 и 1686 г.г.) ²⁵⁹⁾. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приданья помѣстья вдовы зачитывались въ ея вдовью долю, какъ это видно изъ указа 11 октября 1686 г. (И С. З. № 1214). Императрица Анна Іоанновна подтверждаетъ, что приданое и прочее собственное имущество жены не зачитается въ ея указную долю (п. I).

Указомъ предоставляется вдовѣ право на выдѣлъ вдовьей доли какъ изъ недвижимаго, такъ и изъ движимаго имущества умершаго свекра, изъ той его части, которую получили бы ея мужъ, если бы онъ пережилъ своего отца. Относительно помѣстій то же положеніе соблюдалось въ извѣстныхъ случаяхъ и въ московскомъ государствѣ (ср. докладъ къ ст. 15—10 марта 1676 г.). Указъ Анны Іоанновны примѣняетъ это положеніе въ качествѣ общаго правила какъ въ недвижимости вообще (п. 1), такъ и къ движимому имуществу умершаго свекра (п. 2).

Пунктъ 2-ой указа 17 марта 1731 г. предоставляетъ право на выдѣлъ изъ имѣній свекра при жизни послѣдняго только вдовѣ, между тѣмъ какъ, согласно новоуказнымъ статьямъ 10 марта 1676 г., 10 августа 1677 г. и указу 11 октября 1686 г. ²⁶⁰⁾ право на выдѣлъ изъ помѣстій дѣда имѣли и дѣти умершаго. Этимъ постановленіемъ указъ императрицы проводитъ границу между специальнымъ правомъ вдовы на обезпеченіе содержанія и наследственнымъ правомъ ея дѣтей.

Означенное право на выдѣлъ изъ имѣній свекра принадлежить вдовѣ по указу (п. 2) лишь въ томъ случаѣ, если послѣ умершаго мужа ея совсѣмъ не осталось недвижимаго имѣнія. Законодательство московскаго государства, какъ мы видѣли выше, предоставляло подобное право вдовѣ и дочерямъ и въ томъ случаѣ, когда у умершаго были свои помѣстья, но „малыя дачи“, т. е. меньше нормальнаго оклада; во этомъ случаѣ снохамъ давалось изъ свекровыхъ, а дочерямъ изъ дѣловыхъ по-

²⁵⁹⁾ И. С. З. №№ 860, 1020, 1214.

²⁶⁰⁾ И. С. З. №№ 633, ст. 15. 700. ст. 19. 1214.

мѣстѣй на прожитокъ противъ прежняго по Уложенію—„чего имъ въ прожитокъ съ окладу недоидеть“ (П. С. З. № 633, 15).

По прямому тексту п. 2-го указа выдѣлъ изъ имѣній свекра предоставленъ вдовѣ въ томъ случаѣ, когда у свекра было нѣскольکو сыновей и по смерти одного изъ нихъ вдова осталась съ дѣтьми. Естественно возникаютъ вопросы, предоставляется ли вдовѣ тотъ же выдѣлъ, если ея умершій мужъ былъ единственнымъ сыномъ пережившаго отца, а также и въ томъ случаѣ, если послѣ смерти мужа жена-вдова осталась бездѣтной. Указъ объ этомъ умалчивается. Намъ думается, что на поставленные вопросы надлежитъ отвѣтить утвердительно. Императрица Анна Іоанновна своимъ указомъ не разрѣшаетъ всѣхъ вопросовъ наследственнаго права, она предписываетъ при возникновеніи вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ указомъ, руководствоваться Уложениемъ и новоуказными статьями, которыя учинены въ дополненіе къ Уложенію, а не въ противность ему (п. 6 указа). Такими новоуказными статьями и является законоположеніе 10 марта 1676 г., 15 ст. коего предусматриваетъ какъ положеніе вдовы бездѣтной, такъ и вдовы съ дѣтьми, при условіяхъ, когда умершій былъ единственнымъ сыномъ и однимъ изъ нѣсколькихъ сыновей. Постановивъ о возвращеніи къ принципамъ Уложенія и новоуказныхъ статей въ качествѣ общаго правила, указъ 17 марта 1731 г. предусматриваетъ, собственно, лишь тѣ случаи, въ разрѣшеніе коихъ онъ вноситъ измѣненія сравнительно съ Уложениемъ и новоуказными статьями. Въ п. 2-мъ указа рассматривается лишь наиболее сложный случай преемства въ имущество свекра и говорится о женѣ съ дѣтьми потому, что именно въ этомъ вопросѣ указъ расходится съ постановленіями московскаго законодательства. Въ противоположность послѣднему онъ назначаетъ указную долю только вдовѣ, хотя бы она осталась съ дѣтьми, и подчеркиваетъ это указаніемъ, что дѣти ея получаютъ свои доли послѣ смерти дѣда въ качествѣ его законныхъ наследниковъ на-ряду съ прочими наследниками, но отнюдь не отмѣняетъ правъ бездѣтной вдовы.

Что судебная практика по вопросамъ наследственнаго права руководствовалась указомъ 15 іюня 1714 г. и п. 6 указа 17 марта 1731 г., предписывающими спорные вопросы вершить по Уложению и новоуказаннымъ статьямъ, дополняющимъ Уложение, видно изъ указа 30 марта 1805 г.²⁶¹⁾

²⁶¹⁾ П. С. З. № 21687.

Пунктъ третій указа предоставляетъ вдовѣ право на указную часть изъ имѣнія мужа и въ томъ случаѣ, когда она, не испросивъ предварительно указной части, вступить въ новый бракъ. Этимъ постановленіемъ подтверждается положеніе, получившее признаніе уже въ 17 вѣкѣ. Какъ мы знаемъ, въ московскомъ государствѣ прожиточная доля въ недвижимости—вотчинахъ и помѣстьяхъ—предоставлялась вдовѣ первоначально лишь во временное пользованіе: пожизненно, до выхода замужъ или до постриженія. Такимъ образомъ вторичный выходъ замужъ лишалъ вдову права на прожитокъ изъ вотчинъ и помѣстѣй перваго мужа. Съ теченіемъ времени взглядъ этотъ измѣнился. Вдовѣ было предоставлено право, выходя вновь замужъ, справлять за новымъ мужемъ свои прежнія прожиточныя помѣстья (см. напр. Улож. гл. XVI, ст. 17), купленные вотчины были предоставлены вдовѣ въ ея полное распоряженіе (Улож. гл. XVII, ст. ст. 2, 6), такъ что и вторичный выходъ замужъ, хотя бы вдова и не была предварительно челомъ о дачѣ ей купленной вотчины умершаго мужа, не лишалъ ее права на эту вотчину (см. напр. П. С. З. № 1020). Только прожиточная доля въ выслуженной вотчинѣ мужа давалась вдовѣ по-прежнему въ пожизненное пользованіе, до выхода замужъ или до постриженія (Улож. гл. XVII, ст. ст. 2 и 3, гл. XVI, ст. 16). Указъ Анны Іоанновны принимаетъ въ данномъ случаѣ практику, существовавшую относительно купленныхъ вотчинъ.

Таковы тѣ коррективы и измѣненія, которыя внесъ указъ въ постановленія Уложенія и послѣдующаго законодательства московскаго государства.

Выше мы старались показать, что согласно этому законодательству выдѣлъ вдовѣй доли не можетъ быть признанъ правомъ наследованія. Внесли ли постановленія указа 17 марта 1731 г. измѣненіе въ юридическую природу преемства супруговъ сравнительно съ правомъ московскаго государства?—Нѣкоторые изслѣдователи русскаго права именно на основаніи этого указа признаютъ за выдѣломъ вдовѣй доли значеніе права наследованія²⁶²⁾. Правильно ли это?

²⁶²⁾ См. напр. проф. Владимирскій-Будановъ—Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 1905 г., стр. 520 (ср. стр. 512), Анековъ—Система русскаго гражданскаго права, т. VI, изд. 1909 г., стр. 353, проф. Кавелинъ—Право наследованія, собр. соч., т. IV, изд. 1900 г., стр. 1255. Ср. также Нильшенко—О правѣ наследованія супруговъ съ точки зрѣнія будущаго гражд. уложенія (Вѣст. Права, 1902 г., кн. 4—5).

Въ подтвержденіе означеннаго взгляда ссылаются главнымъ образомъ на слѣдующее постановленіе указа императрицы. За основаніе исчисления вдовьей доли указъ принимаетъ исчисленіе, существовавшее въ помѣстномъ правѣ (въ среднемъ размѣрѣ 15 четвертей со 100), но представляетъ указанную долю не на прожитокъ, а въ собственность.

Однако, предоставленіе вдовьей доли въ собственность не дѣлаетъ еще право на эту долю правомъ наслѣдованія. Мы видѣли выше, что кварта бѣдной вдовы по законодательству Юстиніана, кварта супруговъ по Эклогѣ и кварта вдовы въ движимости умершаго мужа по Уложенію не являлась наслѣдованіемъ, хотя и предоставлялась вдовѣ или вдовцу въ собственность. Съ другой стороны выраженіе „на прожитокъ“ неправильно отождествляется съ понятіемъ пожизненнаго или срочнаго владѣнія имуществомъ. Терминъ „на прожитокъ“ поясняетъ лишь цѣль предоставленія имущества, но вовсе не исключаетъ возможности предоставленія его въ собственность, или съ правами распоряженія, близкими къ праву собственности. Такимъ прожиткомъ для вдовы являлась купленная вотчина мужа и кварта въ движимости. Такимъ образомъ и самое противопоставленіе прожитка праву собственности неправильно.

Для правильнаго разрѣшенія вопроса о юридической природѣ преемства супруговъ по указу Анны Іоанновны необходимо обратиться къ разсмотрѣнію этого указа и выяснить, какой характеръ носитъ здѣсь вдовья доля: характеръ наслѣдованія или частнаго преемства, направленнаго на обезпеченіе содержанія пережившаго супруга.

Разсматривая указъ Анны Іоанновны какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ—мы приходимъ ко второму выводу.

1) Указъ 17 марта 1731 г. представляетъ собою вообще возвращеніе къ принципамъ Уложенія, гдѣ вдовья доля представляла выдѣлъ съ опредѣленной цѣлью: обезпечить существованіе вдовы. 2) За основаніе исчисления вдовьей доли указомъ принято какъ разъ основаніе (15 со 100), существовавшее въ помѣстной системѣ, гдѣ вдовья доля безъ сомнѣнія носила характеръ обезпеченія. Въ томъ же убѣждаетъ насъ и прямое свидѣтельство разсматриваемаго нами закона, гдѣ доля вдовы въ имущество умершаго мужа названа: „указной дачей“²⁶³⁾—

²⁶³⁾ П. С. З. № 5717, п. 1 „не зачитая того въ ту указанную дачу, что надлежитъ дать изъ мужа“.

какое названіе относитъ насъ даже ко времени, предшествующему Уложенію. 3) Возвращеніе къ принципамъ помѣстной системы подтверждается и содержаніемъ п. 2 указа: вдова получаетъ выдѣлъ или указанную дачу не только изъ имущества мужа, но и свекра и даже при жизни послѣдняго.²⁶⁴⁾ Съ точки зрѣнія права наслѣдованія такой выдѣлъ представляется абсурдомъ, но становится понятнымъ и объяснимымъ, если разсматривать этотъ выдѣлъ какъ специальное средство обезпеченія вдовы. 4) Выше мы установили, что четвертая часть вдовы въ животахъ мужа по уложенію не являлась наслѣдованіемъ, указъ же 17 марта 1731 г. относительно движимости дѣлаетъ прямую ссылку на Уложеніе: „изъ движимаго имѣнія по Уложенью“—безъ какихъ-либо дополненій или измѣненій. Слѣдовательно вдовья доля въ движимости и согласно указу 17 марта 1731 г. должна разсматриваться не какъ наслѣдованіе, а какъ средство обезпеченія. 5) Вдовья доля по указу 1731 г. не можетъ быть признана наслѣдованіемъ, потому что выдѣлъ ея не удовлетворяетъ понятію объ универсальномъ или специальномъ преемствѣ (отсутствіе *jus accrescendi*, выдѣлъ изъ имущества свекра при жизни его и т. п.). 6) Наконецъ, въ самомъ указѣ содержится противопоставленіе вдовы наслѣдникамъ (ср. содержаніе 4 и 5 п. п.)²⁶⁵⁾.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что указъ 17 марта 1731 г. не предоставилъ пережившему супругу правъ наслѣдованія.

3. Послѣдующее законодательство.

Правильность высказаннаго нами взгляда на указъ 17 марта 1731 г. подтверждается и рядомъ дальнѣйшихъ разъясненій и дополненій означеннаго закона, преподанныхъ Сенатомъ. Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайшими указами.

Въ 1782 году Высочайшимъ указомъ по частному дѣлу (Коптева и Горяиновыхъ) было разъяснено, что родственники умершей вдовы не могутъ просить выдѣла указной части, разъ вдова при жизни о такомъ выдѣлѣ не просила, ибо указомъ 17 марта 1731 г. повелѣно „послѣ мужей давать указныя части

²⁶⁴⁾ „По праву представленія“, какъ говорятъ нѣкоторые, но забываютъ при этомъ, что право представленія возникаетъ не только по смерти ближайшаго наслѣдника, но и наслѣдодателя.

²⁶⁵⁾ п. 4 „Послѣ котораго умершаго жена... продала“... п. 5 „которые законныя наслѣдники... продали“.

женамъ, а чтобы и по смерти женъ, и при томъ еще такихъ которыя, не просивъ о тѣхъ частяхъ сами померли, указныя части давать ихъ родственникамъ, по просьбамъ послѣднихъ, того въ указѣ 1731 года ни мало не упомянуто“²⁶⁶⁾. Въ 1784 г. приведенный указъ былъ распубликованъ для всеобщаго свѣдѣнія и руководства²⁶⁷⁾.

Изъ этого указа ясно, что вдовья доля—по мнѣнію законодателя—не имѣетъ характера наслѣдованія, а представляетъ личное обезпеченіе вдовы. Если вдова этимъ обезпеченіемъ не воспользовалась, ея родственники не имѣютъ никакого права на вдовью долю. Послѣдняя вмѣстѣ съ прочимъ наслѣдственнымъ имуществомъ переходитъ въ родъ мужа.

Въ 1815 г. былъ разрѣшенъ вызвавшій на практикѣ большое сомнѣніе слѣдующій случай²⁶⁸⁾. Согласно Уложенію и указу 1731 г. вдова послѣ мужа получала изъ движимости $\frac{1}{4}$ часть, каждая дочь половину противъ матери. У умершаго отца семейства осталось 6 дочерей и нѣсколько сыновей. Если выдѣлить указную ($\frac{1}{4}$) часть вдовѣ и доли дочерямъ ($\frac{6}{8} = \frac{3}{4}$), сыновьямъ ничего не останется. Поэтому мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было постановлено: за выдѣломъ вдовѣ законной $\frac{1}{4}$ части остальное движимое имущество умершаго раздѣлить поровну между сыновьями и дочерями. При этомъ было предписано, если встрѣтятся сомнѣніе при дѣленіи недвижимаго имѣнія, войти съ докладомъ къ Его Императорскому Величеству. Такое сомнѣніе встрѣтилось очень скоро и въ 1824 году вопросъ былъ разрѣшенъ въ болѣе общей формѣ какъ относительно движимаго, такъ и недвижимаго имущества: „ежели послѣ кого останется столько дочерей, что по назначеніи каждой изъ нихъ узаконенной части какъ изъ движимаго, такъ и изъ недвижимаго имѣнія, сыновнія части будутъ менѣе дочернихъ, то по выдѣлѣ одному изъ супруговъ, оставшемуся во вдовствѣ, указной части, остальное раздѣлить между сыновьями и дочерьми поровну“²⁶⁹⁾.

²⁶⁶⁾ П. С. З. № 15364 14 марта 1782 г. Коптевъ просилъ выдѣлить ему изъ имѣнія Ив. Горюшнова указную часть, приходившуюся на долю жены Ив. Горюшнова, тетки просителя. Акулины Горюшновой, которая при жизни своей о такомъ выдѣлѣ не просила.

²⁶⁷⁾ 29 марта 1784 г. П. С. З. № 15971.

²⁶⁸⁾ 15 февр. 1815 г. П. С. З. № 25784.

²⁶⁹⁾ См. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 3 мая 1824 г. П. С. З. № 31891 (д. Наумовыхъ).

Приведенныя 2 законоположенія характерны въ томъ отношеніи, что здѣсь всего нагляднѣе выясняется взглядъ нашего законодательства на вдовью долю какъ на выдѣлъ изъ общей наслѣдственной массы, какъ на особое специальное имущество, не смѣшивающееся съ остальнымъ наслѣдственнымъ имуществомъ, переходящимъ къ сыновьямъ и дочерямъ. Хотя указная доля дочери совершенно аналогична съ долей матери, однако, права преемства, принадлежащая дочери, существенно отличаются отъ таковыхъ же правъ матери. Уже по Русской Правдѣ и Судебникамъ дочери при отсутствіи братьевъ наслѣдовали во всемъ имуществомъ отца. По Уложенію онѣ при неимѣніи братьевъ являлись вотчинницами, даже если вышли замужъ и, слѣдовательно, перешли въ другую семью²⁷⁰⁾. Такимъ образомъ, дочери наряду съ правомъ на указную долю сохраняли въ известныхъ случаяхъ и право наслѣдованія. Поэтому вполне понятно, что законоположеніями 1815 и 1824 г.г. дочери приравниваются къ прямымъ и непосредственнымъ наслѣдникамъ—сыновьямъ и въ этомъ случаѣ для нихъ не имѣетъ мѣста выдѣлъ указной части, а общій съ братьями раздѣлъ наслѣдства, въ которомъ не участвуетъ только вдова, получающая и въ этомъ случаѣ обособленный выдѣлъ, неизмѣнную вдовью долю.

Новое и важное разъясненіе права на указную часть послѣдовало въ 1817 г. Сенатскимъ указомъ съ прописаніемъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта было разъяснено, что выдѣлъ указной части пережившему супругу не долженъ быть отвергаемъ давностью, лишь бы просьба о томъ была заявлена пережившимъ супругомъ, если же такой просьбы отъ вдоваго супруга при жизни не послѣдовало, то родственники его уже не имѣютъ права требовать выдѣла указной части²⁷¹⁾. Такъ какъ цѣлью выдѣла является обезпеченіе средствъ

²⁷⁰⁾ Ср. ст. 104 Русской Правды, ст. 60 Великокняжескаго и 92 Царскаго Судебника, гл. XVII, ст. 4 Улож.

²⁷¹⁾ 31 марта 1817 г. П. С. З. № 26762. „Государственный Совѣтъ счелъ нужнымъ послѣдовавшія въ ономъ по означеннымъ дѣламъ заключенія разъяснить въ видѣ общаго правила, что по силѣ указа 1782 г. марта 14 дня выдѣлъ указныхъ частей женѣ послѣ мужа или мужу послѣ жены, не долженъ быть отвергаемъ давностью, буде только просьба отъ имѣющаго право на выдѣлъ сей части поступитъ при его жизни, но если таковой просьбы отъ мужа или жены во время жизни ихъ принесено не будетъ, то наслѣдники ихъ на тѣ указныя части права уже имѣть не могутъ“.

существованія пережившаго супруга, то законъ требуетъ возбужденія ходатайства, которое служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательствомъ необходимости въ средствахъ содержанія. Если же пережившій супругъ въ теченіе долгаго времени, хотя бы болѣе 10 лѣтъ, не нуждался въ выдѣлѣ, а затѣмъ возбудилъ ходатайство о немъ, то такое ходатайство должно подлежать удовлетворенію, такъ какъ цѣлью выдѣла вдовьей доли является обезпеченіе средствъ существованія пережившаго супруга до его смерти; поэтому безразлично, когда вдовецъ или вдова возбудили ходатайство о выдѣлѣ, свидѣтельствующее о ихъ желаніи воспользоваться своимъ правомъ, лишь бы ходатайство это было заявлено самимъ пережившимъ супругомъ при жизни, а не въ посмертномъ распоряженіи и не наследниками его. Последніе лишаются права требовать выдѣла указной части, если пережившій супругъ объ этомъ не просилъ, такъ какъ этотъ выдѣлъ не представляетъ собою наследованія и къ нему не примѣнимы общія правила о наследованіи.

Всѣ высказанныя соображенія основаны на толкованіи содержанія и разума законоположеній о правѣ пережившаго супруга на имущество умершаго. Но, кромѣ того, мы имѣемъ и прямое свидѣтельство закона, разъясняющее взглядъ нашего законодательства на вдовью долю, это—Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „относительно наследства послѣ смерти лицъ въ супружествѣ состоящихъ“²⁷²). Означенное законодательное постановленіе послужило отвѣтомъ и разрѣшеніемъ возникшаго въ Сенатѣ предположенія о дополненіи указа 1817 г. путемъ распространенія права ходатайствовать о выдѣлѣ указной доли на родственниковъ вдовы или вдовца, не просившихъ при жизни своей о такомъ выдѣлѣ. Мнѣніе Государственнаго Совѣта состоялось послѣ подробнаго обсужденія вопроса, на основаніи разсмотрѣнія узаконеній о правѣ супруговъ на наследство другъ послѣ друга и по установленіи кореннаго смысла закона о семъ правѣ. Такимъ образомъ Государственный Совѣтъ вошелъ въ обсужденіе вопроса въ его цѣломъ и отвергъ предполагаемое дополненіе, какъ не соответствующее существу права пережившаго супруга на имущество умершаго и той цѣли, какую преслѣдовало наше законодательство, устанавливая выдѣлъ указной доли.

²⁷²) П. С. З. № 5741 10 ноября 1832 г.

Вотъ мотивы Государственнаго Совѣта. Государственный Совѣтъ нашель, что „для разрѣшенія настоящаго вопроса надлежитъ обратиться къ коренному смыслу закона о правѣ супруговъ на наследство одинъ послѣ другого и къ первоначальному сего права установленію. Соображеніе же сихъ узаконеній ясно убѣждаетъ въ томъ: 1) что цѣль оныхъ состоитъ единственно въ обезпеченіи положенія лица, остающагося во вдовствѣ и съ смертью другого лица, теряющаго тѣ способы къ содержанію, коими пользовалось оно при его жизни. 2) Сначала наследство сіе установлено было токмо для вдовъ съ правомъ пожизненнаго владѣнія имѣніемъ мужей; но время и опытъ показали разныя въ семъ неудобства, кои именно могли состоять сколько въ стѣсненіи родовыхъ наследниковъ черезъ долгое неполученіе слѣдующаго имъ имѣнія, столько и въ лишеніи самаго имѣнія тѣхъ попеченій, которыя оно обращаетъ на себя, бывъ полною собственностью владѣльца. 3) Сии причины заставили, во-первыхъ, слѣлать участниками въ наследствѣ и мужей, такъ какъ они и при жизни женъ своихъ суть болшею частью главные имѣніемъ ихъ распорядители; во-вторыхъ, пожизненное владѣніе замѣнить выдѣломъ извѣстной части навсегда; но симъ цѣль закона нисколько не измѣнилась, но она еще болѣе подкрѣплена Положеніемъ 15 января (31 марта) 1817 года, дающимъ право супругу во все продолженіе его жизни просить о выдѣлѣ слѣдующей ему части изъ имѣнія прежде умершаго супруга и отказывающаго въ семъ его наследникамъ, когда самъ онъ при жизни своей не просилъ. 4) При такомъ вниманіи къ лицамъ, въ супружествѣ бывшимъ, тотъ же законъ не считалъ нужнымъ распространяться о другихъ родственникахъ, ибо и не справедливо было бы допустить брата или другого родственника умершей супруги требовать, въ лицѣ ея, выдѣла указной части изъ имѣнія ея мужа и тѣмъ переводить оное въ чужой родъ. Въ семъ понятіи предполагаемое Правительствующимъ Сенатомъ дополненіе измѣнило бы совершенно смыслъ первоначальнаго кореннаго узаконенія, всѣхъ послѣдующихъ и самого положенія 15 января (31 марта) 1817 г.“.

Комментаріи къ приведенному мнѣнію Государственнаго Совѣта излишни.

Сравнивая изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта съ приведенными выше законоположеніями объ указной части, мы видимъ, что мнѣніе Государственнаго Совѣта вполне соответ-

ствуешь содержанию и общему духу нашего законодательства об указной части, является его аутентичным истолкованием.

Таково историческое развитие нашего законодательства о преемстве супругов до издания свода законов.

На основании некоторых постановлений Уложения, сохранивших свою силу, указа 17 марта 1731 г., отмеченных нами законоположений, постановленных в разъяснение и развитие этого указа, и были редактированы соответствующие статьи 1-го издания свода законов гражданских, тракующия о преемстве супругов. При чем при составлении свода не было внесено ничего нового, не произведено никаких изменений в содержания действующих постановлений о преемстве супругов.

После первого издания свода законов и до настоящего времени интересующая нас постановления не подвергались существенным изменениям, лишь были дополнены и разъяснены в некоторых отношениях.

Так, указом императрицы Анны Иоанновны 17 марта 1731 г. был установлен лишь порядок наследования по закону. Относительно же наследования по завещанию в указе не содержалось никаких постановлений. Поэтому возник вопрос, ограничивает ли указ свободу завещательной воли, является ли выдел вдовьей доли обязательным или же может быть отменен путем завещательного распоряжения, разумется, в тех имуществах, которые подлежали завещательным распоряжениям.

Мы видели выше, что в московском государстве постепенно было стесняемо и, наконец, совершенно отменено право завещать родовые имения. Это ограничение было подтверждено и по отмене постановлений об единонаследии²⁷³⁾ (за исключением случая бездетности владельца, но об этом ниже).

Относительно же благоприобретенных имений была предоставлена полная свобода завещаний²⁷⁴⁾. Судебная практика была поставлена в затруднение, как согласовать указ 17 марта 1731 г. с свободой завещания и первоначально обнаружила тенденцию к признанию того положения, что выдел указной части обязательен, как из родового, так и из благоприобретенного

²⁷³⁾ См. напр. П. С. З. № 16470 5 дек. 1786 г. и др., 21 апр. 1785 г. ст. 22 in fine (16187) и ст. 88 in fine (16188).

²⁷⁴⁾ См. 21 апр. 1785 г. П. С. З. № 16187, ст. 22, № 16188, ст. 88.

имущества наследодателя и не подлежит отмене путем завещательного распоряжения. Эта тенденция была поддержана и авторитетной практикой Правительствующего сената²⁷⁵⁾.

Однако, уже в 1816 г. состоялось мнение Государственного совета, которым постановлено не выделять мужу указной части из благоприобретенного имущества жены, если она распорядилась имуществом в духовном завещании²⁷⁶⁾. Хотя это мнение Государственного совета и получило Высочайшее утверждение, однако, оно не разрешало вопроса во всем его объеме. Поэтому сомнения и колебания судебной практики продолжались, так что возникла необходимость в законодательном разъяснении. В разрешении возникших на практике сомнений в 1836 году Высочайше утвержденным мнением Государственного совета было постановлено к 717 ст. т. X, ч. I свода законов гражданских прибавить следующее примечание: „право сие (т. е. право пережившего супруга на указную часть) не ограничивает, однако, владельцев в свободном распоряжении благоприобретенными имениями и в завещании оных. Когда осталось после умершего завещание, то оставшемуся в живых супругу определяются одному после другого указные доли из той только части сего рода имения, о котором не сделано распоряжения в завещании“²⁷⁷⁾.

В 1837 году было указано, что „муж после жены наследует по тем же правилам, как и жена после мужа, и сообразно с 720 ст. сего свода получает, при жизни тестя, указ-

²⁷⁵⁾ См. 16 окт. 1791 г. П. С. З. № 16993 „Правительствующий сенатъ, слушавъ... приказали: согласно съ послѣдовавшимъ по сему дѣлу въ Московскомъ Верхнемъ Земскомъ Судѣ во 2-мъ Департаментѣ 790 года Мая 30 и Октября 11 чиселъ, въ Гражданской Палатѣ съ вышеупомянутымъ Генваря 16 дня сего 1791 года рѣшениемъ, изъ оставшагося послѣ покойнаго Статскаго Совѣтника Графа Федора Апраксина недвижимаго и движимаго имѣнія выдѣлить женѣ его, вдовѣ Графинѣ Катеринѣ Володиміровой дочери изъ недвижимаго какъ родоваго, такъ и благоприобрѣтеннаго, по силѣ Именнаго 1731 года Марта 17 дня указа 1-го пункта, со 100 по 15 четвертей, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ то недвижимо состоитъ, а изъ движимаго по Уложению 17 главы по I пункту, и по силѣ того же Именнаго 731 года указа четвертую часть, не взирая, что по духовной его покойнаго Графа Федора Апраксина ничего ей на часть не назначено, потому, что таковая часть слѣдуетъ ей по точной силѣ означеннаго Именнаго 731 года Марта 17 дня указа непременно, и отрѣшить ее отъ того ни по какому праву не можно...“.

²⁷⁶⁾ 13 сент. 1816 г. № 26432.

²⁷⁷⁾ 6 июня 1836 г. П. С. З. № 9251.

ную часть изъ той доли недвижимаго его имѣнія, которая слѣдовала бы умершей женѣ, если только за его женою собственнаго недвижимаго имѣнія не было, и до оставшагося въ живыхъ мужа онаго ни сколько не доходило ни по рядной, ни по другому какому-либо акту“ и постановлено къ ст. ст. 722 и 720 т. X ч. I прибавить примѣчаніе о томъ, что „выдѣлъ законной части овдовѣвшему мужу изъ имѣнія тестя и овдовѣвшей женѣ изъ имѣнія свекра, въ опредѣленныхъ семи статьяхъ случаяхъ, дѣлается изъ того только недвижимаго имѣнія тестя или свекра, которое дѣйствительно было въ его владѣніи въ день смерти его сына или дочери“²⁷⁸⁾.

Въ 1839 г. было разъяснено, что выдѣлъ указанной части невѣсткѣ изъ движимаго имущества свекра послѣ смерти его долженъ быть производимъ только изъ наличной движимости свекра, какая окажется въ день его смерти²⁷⁹⁾.

Въ 1843 г. было постановлено, что право на выдѣлъ указанной части пережившему супругу, признанному несостоятельнымъ должникомъ, принадлежитъ конкурсу или кредиторамъ. Но право это принадлежитъ конкурсу или кредиторамъ лишь при жизни несостоятельнаго супруга, по смерти же его они никакихъ требованій на выдѣлъ указанной части предъявлять уже не могутъ²⁸⁰⁾. Этимъ постановленіемъ лишній разъ подтверждается взглядъ нашего законодательства на указанную часть какъ на личное содержаніе пережившаго супруга.

Въ 1861 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было разъяснено, что путемъ давности владѣнія вдова не приобретаетъ права собственности на указанную часть. Для приобретенія права собственности необходима просьба вдовы при жизни о выдѣлѣ, безъ каковой просьбы ея родственники послѣ смерти вдовы не могутъ требовать выдѣла имъ указанной части²⁸¹⁾.

Что касается родовыхъ имѣній, то изъ общаго правила о независимости родовыхъ имѣній въ нашемъ правѣ на основаніи рѣшеній по отдѣльнымъ частнымъ дѣламъ было установлено од-

²⁷⁸⁾ 8 апр. 1837 г. П. С. З. № 10110.

²⁷⁹⁾ 19 ноября 1839 г. П. С. З. № 12907 (д. Бородиной).

²⁸⁰⁾ 3 іюня 1843 г. П. С. З. № 16917.

²⁸¹⁾ 16 іюня 1861 г. по дѣлу наслѣдниковъ Озеровой. Содержаніе его изложено въ рѣш. Гражд. Касс. Дѣл. 1885 г. № 95.

но исключеніе: въ случаѣ бездѣтности владѣлецъ родового имѣнія могъ завѣщать его одному изъ боковыхъ родственниковъ въ любой степени родства того рода, изъ котораго дошло къ нему имѣніе²⁸²⁾. Но это исключеніе не затрагивало, повидимому, правъ пережившаго супруга, если таковой оставался, какъ это видно, напримѣръ, изъ Высочайше утвержденаго мнѣнія Государственнаго Совѣта по вопросу о завѣщаніи Державина²⁸³⁾; исключеніе относилось лишь къ назначенію наслѣдника, а не къ выдѣлу указанной части.

Указанное исключеніе было подтверждено въ общей формѣ въ положеніи о духовныхъ завѣщаніяхъ 1 октября 1831 г.²⁸⁴⁾. Однако, въ положеніи 1831 года не было упомянуто, сохраняетъ ли при этомъ пережившій супругъ право на указанную часть. Въ судебной практикѣ это умолчаніе не могло не возбудить сомнѣній и въ 1845 г. вопросъ о завѣщаніи родового имѣнія былъ подробно разъясненъ и положительно оговорено право пережившаго супруга на указанную часть²⁸⁵⁾.

Въ 1862 г. было предоставлено право завѣщать родовое имѣніе въ пожизненное владѣніе пережившаго супруга цѣликомъ или частью, при чемъ пережившій супругъ въ такомъ случаѣ лишается права на выдѣлъ указанной части, но онъ можетъ, по желанію, не вступая въ пожизненное владѣніе, отречься отъ него и требовать къ собственности указанную часть изъ всего имѣнія, на основаніи 1148, 1151 и 1153 ст. ст.²⁸⁶⁾.

Въ 1912 г. было расширено право завѣщанія родовыхъ имѣній въ пользу прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ по закону, при чемъ завѣщатель въ указанныхъ завѣщательныхъ распоряженіяхъ не ограниченъ постановленіями объ указанной части супруговъ²⁸⁷⁾. Такимъ образомъ новое исключеніе изъ общаго правила о независимости родовыхъ имѣній коснулось не только вопроса о назначеніи наслѣдника, но и выдѣла указанной части

²⁸²⁾ См. 16 окт. 1791 г. № 16993 (зав. Апракена), 23 февр. 1804 г. № 21170 (зав. Вердеревскаго), 16 марта 1811 г. № 24558 (зав. Шущерной), 12 августа 1818 г. № 27468 (зав. Державина) и др.

²⁸³⁾ П. С. З. № 27468.

²⁸⁴⁾ П. С. З. № 4844, § 40.

²⁸⁵⁾ П. С. З. 31 іюля 1845 г. № 19246. Ср. прежнюю ст. 1068 и настоящую ст. 1068².

²⁸⁶⁾ 27 февраля 1862 г. П. С. З. № 38001 п.п. 1, 3.

²⁸⁷⁾ См. Собр. Узак. 14 іюня 1912 г. ст. 914, II, ст. 1068¹ т. X, ч. I Зак. Гражд. по прод. 1912 г.

пережившему супругу и значительно ограничило право послѣдняго на полученіе указанной доли изъ родового имѣнія.

На этомъ мы и покончимъ разсмотрѣніе историческаго развитія нашего законодательства о преемствѣ супруговъ.

Надо замѣтить, что выработанная нашимъ правомъ система посмертнаго преемства супруговъ другъ послѣ друга находится въ соотвѣтствіи съ системой имущественныхъ отношеній супруговъ въ бракѣ. Въ основѣ послѣднихъ лежитъ принципъ полной имущественной раздѣльности. О раздѣльности имуществъ мужа и жены въ предыдущій, московскій періодъ мы говорили выше. Въ петербургскій періодъ этотъ принципъ проводится законодательствомъ еще яснѣе. Приданое и прочее имущество жены строго различается отъ имущества мужа и признается отдѣльной собственностью жены. Супруги могутъ независимо другъ отъ друга распоряжаться собственнымъ имуществомъ: дарить, завѣщать, продавать и закладывать его (съ обычными ограниченіями, если имущество родовое), какъ постороннимъ лицамъ, такъ и одинъ другому (ср. п. 3 указа 18 марта 1814 г.—П. С. З. № 2789, ук. 15 апр. 1716 г.—П. С. З. № 3013, п. 1 указа 18 марта 1731 г.—П. С. З. № 5717, указы 14 іюня 1753 г.—П. С. З. № 10111, 31 авг. 1825 г.—П. С. З. № 30472 и др.). Принципъ раздѣльности имущества супруговъ и въ частности все приведенныя положенія нашли свое полное выраженіе въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ (ср. 80—88 ст. т. X, ч. I изд. 1832 г. и 109—117 ст. ст. изд. 1900 г. по пред. 1912 г.).—И въ соотвѣтствіи съ указанной имущественной раздѣльностью супруговъ—въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, имущество умершаго идетъ къ его наслѣдникамъ, пережившій же супругъ получаетъ собственное имущество и, кромѣ того, если пожелаетъ, изъ имущества умершаго спеціальныи выдѣлъ на прожитокъ, происхожденіе коего и историческое развитіе мы разсмотрѣли выше.

ДѢЙСТВУЮЩЕЕ ПРАВО.

I. Юридическая природа преемства супруговъ.

Постановленія Свода Законовъ о преемствѣ супруговъ помѣщены въ V отдѣленіи, II главы, II раздѣла, III книги т. X, ч. I Св. Зак. Гражд. и обнимаютъ статьи 1148—1161, изъ коихъ общему праву посвящены статьи 1148, 1148², 1149—1153, 1154—1155, 1159—1160.

Какова юридическая природа института, установленнаго ст. ст. 1148, 1148², 1149—1153, 1154—1155, 1159—1160 т. X, ч. I Зак. Гражд.? Является ли право пережившаго супруга на имущество умершаго въ томъ видѣ, какъ оно выражено въ Сводѣ Законовъ Гражд., правомъ наслѣдованія или какимъ-либо другимъ видомъ наслѣдственнаго преемства—вотъ вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію.

Наслѣдованіе по современному правосознанію есть общее или универсальное преемство—въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. переходъ всей совокупности правъ и обязанностей наслѣдодателя (за исключеніемъ строго личныхъ), какъ единого цѣлаго, путемъ одного акта къ новому приобретателю—наслѣднику, который благодаря этому становится представителемъ имущественно-правовой личности наслѣдодателя.

Такимъ образомъ основнымъ признакомъ наслѣдованія является его общій характеръ, универсальность преемства.

Универсальное преемство въ прямомъ смыслѣ этого понятія есть переходъ отъ одного лица къ другому всей совокупности правъ, принадлежащихъ первому, какъ единого (юридическаго) цѣлаго, путемъ одного акта, т. е. общее правопреемство. Но въ правѣ наслѣдственномъ это преемство принимаетъ болѣе широ-

кий характеръ, становясь не только преемствомъ въ совокупности правъ, но также и обязанностей умершаго.

Идея универсальнаго преемства возникла въ римскомъ правѣ. Здѣсь существовало нѣсколько видовъ универсальнаго преемства.

Такъ, универсальное преемство возникало при *arrogatio*—древне-цивильномъ усыновленіи *personae sui juris* ²⁸⁸), въ случаѣ *addictio bonorum libertatum conservandarum causa*, т. е. въ случаѣ присужденія рабу выморочнаго наслѣдства ради сохранения свободы, дарованной ему и другимъ въ кодицилѣ или завѣщаніи господина ²⁸⁹), при *emptio-venditio bonorum debitoris*—покупкѣ имущества несостоятельнаго должника ²⁹⁰), въ случаѣ *acquisitio ex senatusconsulto Claudiano*—когда открывалось преемство въ имуществѣ свободной женщины, увлекшейся любовью къ рабу ²⁹¹), при *in manum conventio*—древне-цивильномъ бракѣ *cum manu* ²⁹²) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Всѣ указанные виды преемства, представлявшіе съ точки зрѣнія римскаго права *successiones per universitatem* ^{292*}), устанавливали преемство въ правахъ, но не обязанностяхъ праводателя. Только въ послѣдствіи преторъ посредствомъ *in integrum restitutio* предоставлялъ кредиторамъ возможность взысканія долговъ съ имущества усыновленнаго и вступившей въ бракъ *cum manu* ²⁹³) и обязалъ раба, получающаго свободу, согласно конституціи Марка Аврелія, къ предоставленію обезпеченія (*cautio*) кредиторамъ умершаго. На основаніи этого *cautionis* получившій свободу и отвѣчалъ за долги умершаго господина ²⁹⁴) ²⁹⁵).

Въ римскомъ правѣ возникло и универсальное преемство болѣе широкаго характера: преемство не только въ правахъ, но и въ обязанностяхъ. Главнымъ видомъ его является—*successio*

²⁸⁸) Inst. III, 10.

²⁸⁹) Inst. III, 11, 15 C. VII, 2.

²⁹⁰) Inst. III, 12.

²⁹¹) Ibidem.

²⁹²) Gaius, Inst. III, 83.

^{292*}) Ср. Inst III, 10 praef. III, 11 praef. III, 12 praef. и § 1, Gaii Instit. Comm. II, 97—98.

²⁹³) I 2, § 1 D IV, 5, Gaius-Inst. III, 84.

²⁹⁴) I 4, § 22 D 40, 3, ср. 2 I. III, 11.

²⁹⁵) Ср. по настоящему вопросу: Ferrini „Manuale di Pandette“, § 603, Кассо „Преемство наслѣдника въ обязательствахъ наслѣдодателя“ стр. 18—19, Зомъ, „Институціи“, II, § 108.

hereditaria: hereditas ²⁹⁶) и *bonorum possessio* ²⁹⁷)—которое представляется преемствомъ во всей совокупности имущественно-правовой сферы умершаго. Это преемство, вмѣстѣ съ правами возлагаетъ на наслѣдника и обязанность личной отвѣтственности по долгамъ наслѣдодателя, хотя бы они превышали активъ наслѣдства ²⁹⁸). Сюда же должны быть отнесены еще два института древняго права: *usucapio pro herede*—давностное завладѣніе выморочнымъ наслѣдствомъ ²⁹⁹), *in jure cessio hereditatis*—уступка права наслѣдованія до принятія наслѣдства путемъ фиктивной *vindicatio hereditatis* ³⁰⁰), а также—по господствующему мнѣнію—покупка *bonorum vacantium* у фиска ^{300*}).

Императоръ Юстиніанъ предоставилъ наслѣднику льготу—*beneficium inventarii*, согласно коей наслѣдникъ, составившій свое-временно и въ надлежащей формѣ опись наслѣдственнаго имущества, отвѣчалъ за долги наслѣдодателя только въ предѣлахъ полученнаго ³⁰¹). Однако, составленіе инвентаря есть лишь льгота. Общій принципъ—универсальное преемство правъ и обязанностей.

Переходный характеръ отъ первой группы ко второй носило преемство фиска *in bonis vacantibus*. Оно являлось общимъ право-

²⁹⁶) L 62 D 50, 17 Iulianus „Hereditas nihil aliud est, quam successio in universum jus, quod defunctus habuerit“. L 37 D 29, 2 Pomponius „Heres in omne jus mortui non tantum singularum rerum dominium succedit, quum et ea, quae in nominibus sint, ad heredem transeant“.

²⁹⁷) L 208 D 50, 16 Africanus „Bonorum appellatio, sicut hereditatis, universitatem quandam ac jus successionis, et non singulares res demonstrat“. 2 I III, 9 „Sed cum eis praetor dat bonorum possessionem, loco heredum constituuntur et vocantur bonorum possessores“.

²⁹⁸) I 8 D 29, 2 Ulpianus: „hereditas autem quin obliget nos aeri alieno, etiamsi non sit solvendo plus quam manifestum est“. I 119 D 50, 16 Pomponius „Hereditatis appellatio, sine dubio continet etiam damnosam hereditatem; juris enim nomen est sicuti bonorum possessio“.

²⁹⁹) Gaius, Inst. II, 52—56.

³⁰⁰) Ulp. fragm. XIX, 12—15, Gaius Inst. II, 35—36, III—85. Ср. Деррибургъ—Пандекты. Насл. пр., § 167.

^{300*}) I 54 pr. D 5, 3, I 41 D 49, 14, L 1 C. 4, 39 и др. Ср. Vangerow—Pand. II, § 564, II, Koeppen—Lehrbuch, стр. 279, 418.

³⁰¹) I 22 C VI, 30. Вопросъ о томъ, отвѣчалъ ли бенефициарный наслѣдникъ по римскому праву въ размѣрѣ цѣнности наслѣдственнаго имущества (*pro viribus hereditatis*) или же объектами наслѣдства (*cum viribus hereditatis*) представляется спорнымъ. Этотъ же вопросъ представляется спорнымъ и по нѣкоторымъ современнымъ законодательствамъ. Подробности см. у Casso—Die Haftung der Beneficialerben nach römischen und heutigem Rechte.

преемствомъ, соединеннымъ съ ограниченной отвѣтственностью казны по долгамъ владѣльца выморочнаго имущества ³⁰²).

Въ современномъ правѣ исчезли всѣ указанные виды римской универсальной сукцессіи, за исключеніемъ наследственной и преемства фиска въ выморочныхъ имуществахъ ³⁰³), и подѣ именемъ общаго или универсальнаго преемства теперь подразумѣвается обыкновенно *successio universalis hereditaria*, которая не только сохранилась, но и легла въ основаніе наследственнаго права современныхъ государствъ.

Наслѣдство пріобрѣтается наслѣдникомъ въ видѣ единаго комплекса—*„per universitatem“* (Gaius—Inst, II, 97) „какъ совокупность правъ и обязанностей“ (§§ 531 и 532 Allg. Oester. B. G. B.), „какъ цѣлое“ (§ 1922 Герм. Гр. Улож. и § 560 Schw. Z. G. B.), какъ „совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ“ (ст. ст. 1104 1258 и 1259 т. X, ч. I Зак. Гр.).

Вмѣстѣ съ активомъ наслѣдства на наслѣдника переходитъ и отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ наслѣдодателя и при томъ въ принципѣ отвѣтственность неограниченная, универсальная.

Современное правосознаніе стремится придать болѣе тѣсный смыслъ идеѣ наследственной универсальной сукцессіи, сузить характеръ этой сукцессіи путемъ уничтоженія безусловной отвѣтственности наслѣдника по долгамъ наслѣдодателя, какъ института несправедливаго съ общественной точки зрѣнія. Но интересы наслѣдниковъ сталкиваются здѣсь съ интересами кредиторовъ наслѣдодателя. И современные кодексы, слѣдуя за римскимъ правомъ, не уничтожаютъ неограниченной отвѣтственности наслѣдника, сохраняя ее какъ общее правило, какъ принципъ, но предоставляютъ послѣднему возможность путемъ составленія описи, вызывнаго производства, учрежденія попечительства надъ наслѣдствомъ и т. п. льготъ ограничить свою отвѣтственность лишь предѣлами полученнаго.

³⁰²) С X, 10, de bonis vacantibus, D 49, 14 de jure fisci.

³⁰³) Зомъ (Inst., II, § 108) указываетъ, что въ современномъ правѣ создается простое общее преемство при заключеніи брака съ имущественной общностью (§ 1438,2 Герм. Гр. Улож.) и при наслѣдованіи имущества распавшагося правоспособнаго общества (§ 45 Герм. Гр. Улож.). Въ первомъ случаѣ—по нашему мнѣнію—нѣтъ общаго правопреемства, а возникаетъ новый коллективный субъектъ правъ. Второй случай, несомнѣнно, представляетъ особый видъ универсальнаго преемства.

Такъ, по французскому гражданскому кодексу законные и натуральные наслѣдники вступаютъ въ полное обладаніе имуществомъ, правами и исками умершаго съ обязанностью уплаты всѣхъ обремененій наслѣдства. Сонаслѣдники участвуютъ въ уплатѣ долговъ и обремененій наслѣдства каждый соответственно своей долѣ ³⁰⁴). Наслѣдство можетъ быть принято или безусловно, или на правѣ инвентарномъ ³⁰⁵). Принятіе наслѣдства можетъ быть положительнымъ, явнымъ—*expresse* (выраженнымъ въ официальномъ или частномъ актѣ) или безмолвнымъ—*tacite* (путемъ дѣйствій въ качествѣ наслѣдника) ³⁰⁶). Но о желаніи принять наслѣдство только на правѣ инвентарномъ должно быть заявлено въ канцеляріи суда первой инстанціи, въ округѣ котораго открылось наслѣдство, при чемъ заявленіе это заносится въ реестръ, предназначенный для записи актовъ отреченія ³⁰⁷). Слѣдовательно, наслѣдованіе на правѣ инвентарномъ не предполагается, а должно быть оговорено въ специальномъ заявленіи суду.

Для сохраненія инвентарнаго права наслѣдникъ долженъ составить точную опись наследственнаго имущества по формѣ и въ сроки, закономъ установленные. Несоставленіе этой описи, недобросовѣстныя дѣйствія наслѣдника при составленіи ея, непредставленіе отчетовъ по управленію наследственнымъ имуществомъ—влекутъ за собою неограниченную отвѣтственность наслѣдника ³⁰⁸).

Такимъ образомъ неограниченная отвѣтственность наслѣдника по французскому праву является общимъ правиломъ, инвентарная—льготой, которая не предполагается и даруется закономъ при соблюденіи извѣстныхъ условій ³⁰⁹).

По австрійскому праву наследственное имущество есть совокупность правъ и обязанностей умершаго, поскольку они основаны на чисто личныхъ отношеніяхъ. Наслѣдникъ, какъ только онъ принялъ наслѣдство, въ отношеніи къ послѣднему представляетъ наслѣдодателя. Оба они по отношенію къ третьему

³⁰⁴) Code civile, art. 724, 870 (ср. 873).

³⁰⁵) Ib. art. 774.

³⁰⁶) Ib. art. 778.

³⁰⁷) Ib. art. 793.

³⁰⁸) Ib. art. 794, 801, 803 и др.

³⁰⁹) Ср. Planiol—Traité élémentaire de droit civile, ed. 1910, t. III, § 2087, а так же 2103.

лицу считаются за одно лицо. Обязательства, которые наследодатель должен был удовлетворить изъ своего имущества, принимает на себя его наследник³¹⁰⁾.

Указанными постановлениями австрийской гражданский кодекс устанавливает принцип универсального преемства прав и обязанностей³¹¹⁾. Но в австрийском праве сохраняет свое значение и *beneficium inventarii*. По австрийскому праву принятие наследства или объявление себя наследником должны заключать указание, произведены ли они безусловно или под условием инвентарной льготы. В первом случае наследник отвечает неограниченно, во втором—в пределах наследственной массы³¹²⁾. В этом последнем случае должна быть составлена опись наследственного имущества.

Итальянское гражданское уложение содержит постановления, аналогичные с французским кодексом. Наследство может быть принято просто (*puramente e semplicemente*) или с сохранением инвентарной льготы. Последняя ограничивает ответственность наследника пределами полученного наследства. По общему правилу наследство открывается *puramente e semplicemente*. Только к малолетним и вообще лицам неспособным и неспособным наследство переходит с сохранением инвентарной льготы. Прочие же наследники, желающие принять наследство на праве инвентарном, должны заявить об этом в канцелярии суда того округа, где открылось наследство. Это заявление должно сопровождаться составлением в установленный срок инвентаря. Несоставление в срок инвентаря, недобросовестное его составление и неправильное распоряжение наследственным имуществом и при заявлении о принятии наследства на праве инвентарном влекут неограниченную ответственность наследника³¹³⁾.

По германскому гражданскому уложению наследство переходит к призванному наследнику с сохранением за ним права отречения. Наследник не может отречься от наследства, если он принял его или истек срок отречения, с истече-

³¹⁰⁾ Das oesterreichische allgemeine bürgerliche Gesetzbuch, §§ 531, 547 и 548.

³¹¹⁾ См. по этому вопросу Unger—Sistem des oesterreichischen allgemeinen Privatrechts, Bd. VI, §§ 40, 42 и прим. 2.

³¹²⁾ Allg. B. G. B. §§ 800, 801 и 802.

³¹³⁾ Cp. Codice civile del regno d' Italia, art 929, 968, 930—931, 955, 957, 960, 967, 969, 971, 973.

нием коего наследство считается принятым. Общий срок на отречение от наследства шестинедельный. Отречение совершается подачею заявления, засвидетельствованного установленным порядком, в суд, выдающий наследство³¹⁴⁾. Относительно ответственности наследника в германском гражданском уложении содержится общее правило: наследник отвечает за наследственные долги³¹⁵⁾—следовательно, ответственность наследника по общему положению не ограничена.—Исключения: наследник несет ограниченную ответственность в следующих случаях. Когда кредиторы наследства, вызванные в порядке вызывного производства своевременно не заявили своих претензий, то по этим претензиям ответственность наследника ограничивается пределами наследственной массы. Наследник отвечает за наследственные долги одним только наследством, если назначено попечительство над наследством для удовлетворения наследственных кредиторов (управление наследством) или открыт конкурс над наследством. Также ограничена ответственность наследника, если открытие конкурса будет признано нецелесообразным по малочисленности наследственной массы и наследник выдал наследство для удовлетворения кредиторов в порядке обращения на него поуполномоченного взыскания³¹⁶⁾. Наследник в праве представить в суд, выдающий наследство, опись наследства. По требованию наследственного кредитора суд должен назначить наследнику срок для составления описи (1—3 мес.)³¹⁷⁾. Опись составляется с соблюдением предписанных законом форм. Но составление описи само по себе не устанавливает ограниченной ответственности наследника³¹⁸⁾, а лишь открывает возможность для такой ответственности при соблюдении указанных условий. Несоставление же описи в срок, умышленная неполнота описи, включение в нее несуществующего долга, отказ от присяги в подтверждение добросовестности составления описи ведут непременно к неограниченной ответственности наследника³¹⁹⁾.

³¹⁴⁾ Bürgerliches Gesetzbuch für das deutsche Reich, §§ 1942—1945.

³¹⁵⁾ Ibid. § 1967.

³¹⁶⁾ Ibid. §§ 1970, 1973—1974, 1975, 1990.

³¹⁷⁾ Ibid. §§ 1993—1995.

³¹⁸⁾ Cp. Дербургъ—Пандекты, V, § 171, II, Зомъ,—Институции, § 114, III.

³¹⁹⁾ §§ 1994, 2005—2006.

Такимъ образомъ по германскому праву неограниченная отвѣтственность наследника является общимъ правиломъ, а ограниченная исключеніемъ ³²⁰⁾.

По швейцарскому гражданскому уложенію наследники со смертью наследодателя приобретаютъ наследство какъ цѣлое въ силу закона. На наследника, за указанными въ законѣ исключеніями, переходятъ требованія, права собственности, ограниченные вещныя права и права владѣнія наследодателя, а долги наследодателя становятся личными долгами наследника ³²¹⁾. Законные и назначенные наследники въ правѣ отказаться отъ наследства, на что имъ предоставляется трехмѣсячный срокъ. Каждый наследникъ, который имѣетъ право отказаться отъ наследства, въ правѣ требовать составленія публичнаго инвентаря ³²²⁾. Публичный инвентарь составляется подлежащей властью, въ него входятъ всѣ имущественныя цѣнности и долги наследодателя. Съ составленіемъ инвентаря связанъ вызовъ вѣрителей и должниковъ наследодателя, которые обязаны въ теченіе назначеннаго срока заявить свои требованія и долги ³²³⁾. Послѣ составленія инвентаря каждый наследникъ обязанъ въ теченіе мѣсячнаго срока заявить о принятіи наследства. Наследникъ въ теченіе этого срока можетъ отказаться отъ наследства, потребовать его ликвидаціи подлежащей властью или же принять наследство на инвентарномъ правѣ или безусловно. Если онъ, наследникъ, не дѣлаетъ никакого заявленія, наследство считается принятымъ на правѣ инвентарномъ. Если наследникъ приобретаетъ наследство на правѣ инвентарномъ, то на него переходятъ, какъ долги, такъ и имущественныя цѣнности наследодателя, обозначенныя въ инвентарной описи ³²⁴⁾. Но составленіе инвентаря не ограничиваетъ отвѣтственности наследника предѣлами наследства, такъ какъ за долги, указанные въ инвен-

³²⁰⁾ Ср. по этому вопросу Kipp—Lehrbuch des bürgerlichen Rechts von Ennecerus, Wolff und Kipp, das Erbrecht, § 74, II. Contra см. Колера „Современное гражданское право Германии“, § 108. Но точка зрѣнія Колера, что наследникъ по герм. гр. улож. отвѣчаетъ лишь наследственнымъ имуществомъ, опровергается содержаніемъ §§ 1967 и 1975 B. G. B.

³²¹⁾ Schweizerisches Zivilgesetzbuch, § 560.

³²²⁾ Подробности см. Z. G. B. §§ 566, 567 и 580. Кромѣ публичной въ швейцарскомъ правѣ существуетъ также охранительная инвентарная опись — въ качествѣ мѣры охраны открывшагося наследства. См. § 553.

³²³⁾ Ib. §§ 581, 582.

³²⁴⁾ Ib. §§ 587, 588, 589.

тарѣ, наследникъ отвѣчаетъ какъ наследственнымъ, такъ и своимъ имуществомъ, за долги же наследодателя, не внесенные въ инвентарную опись по винѣ кредиторовъ, наследникъ совсѣмъ не отвѣчаетъ, за долги, не внесенные въ опись не по винѣ кредиторовъ, наследникъ отвѣчаетъ, лишь поскольку онъ обогатился изъ наследства ³²⁵⁾.

Слѣдовательно, и по швейцарскому праву универсальная отвѣтственность является общимъ правиломъ, составленіе же инвентаря лишь даетъ наследнику возможность установить дѣйствительный активъ и пассивъ наследства и соотвѣственно этому принять или отказаться отъ наследства.

Наконецъ, русское право знаетъ универсальную отвѣтственность наследника (ст. 1259 т. X, ч. I Зак. Гр.), но не знаетъ инвентарной льготы.

По вышеприведеннымъ основаніямъ мы и говоримъ, что наследованіе не только по римскому, но и по современному праву есть универсальная сукцессія въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. общее правопреемство, соединенное (въ принципѣ) съ неограниченной отвѣтственностью по долгамъ наследодателя ³²⁶⁾.

Наследство переходитъ къ наследнику, какъ единое цѣлое, какъ комплексъ правъ и обязанностей. Въ этомъ комплексѣ къ наследнику переходятъ права и обязанности, о которыхъ онъ не знаетъ, и даже такія права, которыя наследникъ самъ лично за отсутствіемъ необходимой на это правоспособности не могъ бы приобрести ³²⁷⁾.

³²⁵⁾ Ib. § 589 in fine, § 590.

³²⁶⁾ Этими мы не хотимъ сказать, что наследственная универсальная сукцессія должна обязательно сопровождаться неограниченной отвѣтственностью преемниковъ по долгамъ и обязательствамъ наследодателя. Мы видѣли выше, что универсальная сукцессія есть общее правопреемство. Поэтому наследованіе остается универсальнымъ преемствомъ, хотя бы оно сопровождалось ограниченной отвѣтственностью преемниковъ по долгамъ наследодателя или вовсе не сопровождалось отвѣтственностью. Мы лишь указываемъ, что современное наследованіе основывается на римской плѣѣ о неограниченной отвѣтственности преемниковъ по долгамъ наследодателя и поэтому является универсальной сукцессіей въ широкомъ смыслѣ этого понятія.

³²⁷⁾ Paulus l 62 D. 41, I Quaedam, quae non possunt sola alienari, per universitatem transeunt, ut fundus dotalis ad heredem, et res, cuius aliquis commercium non habet...

По русскому праву, на основаніи закона 1887 г., иностранцы лишены возможности приобретать въ западныхъ губерніяхъ недвижимыя имѣнія внѣ го-

Переходя, какъ единое цѣлое, наслѣдство необходимо переходитъ путемъ одного акта, такъ что для пріобрѣтенія наслѣдственнаго имущества наслѣднику не нужно совершать многочисленныхъ, отдѣльныхъ для каждаго предмета, входящаго въ составъ наслѣдства, актовъ пріобрѣтенія.

На наслѣдника переходятъ всѣ права и обязанности наслѣдодателя, за исключеніемъ строго личныхъ—*jura personalissima*.

Послѣдняя группа довольно обширна. Сюда относятся прежде всего, какъ общее правило, личные права и преимущества умершаго и права семейныя; изъ имущественныхъ же отношеній не переходятъ на наслѣдника всѣ права и обязанности, тѣсно связанныя съ личностью умершаго. По римскому праву сюда относились: личные сервитуты, *mandatum, societas, locatio-conductio operarum, obligationes ex delicto*, иски о личномъ удовлетвореніи. По французскому праву не переходятъ на наслѣдника договоры найма работъ, договоръ товарищества, довѣренности³²⁸⁾. По русскому праву на наслѣдника не переходятъ отношенія, возникающія изъ договоровъ личного найма и довѣренности, доставленіе и полученіе алиментовъ, полученіе пенсіи, право на обратное полученіе дара, права на полученіе вознагражденія въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ 660—666 ст. ст. т. X, ч. I Зак. Гр., право на полученіе вознагражденія за утрату трудоспособности, обязанность мужа давать пропитаніе и содержаніе женѣ, обязанность дѣтей содержать родителей.

Такимъ образомъ на наслѣдника не переходятъ всѣ тѣ права и обязанности умершаго, которыя имѣютъ тѣсную связь съ личностью наслѣдодателя. Благодаря послѣднему обстоятельству существуетъ взглядъ, что наслѣдникъ является преемникомъ лишь имущественныхъ правъ и обязанностей умершаго³²⁹⁾. Однако, послѣдній взглядъ не представляется намъ правильнымъ. За всѣми указанными исключеніями наслѣдникъ все-таки является не только преемникомъ имущественныхъ

родскихъ поселеній, какъ въ собственность, такъ и въ пользованіе, но путемъ наслѣдованія иностранецъ можетъ пріобрѣсти право собственности на недвижимое имѣніе и въ западномъ краѣ (онъ лишь обязанъ продать имѣніе въ теченіе трехъ лѣтъ). Т. IX, прил. къ ст. 830, прим. 2, ст. ст. 1—3.

³²⁸⁾ Code civile, art. 1795, 1865, 2003. Ср. Planiol, op. cit.—§ 2064.

³²⁹⁾ Ср. Unger—System, Bd. VI, § 2 и прим. 5, Windscheid—Pand, III, § 528 и прим. 7 (9 изд.).

правъ, но и представителемъ наслѣдодателя, продолжателемъ его имущественно-правовой личности. Такъ, въ современныхъ монархіяхъ власть монарха переходитъ по наслѣдству, званіе цѣра Англій также наслѣдственно и т. п. Согласно § 1968 Герм. Гр. Улож. на наслѣдникѣ лежитъ обязанность погребенія, а слѣдовательно—указываетъ Дернбургъ—и охраненія правъ наслѣдодателя на мѣсто погребенія,—такъ что наслѣдникъ въ правѣ предъявить искъ о доставленіи подобающаго наслѣдодателю мѣста погребенія³³⁰⁾. Аналогичное постановленіе содержитъ и австрійское уложеніе (см. § 549). Наслѣдникъ, принявшій наслѣдство, лично отвѣчаетъ за долги наслѣдодателя. Если онъ даже принялъ наслѣдство подъ условіемъ ограниченной отвѣтственности, и въ такомъ случаѣ онъ отвѣчаетъ лично, но лишь въ предѣлахъ полученнаго. Если же наслѣдникъ принялъ наслѣдство безусловно, онъ отвѣчаетъ неограниченно по долгамъ наслѣдодателя, можетъ быть объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, т.-е. несетъ не только имущественныя, но и чисто личные послѣдствія принятія наслѣдства, является продолжателемъ личности наслѣдодателя. Такимъ же продолжателемъ личности наслѣдодателя является наслѣдникъ и въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтаетъ по наслѣдству такія права, которыя лично онъ не могъ бы пріобрѣсти. Въ послѣднемъ случаѣ правоспособность наслѣдодателя продолжается въ лицѣ его универсальнаго преемника и представителя.

Взглядъ на наслѣдника, какъ на представителя наслѣдодателя, положительно выраженъ не только въ римскомъ правѣ, но и въ нѣкоторыхъ современныхъ кодексахъ.

Римляне въ такихъ выраженіяхъ опредѣляли правовое положеніе наслѣдника: *succedat in locum defuncti*³³¹⁾, *heredem eisdem potestatis, jurisque esse, cuius fuit defunctus, constat*³³²⁾, *una quodammodo esse persona heredis et eius, qui in eum transmittit hereditatem*³³³⁾.

Изъ современныхъ кодексовъ взглядъ на наслѣдника, какъ представителя наслѣдодателя, прямо выраженъ въ австрійскомъ и французскомъ уложеніяхъ.

³³⁰⁾ См. Дернбургъ—Пандекты, III, § 55, II и прим. 8 и 9.

³³¹⁾ Gaius, Inst. IV, 34, ср. также I 3, § 2 D. 43, 19.

³³²⁾ Ulpianus I 59 D 50, 17.

³³³⁾ Nov. 48, praef. ср. также сар. I, § I той же новеллы.

Согласно § 547 Allg. Oest. B. G. В. „наслѣдникъ, какъ только онъ принялъ наслѣдство, по отношенію къ послѣднему *представляетъ* наслѣдодателя. Оба они по отношенію къ третьему лицу считаются за одно лицо“.

Art. 1220 Cod. civ. содержитъ указаніе, что наслѣдники „могутъ требовать долгъ или обязаны платить его не иначе, какъ соразмѣрно тѣмъ частямъ, которыя они получили, или въ которыхъ они ответственны, какъ *представители* (representant) кредитора или должника“.

Правительствующій Сенатъ говоритъ о наслѣдникахъ, какъ продолжателяхъ личности наслѣдодателя (рѣш. Гражд. К. Д. 1889/83, 1903/120, замѣняющихъ или представляющихъ его лицо (1880/283, 1889/83, ср. также 1895/74).

Наслѣдниками умершаго могутъ быть одновременно нѣсколько лицъ—сонаслѣдниковъ, которые всѣ призываются къ наслѣдованію совместно. Сонаслѣдники представляютъ одну сторону, одно собирательное лицо. Они призываются къ наслѣдованію во всемъ имуществѣ умершаго, но вслѣдствіе конкуренціи каждый получаетъ лишь часть наслѣдства (concurso partes fiunt). Однако, въ принципѣ каждый изъ нихъ является общимъ преемникомъ, что и сказывается практически, какъ только кто нибудь изъ нихъ устранился отъ наслѣдованія: часть его распределяется между прочими сонаслѣдниками, прирастаетъ къ ихъ частямъ (право приращенія) и за устраненіемъ всѣхъ конкурентовъ, оставшійся наслѣдникъ становится универсальнымъ преемникомъ. Эта возможность стать универсальнымъ преемникомъ отличаетъ долевого наслѣдника (сонаслѣдника) отъ частнаго преемника.

Выяснивъ понятіе наслѣдованія, мы и перейдемъ къ разрѣшенію вопроса, является ли право пережившаго супруга на указанную долю правомъ наслѣдованія.

Сторонники этого взгляда въ качествѣ основного аргумента ссылаются на то обстоятельство, что постановленія нашего законодательства о преемствѣ супруговъ помѣщены въ раздѣлѣ II, книги III, т. X., ч. I Зак. Гр., гласящемъ „о приобрѣтеніи имущества наслѣдствомъ по закону“, глава II этого раздѣла „о порядкѣ наслѣдованія по закону“ содержитъ V отдѣленіе, озаглавленное „о порядкѣ наслѣдованія супруговъ“. Одно помѣщеніе постановленій объ указанной долѣ въ раздѣлѣ о наслѣдо-

ваніи—по мнѣнію гг. Лаврова³³⁴⁾ и Змирлова³³⁵⁾—не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что право пережившаго супруга на указанную долю есть право наслѣдованія. Любавскій³³⁶⁾ къ этому доводу прибавляетъ указаніе на 1153 ст. т. X., ч. I, гдѣ сказано, что „мужъ наслѣдуетъ послѣ жены по тѣмъ же правиламъ, какъ и жена послѣ мужа“, а также и на 1160 ст., по силѣ коей къ мужу, принявшему съ Высочайшаго утвержденія фамилію своей жены вслѣдствіе пресѣченія мужского поколѣнія ея рода, въ случаѣ бездѣтной смерти жены, переходитъ все ея недвижимое имѣніе, которое дошло къ ней отъ отца. Товстолѣсъ³³⁷⁾, кромѣ того, указываетъ, что супруги, какъ и всѣ прочіе наслѣдники, подчиняются всѣмъ правиламъ, какія установлены для наслѣдниковъ вообще относительно открытія, принятія и отреченія отъ наслѣдства. Если къ сказанному добавить еще ссылку почти всѣхъ сторонниковъ разсматриваемаго взгляда на то, что пережившій супругъ отвѣчаетъ наравнѣ съ наслѣдниками за долги умершаго соответственно полученной имъ долѣ—то этимъ исчерпываются собственно всѣ наиболѣе существенные доводы въ пользу признанія преемства супруговъ правомъ наслѣдованія съ догматической точки зрѣнія. Разсмотримъ эти доводы.

Одно помѣщеніе постановленій объ указанной долѣ въ раздѣлѣ о наслѣдованіи подѣ рубрикою „о порядкѣ наслѣдованія супруговъ“ независимо отъ ихъ содержанія не можетъ служить еще несомнѣннымъ доказательствомъ, что право супруга на указанную долю есть право наслѣдованія. Мы знаемъ, что въ томъ же II раздѣлѣ и II главѣ въ отд. IV подѣ заглавіемъ „о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей“ и въ отд. VI подѣ рубрикою „о порядкѣ наслѣдованія въ имуществахъ выморочныхъ“ помѣщены постановленія о преемствѣ родителей въ имуществахъ дѣтей (1141—1147) и о преемствѣ разныхъ юридическихъ лицъ въ имуществахъ выморочныхъ (1162—1183), каковыя преемства не представляютъ права наслѣдованія. Чтобы не

³³⁴⁾ Журн. Мин. Юст. 1863г. кн. IX „Вопросъ Мейера о правѣ наслѣдованія вдовы и отвѣтственность ея въ долгахъ мужа“ стр. 79 и др.

³³⁵⁾ Журн. Мин. Юст. 1911 г. кн. I, стр. 148.

³³⁶⁾ Юридическія монографіи и изслѣдованія, т. I „Полученіе вдовою указанной части“, стр. 67.

³³⁷⁾ Журн. Мин. Юст. 1911 г., кн. V, стр. 41.

дѣлать голословныхъ утвержденій слѣлаемъ небольшое отступление и выяснимъ нашъ взглядъ на означенные виды преемства.

Несмотря на оглавленіе отдѣла: „о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей“ нашъ законъ ничего собственно не говоритъ о преемствѣ въ линіи восходящей, а только о преемствѣ родителей въ имуществѣ безпотомно умершихъ дѣтей.

Преемство родителей въ имуществѣ дѣтей распадается на два вида: 1) преемство въ имуществѣ, приобрѣтенномъ самими дѣтьми и 2) въ имуществѣ, подаренномъ имъ родителями.

По общепринятому въ литературѣ и судебной практикѣ мнѣнію родители не являются наслѣдниками своихъ дѣтей. Мнѣніе это основывается на буквальномъ толкованіи закона и содержаніи его постановленій. Въ ст. 1141 прямо сказано, „что родители не наслѣдуютъ послѣ дѣтей ихъ въ приобрѣтенномъ ими послѣдними имуществѣ“, а получаютъ это имущество при безпотомной смерти дѣтей лишь въ пожизненное пользование совокупно (ст. ст. 1141, 1145, т. X, ч. I), наслѣдниками же являются боковые родственники умершихъ. Имущество, подаренное родителями дѣтямъ, при безпотомной смерти послѣднихъ возвращается родителямъ, но „не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ“ и при томъ „каждому то, что отъ кого было получено“ (1142 ст.) — т. е. не родителямъ вообще, а родителю дарителю. Такимъ образомъ основаніемъ перехода имущества по 1142 ст. служить, повидимому, не близость кровнаго родства, а соображенія справедливости, выражающіяся въ возвратѣ подареннаго дарителю.

Мы съ своей стороны полагаемъ, что въ томъ и другомъ случаѣ законъ устанавливаетъ не наслѣдованіе (*successio universalis hereditaria*), а наслѣдственное преемство частнаго характера (*successio singularis hereditaria*).

Въ первомъ случаѣ имущество, самими дѣтьми приобрѣтенное, поступаетъ къ родителямъ вообще³³⁸). Основаніемъ перехода имущества служитъ здѣсь кровное родство. Родители получаютъ имущество лишь въ пользованіе (безъ права продать, заложить

³³⁸) Для точности отмѣтимъ, что подъ имуществомъ самими дѣтьми приобрѣтеннымъ мы подразумеваемъ всякое имущество дѣтей, за исключеніемъ указаннаго въ ст. ст. 1142 и 1144. Contra П. С. З. № 56832, рѣш. Гр. К. Д. 1869/16, 1872/16 и др.

или инымъ образомъ перевести имѣніе), слѣдовательно, они являются не наслѣдниками, а лишь частными преемниками умершихъ дѣтей (законными легатаріями). Права родителей въ данномъ случаѣ близко напоминаютъ прожиточныя права вдовъ въ московскомъ государствѣ. Даже самый терминъ „на прожитокъ“ встрѣчается въ законодательномъ источникѣ ст. 1141 (см. П. С. З. № 29511—14 іюня 1823 г.).

Во второмъ случаѣ буквальное содержаніе ст. 1142 говоритъ несомнѣнно въ пользу мнѣнія большинства. Однако, обращаясь къ основному источнику, изъ котораго заимствовано постановленіе 1142 ст., къ Высочайшему указу отъ 14 іюня 1823 г. мы убѣждаемся, что законодатель имѣлъ въ виду установить не новый случай возвращенія дара, а новый случай наслѣдственнаго преемства. Вопросы, которые пришлось разрѣшать Государственному Совѣту на основаніи двухъ частныхъ дѣлъ, заключались въ томъ: 1) наслѣдуютъ ли родители послѣ дѣтей своихъ и 2) кому отдавать имѣніе послѣ бездѣтно умершихъ дѣтей: родителямъ или въ родъ. При разрѣшеніи этихъ вопросовъ было указано, что „постановленіе, устранившее родителей отъ наслѣдства послѣ дѣтей, не соответствуетъ болѣе настоящему времени“. При семъ Государственный Совѣтъ высказалъ слѣдующія соображенія:... „Хотя нѣтъ опредѣлительнаго закона о правѣ наслѣдованія восходящей линіи, и приобрѣтенное имѣніе всегда отдается въ родъ, а не родителямъ умершаго; однакожь въ случаѣ, когда имѣніе не есть приобрѣтенное, но родовое, уступленное сыну или дочери родителями при жизни сихъ послѣднихъ, и могущее почитаться даромъ отъ нихъ дѣтямъ, и когда притомъ послѣ умершаго сына или дочери не осталось дѣтей, но токмо наслѣдники побочныхъ линій, то имѣніе сіе не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ, должно быть возвращено къ родителямъ, отъ коихъ оно получено было...“ И далѣе, отмѣтивъ отсутствіе въ нашихъ законахъ постановленія относительно обращенія имѣній безпотомно умершихъ дѣтей по восходящей линіи къ родителямъ, указъ обосновываетъ то же положеніе слѣдующимъ образомъ. „А какъ отцы и матери по праву естественному суть ближайшіе всѣхъ прочихъ дѣтямъ родственники: то по разуму сихъ узаконеній, не удалены они отъ права наслѣдовать оставшимся послѣ умершихъ бездѣтно сыновей и дочерей имѣніями, и для того имѣнія, послѣ умершихъ бездѣтно сына или дочери оставшіяся, которыя получены ими были отъ отца или отъ ма-

тери. обращать на правѣ полного и законнаго наслѣдія къ отцу и къ матери, каждому то, что отъ кого умершимъ дано было: имѣнія же, благонажитыя умершими безпотомно дѣтьми, отдавать въ пожизненное владѣніе отцу и матери совокупно, буде обон въ живыхъ останутся...—Такимъ образомъ изъ содержанія приведеннаго законоположенія видно, что законодатель имѣлъ на мѣрѣ призвать родителей къ наслѣдственному преемству послѣ дѣтей, такъ какъ родители по праву естественному являются ближайшими родственниками дѣтей. Выраженіемъ же „не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ“, перешедшимъ при составленіи свода въ текстъ ст. 1142, законодатель имѣлъ въ виду подчеркнуть то положеніе, что родители вообще не наслѣдуютъ въ имущество дѣтей, но въ данномъ случаѣ имущество, безмездно уступленное дѣтямъ родителями, возвращается послѣднимъ не по общимъ правиламъ наслѣдованія, а по особому исключительному правилу наслѣдственнаго преемства, относящемуся только до имуществъ подаренныхъ.

18 іюля 1827 г. ³³⁹⁾ „положеніе 18 марта (іюня 14) 1823 года о наслѣдствѣ родителей послѣ умершихъ дѣтей, было распространено на капиталы, въ кредитныя установленія внесенные, при чемъ „на точномъ основаніи“ указаннаго законоположенія было постановлено: капиталы, дошедшіе дѣтямъ отъ родителей, согласно свидѣтельствамъ судебныхъ мѣстъ, обращать въ собственность родителей, а съ капиталовъ самими дѣтьми приобретаемыхъ, выдавать родителямъ одни только проценты (ст. ст. 1144 и 1145). О противоположеніи наслѣдства и дара здѣсь совсѣмъ не упоминается.

Въ подтвержденіе высказаннаго взгляда мы сошлемся еще на ст. 132¹³⁾—т. X, ч. I: „мать вѣбрачнаго ребенка наслѣдуетъ послѣ него по правиламъ о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей“. Изъ содержанія этой статьи можно вывести неоспоримое заключеніе, что законъ нашъ смотритъ на переходъ имущества въ линію восходящую, какъ на наслѣдственное преемство.

Наконецъ, возложеніе на дарителя какой бы то ни было отвѣтственности по долгамъ одареннаго, не соотвѣтствуетъ природѣ отношеній, возникающихъ изъ договора даренія. Между тѣмъ изъ содержанія ст. 1146 съ несомнѣнностью очевидно, что и на подобное имущество падаетъ отвѣтственность по долгамъ

³³⁹⁾ П. С. З. № 1250.

умершаго. Слѣдовательно, и родитель-даритель отвѣчаетъ за долги умершаго сына въ предѣлахъ полученнаго имущества—что и подтверждено Правительствующимъ Сенатомъ.

Всѣ изложенныя соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что переходъ имущества умершихъ дѣтей къ родителямъ, установленный ст. ст. 1142 и 1144 т. X, ч. I Св. Зак. Гражд., представляетъ не возвращеніе дарителю его дара, а наслѣдственное преемство въ этомъ имуществѣ.

Однако, отсюда еще не слѣдуетъ, что родителямъ принадлежить право наслѣдованія въ имуществѣ дѣтей, что родители являются „наслѣдниками“ безпотомно умершихъ дѣтей. Ни постановленіе указа 14 іюня 1823 г. о томъ, что имѣнія безпотомно умершихъ дѣтей надлежитъ обращать къ родителямъ „на правѣ полного и законнаго наслѣдія“, ни выраженіе ст. 132¹³⁾, что мать „наслѣдуетъ“ послѣ своего вѣбрачнаго ребенка, не могутъ служить доказательствомъ права наслѣдованія родителей. Здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ неправильной терминологіей нашего закона, слишкомъ обобщающаго явленія и смѣшивающаго разные виды наслѣдственнаго преемства. Наслѣдованіе есть прежде всего общее преемство, переходъ всей совокупности имущественныхъ отношеній умершаго путемъ одного акта, на основаніи одного титула. Преемство родителей носитъ иной характеръ. Родители, какъ таковые, являются лишь пожизненными владѣльцами въ имуществѣ дѣтей, т. е. частными преемниками послѣднихъ. И только имущество подаренное возвращается въ порядкѣ наслѣдственнаго перехода въ собственность, но не къ родителямъ вообще, а лишь къ родителю-дарителю, что и создаетъ исключительный случай частнаго наслѣдственнаго преемства ³⁴⁰⁾.

³⁴⁰⁾ Правит. Сенатъ не признаетъ родителей наслѣдниками безпотомно умершихъ дѣтей (ср. рѣш. Гр. Кассац. Деп. 1873—758, 1876—274), но вмѣстѣ съ тѣмъ называетъ родителей, получающихъ имущество дѣтей, преемниками ихъ правъ (1873/436) и возлагаетъ на родителей отвѣтственность по долгамъ дѣтей въ размѣрѣ полученнаго отъ нихъ имущества (см. указанныя рѣшенія). Кроме того, Правит. Сенатъ признаетъ за пережившимъ супругомъ право на выдѣлъ и изъ того имущества безпотомно умершаго супруга, которое было подарено послѣднему его родителями (1884/34). Указанные выводы Сената изъ содержанія разсматриваемыхъ нами постановленій, правильные по существу, могутъ быть логически обоснованы лишь въ томъ случаѣ, если разсматривать право родителей на имущество умершихъ дѣтей, какъ наслѣдственное преемство сингулярнаго характера.

Постановленія русскаго права о преемствѣ родителей въ подаренномъ имуществѣ дѣтей напоминаютъ аналогичныя постановленія французскаго права—le droit de retour legale этого послѣдняго³⁴¹⁾. Les ascendants succèdent, à l'exclusion de tous autres, aux choses par eux données à leurs enfants ou descendants décédés sans postérité, lorsque les objets donnés se retrouvent en nature dans la succession. Si les objets ont été aliénés, les ascendants recueillent le prix qui peut en être dû. Ils succèdent aussi à l'action en reprise que pouvait avoir le donataire (art 747)³⁴²⁾.

Нашъ сводъ зак. гр. предоставляетъ восходящему дарителю болѣе ограниченныя права, нежели французскій кодексъ. По своему прямому содержанию постановленія нашего закона относятся только къ родителямъ, а не восходящимъ вообще и имѣютъ въ виду лишь возвращеніе дара, когда послѣдній находится въ составѣ наследственнаго имущества въ натурѣ. Однако, мы полагаемъ, что и по нашему закону нѣтъ основаній отрицать за родителями-дарителями право на полученіе цѣны подареннаго дѣтямъ имущества, если послѣднее было отчуждено безпотошно умершимъ сыномъ или дочерью, но цѣна его не была еще получена ими при жизни. Равно какъ въ извѣстныхъ случаяхъ родителямъ должно быть предоставлено и право на искъ о подаренномъ имуществѣ, когда такое право принадлежало умершему одаренному (напр. при завладѣніи 3-мъ лицомъ, при недѣйствительности сдѣлки объ отчужденіи и т. п.).

Право фиска и различныхъ юридическихъ лицъ на выморочныя имущества также не является правомъ наследованія³⁴³⁾.

По своему происхожденію право фиска представляетъ привилегированную оккупацию публично-правового характера. По основнымъ признакамъ, какіе присвоены праву казны римскимъ и современными законодательствами, это право является уни-

³⁴¹⁾ И весьма можетъ быть, что на указанныя постановленія оказало вліяніе французское право, такъ какъ ихъ происхожденіе относится какъ разъ къ той эпохѣ, когда нормы кодекса охотно ренессировались у насъ.

³⁴²⁾ Planiol называетъ преемство восходящихъ въ подаренномъ имуществѣ, установленное art. 747 Cod. Civ. аномальнымъ наследованіемъ и по своему характеру частнымъ преемствомъ (à titre particulier). См. ук. соч. т. III, §§ 1893, 1906 и др.

³⁴³⁾ Чтобы не выходить изъ предѣловъ нашей непосредственной задачи мы ограничимся здѣсь лишь бѣглымъ обзоромъ вопроса, находя, однако, необходимымъ вернуться къ этому вопросу отдѣльно.

версальнымъ преемствомъ особаго рода (successio universalis sui generis).

Такъ, въ Римѣ первоначально выморочнымъ имуществомъ могъ завладѣть первый оккупантъ и провладѣвъ имъ въ теченіе года pro herede, приобреталъ право собственности на выморочное имущество и даже занималъ правовое положеніе наследника (usucapio pro herede). Lex Julia et Papia Poppaea предоставляла право на bona vacantia казнѣ, и постепенно праву казны на выморочныя имущества были приданы черты универсальнаго преемства.—Казна приобретала не только corpora, но также и jura hereditaria, какъ единое цѣлое и какъ цѣлое же могла продать выморочное имущество. Искъ фиска о выморочномъ имуществѣ являлся искомъ универсальнымъ, равно какъ и противъ фиска употреблялись универсальные иски. Фискъ вступалъ не только въ права, но и въ обязательства умершаго, а также обязанъ былъ исполнить сингулярныя и универсальныя отказы назначенныя завѣщателемъ. Фискъ могъ принять или отказаться отъ выморочнаго наследства.

Такимъ образомъ казна была поставлена въ положеніе, подобное положенію наследника, однако, съ нѣкоторыми существенными особенностями. А именно. Была установлена особая сокращенная (4 г.) давность для пріобрѣтенія казною имущества по выморочному праву. Фискъ не могъ принять наследства безъ инвентарной льготы и, слѣдовательно, отвѣчалъ по долгамъ и обремененіямъ выморочнаго наследства лишь въ предѣлахъ полученнаго. Фискъ обязанъ былъ исполнить отказы и въ томъ случаѣ, если testamentum destitutum не содержало кодиллярной оговорки. Продажею выморочнаго имущества фискъ освобождался отъ всякой отвѣтственности передъ кредиторами наследственной массы; по долгамъ и обязательствамъ умершаго собственника отвѣчалъ въ этомъ случаѣ—вопреки общему правилу—покупщикъ³⁴⁴⁾.

Въ средневѣковомъ (частномъ) нѣмецкомъ правѣ, по мнѣнію

³⁴⁴⁾ Источники и литература. Cicero: De legibus—II, §§ 48, 49, Gaius—Inst. II, 52—58, Ulpianus: Fragmenta, XXVIII, 7, Gaius—Inst., II, § 150, Cod X, 10 de bonis vacant., C. 4, 39 de hered. v. act. vend., D 49, 14 de jure fisci, Girard—Manuel élémentaire de droit romain, §§ 878, 887, Vangerow—Lehrbuch der Pandekten, § 564, Дерябурзь—Pandekten, § 65, Arnds—Lehrbuch der Pandekten, § 608, Windscheid—Lehrbuch des Pandektenrechts 9 изд., III, § 622 и др.

германистовъ, приобретение выморочнаго наследства являлось публично-правой оккупацией безхозяйнаго имущества — *Heimfallsrecht* или *hohheitsrechtliche Occupation herrenlosen Gutes*. Въ средневѣковой Франціи, именно въ той части ея, гдѣ дѣйствовало обычное право (*le pays de droit coutumier*) *droit de déshérence* носило тотъ же характеръ публично-правовой оккупации³⁴⁵⁾.

Рецепція римскихъ правовыхъ началъ повела къ укрѣпленію римскаго взгляда на выморочное право казны. Этотъ взглядъ благодаря вліянію пандектнаго права сдѣлался господствующимъ въ современныхъ кодексахъ.

Современныя законодательства разсматриваютъ право казны на выморочныя имущества какъ универсальное преемство и преемство не только въ правахъ, но и въ обязанностяхъ умершаго собственника выморочнаго наследства. Въмѣстѣ съ тѣмъ современные законодательства содержатъ и постановленія, необходимо отличающія выморочное право отъ права наследованія.

Такъ, по французскому гражданскому кодексу для приобретения выморочнаго наследства (какъ единаго цѣлаго) казна въ отличіе отъ наследниковъ—обязана составить инвентарь и просить о судебномъ вводѣ во владѣніе. Казна отвѣчаетъ по долгамъ и обремененіямъ наследства только *cum beneficio inventarii*. Art. 723 Code. civ. противопоставляетъ законныхъ и натуральныхъ наследниковъ пережившему супругу и государству и постановленія о преемствѣ послѣднихъ содержатся въ особой главѣ о нерегулярномъ наследованіи (преемствѣ)³⁴⁶⁾.

По австрійскому праву казна также вступаетъ во всю совокупность имущественно-правовой сферы умершаго. Ей принадлежитъ *Erbschaftsklage*. Казна обязана выполнить легаты и уплатить долги наследодателя, но вслѣдствіе обязательнаго составленія инвентаря отвѣчаетъ по долгамъ и обремененіямъ лишь *cum viribus hereditatis*³⁴⁷⁾.

Постановленія итальянскаго кодекса о выморочномъ правѣ содержатся подъ рубрикой о законномъ наследованіи (преемствѣ). Но наследство, открывшееся юридическимъ лицамъ (*ai corpi morali*),

³⁴⁵⁾ Stobbe—Handbuch des deutschen Privatrechts, V, § 297, R. Schröder—Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, изд. 1907 г. S. 217, 221, 285, 337, 465, 603, 610, Viollet,—Histoire du droit civil français, pp. 912, 913, изд. 1905 г.

³⁴⁶⁾ Code civile, art. 768—770, 772, Planiol—Traité, III §§ 1922,—1925.

³⁴⁷⁾ Allg. Oest. B. G. B. § 760 V. P. 9 Aug. 1854 (§ 128 и сл.). Unger—System, VI, § 90 и прим. 9—12.

не можетъ быть принято иначе, какъ съ дозволенія подлежащей власти, изъявившей согласіе въ формѣ, установленной специальнымъ закономъ, и кромѣ того не иначе какъ подъ условіемъ бенефициарной льготы^{347*)}.

Германское гражданское уложеніе называетъ казну законнымъ наследникомъ. Въ качествѣ такового казна несетъ всѣ послѣдствія, связаннаго съ принятіемъ наследства. Однако, и въ германскомъ уложеніи существуютъ серьезныя особенности, отличающія преемство казны отъ права наследованія. Такъ, казна не можетъ отказаться отъ принятія выморочнаго наследства. Казнѣ не можетъ быть назначенъ срокъ на составленіе инвентаря; слѣдовательно, она всегда можетъ потребовать составленія инвентаря, учрежденія управленія имуществомъ и такимъ образомъ ограничить свою отвѣтственность предѣлами полученнаго³⁴⁸⁾.

По швейцарскому гражданскому уложенію выморочное наследство поступаетъ кантону, гдѣ наследодатель имѣлъ послѣднее мѣсто жительства или управомоченной законодательствомъ этого кантона общинѣ. Переходъ выморочнаго наследства къ кантону или общинѣ сопровождается обязательнымъ вызовомъ кредиторовъ умершаго для составленія счета актива и пассива. Но такъ какъ составленіе инвентаря и вызывное производство сами по себѣ не ограничиваютъ еще, какъ мы видѣли выше, по швейцарскому праву отвѣтственности преемника, то швейцарскій кодексъ содержитъ прямое постановленіе, что государство отвѣчаетъ по обремененіямъ выморочнаго наследства лишь въ предѣлахъ цѣнности полученнаго³⁴⁹⁾.

По римскому и современнымъ законодательствамъ преимущественное передъ фиксомъ право на выморочныя наследства имѣютъ нѣкоторыя юридическія лица. Ихъ права являются привилегіями производнаго характера, въ основаніи коихъ лежитъ право государства.

Разсматривая право фикса на выморочныя имущества, согласно римскому и современнымъ законодательствамъ, мы убѣждаемся, что оно представляется универсальнымъ преемствомъ. Но это преемство не можетъ быть названо правомъ наследованія по слѣдующимъ соображеніямъ.

^{347*)} Codice civile del regno d' Italia, §§ 758, 932.

³⁴⁸⁾ B. G. B. für das deut. Reich, §§ 1936, 1964—1966, 2011, Kipp—ук. соч., § 6.

³⁴⁹⁾ Schw. Z. G. B. §§ 466, 592.

1) Наслѣдникъ есть не только преемникъ имущественныхъ правъ и обязанностей наслѣдодателя, но и представитель его личности. Такимъ представителемъ казна и юридическія лица быть не могутъ.

2) Наслѣдственное право римское и современныхъ государствъ построено на принципѣ кровнаго родства, при чемъ нѣкоторыя законодательства къ указанному основанію присоединяютъ еще отношенія между супругами, вытекающія изъ союза брачнаго. Благодаря этому современное наслѣдованіе представляется исключительно какъ преемство лицъ физическихъ.

3) Наслѣдованіе есть преемство частное, институтъ частного права. Между тѣмъ какъ право фиска на выморочныя имущества заключаетъ въ себѣ черты публичнаго права. Такъ, государство и тѣ юридическія лица, коимъ законъ предоставляетъ права на выморочныя имущества, не являются юридическими лицами частного права, а представляютъ собою организациі публичнаго характера. Право фиска на выморочныя имущества основывается на интересѣ публичномъ, государственномъ: увеличеніи дохода казны, обращеніи выморочныхъ имуществъ на государственныя или общественныя нужды. Частный интересъ перваго оккупанта уступаетъ здѣсь мѣсто интересу общественному. Публичный характеръ права фиска выражается и въ томъ, что фискъ отвѣчаетъ по долгамъ и обремененіямъ выморочнаго наслѣдства лишь *intra vires hereditatis*. Возложеніе на казну неограниченной отвѣтственности противорѣчило бы положенному въ основаніе права казны общественному интересу.

4) По общему правилу право (собственности) казны на выморочное имущество возникаетъ лишь по истеченіи давностнаго срока на заявленіе наслѣдниками своихъ правъ на него, т. е. только съ погашеніемъ всѣхъ наслѣдственныхъ правъ; до того времени выморочное имущество поступаетъ лишь въ управленіе и охраненіе казны.

Не являясь наслѣдованіемъ, право казны на выморочныя имущества представляетъ, однако, универсальное преемство особаго рода. Выше мы видѣли, что въ римскомъ правѣ, кромѣ наслѣдственной универсальной сукцессіи, существовалъ цѣлый рядъ особыхъ универсальныхъ сукцессіи: при *arrogatio*, *in manum conventio*, *emptio venditio bonorum debitoris*, въ случаяхъ *addictio bonorum libertatum cōservandarum causa*, *acquisitio ex senatusconsulto Claudiano*, *usu apio pro herede*, *in jure cessio hereditatis* и нѣк. др. Пре-

емство фиска и представляетъ одинъ изъ такихъ особыхъ видовъ универсальной сукцессіи.

Въ современномъ правѣ существуетъ еще одинъ аналогичный видъ универсальной сукцессіи: право казны на имущества прекратившихъ свое существованіе юридическихъ лицъ, преслѣдующихъ общественные интересы, возникающее въ томъ случаѣ, когда уставомъ не опредѣлена судьба имущества на случай прекращения бытія даннаго юридическаго лица (ср. § 45 герм. гр. ул.).

Обращаясь къ праву русскому, мы должны прежде всего отмѣтить, что по своему происхожденію право казны на выморочныя имущества носитъ здѣсь характеръ привилегированной оккупациі, основанной на суверенномъ правѣ государства на безхозныя имущества (ср. въ особенности инструкцію канцеляріи конфискаціи отъ 7 авг. 1730 г.³⁵⁰), а также указы отъ 4 апр. 1767 г.³⁵¹), 21 мая 1820 года³⁵²) и др.).

Указанный характеръ выморочнаго права сохранился и въ сводѣ законовъ. Ст. 406 т. X. ч. 1 Св. Зак. Гр. содержитъ постановленіе, что „всѣ имущества, не принадлежащія никому въ собственности..., принадлежатъ къ составу имуществъ государственныхъ“. Перечисляя подробно государственныя имущества, законодатель далѣе въ ст. 408 указываетъ: „къ составу государственныхъ имуществъ принадлежатъ также, за изъятіями указанными въ статьяхъ 1167 и слѣд., имущества выморочныя“. Статья же 1167, на которую ссылается 408 ст. находится подъ рубрикой: „о порядкѣ наслѣдованія въ имуществахъ выморочныхъ“ и содержитъ постановленіе: „выморочныя имущества, исключая случаевъ, опредѣленныхъ ниже, обращаются въ государственную казну“. Такимъ образомъ несомнѣнно, что между статьями 406, 408 и 1167 существуетъ внутренняя связь, что они основаны на одномъ общемъ принципѣ и этимъ принципомъ является суверенное право государства на всѣ имущества, находящіяся на территоріи государства и не принадлежащія никому на правѣ частнаго обладанія.

Однако, и по нашему законодательству право казны не представляется простой оккупацией выморочнаго имущества. Вліяніе началъ римскаго права сказалось и на нашемъ законо-

³⁵⁰) П. С. З. № 5601.

³⁵¹) П. С. З. № 12864.

³⁵²) П. С. З. № 28277.

дательствѣ по данному вопросу. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ романистическихъ началъ составители Свода Законовъ Гражданскихъ ввели въ него 1263 ст., согласно коей казна и прочія мѣста и вѣдомства, „принявшія наслѣдство“ въ выморочныхъ имуществахъ отвѣчаютъ по долгамъ и обремененіямъ этого наслѣдства. Законъ говоритъ о казнѣ, „принявшей наслѣдство“, а наслѣдство, согласно ст. 1104, есть „совокупность имущества, правъ и обязательствъ“. Слѣдовательно, законъ находитъ, что казна вступаетъ во всю совокупность имущественныхъ отношеній умершаго собственника выморочнаго наслѣдства, т. е. является его универсальнымъ преемникомъ. Такимъ образомъ и на основаніи X тома преемство казны представляется, какъ *successio universalis*, т. е. универсальнымъ преемствомъ публично-правового характера, основаннымъ на суверенномъ правѣ государства на безхозяйныя имущества. Но такъ какъ казна не является наслѣдникомъ, то и отвѣтственность казны по долгамъ и обязательствамъ умершаго собственника выморочнаго имущества, въ виду публично-правового характера преемства и общественнаго интереса, служащаго ея основаніемъ, можетъ быть признана и по нашему праву лишь въ размѣрѣ обогащенія казны. Признаніе отвѣтственности казны *ultra vires hereditatis* противорѣчило бы публичной природѣ этого преемства, ея общественному значенію.

Права же различныхъ юридическихъ лицъ на выморочныя имущества и по нашему законодательству являются привиллегіями производнаго характера³⁵³⁾.

Такимъ образомъ, ни преемство восходящихъ, ни преемство казны и юридическихъ лицъ по русскому праву не представляютъ собою наслѣдованія, хотя они помѣщены подъ рубрикой „о порядкѣ наслѣдованія“. Слѣдовательно, и помѣщеніе постановленій объ указной части пережившаго супруга подъ той же рубрикой само по себѣ не можетъ служить еще безусловнымъ доказательствомъ того, что и это преемство представляетъ собою наслѣдованіе.

³⁵³⁾ См. о природѣ выморочнаго права въ русской литературѣ: Мейеръ—„Русское гражданское право, изд. 9, стр. 306—308, Шершеневичъ—„Учебникъ русскаго гражданскаго права“, изд. 6, стр. 747—748. Курдюковскій.—„Выморочныя имущества“ Жур. Мпн. Юст. 1902 г. №№ 5—8, Анненковъ—„Система русскаго гражданскаго права“, VI. изд. 1909 года, стр. 365—378. Кавелинъ—„Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ“, 1879 г. стр. 375—376, 386—387.

Обращаясь къ содержанію постановленій объ указной части, мы легко убѣждаемся, что право пережившаго супруга на получение указной части не можетъ быть признано правомъ наслѣдованія.

1) Пережившій супругъ послѣ умершаго „получаетъ изъ недвижимаго имѣнія седьмую часть, а изъ движимаго четвертую“ (1148 и 1153 ст. т. X, ч. 1).

Такимъ образомъ пережившій супругъ призывается къ преемству въ опредѣленной долѣ наслѣдства. Возникаетъ вопросъ, не является ли онъ долевымъ наслѣдникомъ (сонаслѣдникомъ), конкурирующимъ съ прочими наслѣдниками въ общемъ преемствѣ. Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Ни въ источникахъ, ни въ постановленіяхъ десятаго тома о вдовьей долѣ не содержится указаній на то, что жена послѣ мужа или мужъ послѣ жены могутъ стать общими преемниками одинъ другого. По русскому праву пережившій супругъ получаетъ изъ имущества умершаго только опредѣленную указную часть ($\frac{1}{7}$ и $\frac{1}{4}$), которая не увеличивается и не уменьшается отъ состава и количества наслѣдниковъ и пережившій супругъ не участвуетъ въ конкуренціи сонаслѣдниковъ. Наоборотъ, указная доля выдѣляется изъ наслѣдственной массы, которая—за этимъ выдѣломъ—и подвергается указанной конкуренціи (ср. ст. 1128 и 1131 т. X, ч. 1). Указная доля остается неизмѣнной и въ томъ случаѣ, когда остальная часть наслѣдственнаго имущества становится выморочной. Такимъ образомъ указная часть не является квотой долевого наслѣдника, способной при устраненіи конкуренціи превратиться въ общее преемство, т. е. наслѣдованіе. Слѣдовательно, право пережившаго супруга на имущество умершаго остается преемствомъ частнымъ.

Остальныя постановленія нашего законодательства лишь еще болѣе подчеркиваютъ различіе между правомъ наслѣдованія и правомъ на выдѣлъ указной части.

2) Право пережившаго супруга на указную часть есть право личное и пожизненное (1152 ст.).

Просьба о выдѣлѣ указной части должна быть заявлена самимъ супругомъ³⁵⁴⁾ при жизни, а не въ посмертномъ распоряженіи. Въ то время какъ право на открывшееся наслѣдство, не использованное ближайшимъ наслѣдникомъ, переходитъ (въ пре-

³⁵⁴⁾ Исключеніе составляетъ 1155 ст.

дѣлахъ земской давности) на наслѣдниковъ перваго наслѣдника, которые и могутъ осуществить его, право на выдѣлъ указной части по наслѣдству не переходить. Наслѣдники пережившаго супруга лишены права требовать выдѣла указной части, если просьба о такомъ выдѣлѣ не была заявлена самимъ пережившимъ супругомъ.

3) Право на выдѣлъ указной части не подлежитъ дѣйствию общей земской давности (1152 ст.), въ то время какъ право наслѣдованія подчиняется дѣйствию земской давности.

4) Наконецъ, постановленія ст.ст. 1151, 1153 и 1154 о выдѣлѣ указной части изъ имущества тестя и свекра выводятъ насъ вообще за предѣлы наслѣдственнаго права. Наслѣдованіе есть преемство въ имуществѣ лица умершаго. Между тѣмъ, согласно указаннымъ статьямъ закона, въ томъ случаѣ, когда за умершимъ супругомъ собственнаго недвижимаго имѣнія не было, выдѣлъ указной части пережившему супругу производится изъ недвижимаго имѣнія тестя или свекра при жизни послѣднихъ.

5) По нашему законодательству право наслѣдованія принадлежитъ лишь родственникамъ по крови, членамъ одного съ наслѣдодателемъ рода (ст.ст. 1111, 1112 т. X, ч. 1), свойство же не даетъ права наслѣдованія по закону (ст. 1120).

Помѣщеніе постановленій о преемствѣ восходящихъ, казны и супруговъ въ X томѣ подъ рубрикой „наслѣдованіе“ находитъ свое объясненіе въ томъ, что юридическая мысль нашихъ предковъ не только въ XVII, но и въ XVIII столѣтіи не различала общаго преемства въ имуществѣ умершаго отъ частнаго. Наслѣдованіе разсматривалось не какъ универсальная сукцессія, а какъ фактическій раздѣлъ наслѣдственнаго имущества между лицами, призванными къ тому закономъ или завѣщаніемъ умершаго, среди которыхъ правосознаніе эпохи не различало общихъ преемниковъ отъ частныхъ. Понятіе о наслѣдственномъ имуществѣ какъ единомъ цѣломъ, какъ совокупности правъ и обязанностей, оставшихся послѣ умершаго, появилось въ нашемъ законодательствѣ лишь въ XIX ст., а опредѣленія права наслѣдованія и точнаго различія между общимъ и частнымъ преемствомъ наше законодательство не дало и до настоящаго времени. Поэтому вполне понятно, что въ Сводѣ Законовъ подъ рубрикой „право наслѣдованія“ мы встрѣчаемъ самыя разнообразныя постановленія о преемствѣ въ имуществѣ умершаго—безъ различія ихъ юридической природы. Государственный Совѣтъ въ своихъ

дальнѣйшихъ разъясненіяхъ правилъ о преемствѣ супруговъ естественно употребляетъ общепринятую терминологию Свода Законовъ и говоритъ „о порядкѣ наслѣдованія супруговъ“, „касательно порядка наслѣдованія супруговъ“³⁵⁵) „мужъ послѣ жены наслѣдуетъ по тѣмъ же правиламъ, какъ и жена послѣ мужа“³⁵⁶). Послѣднее выраженіе вошло и въ ст. 1153 т. X, ч. 1 Зак. Гр. Но та или другая терминологія не измѣняетъ матеріальнаго содержанія постановленій о вдовьей долѣ.

Не правильно также утвержденіе г. Товстолѣва (см. выше), что супруги наравнѣ съ прочими наслѣдниками подчиняются всѣмъ правиламъ, установленнымъ для наслѣдниковъ вообще, относительно открытія, принятія и отреченія отъ наслѣдства. Такъ, наслѣдованіе открывается только въ имуществѣ лица умершаго (физической или гражданской смертью), выдѣлъ указной доли производится и изъ имущества живого лица. Принятіе наслѣдства обусловлено общимъ срокомъ земской давности (1246 ст.), выдѣлъ же указной доли такимъ срокомъ не обусловленъ. Принятіе наслѣдства со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями возможно не только путемъ утвержденія въ правахъ наслѣдства, но и посредствомъ дѣйствій въ качествѣ наслѣдника (*pro herede gestio*—1261 ст.), пережившій супругъ долженъ просить о выдѣлѣ указной части. Наличные наслѣдники могутъ принять наслѣдство и вступить во владѣніе наслѣдствомъ въ доляхъ, превышающихъ ихъ законныя доли (1241 ст.), равно какъ и утвердиться въ правахъ наслѣдства ко всему имуществу умершаго, пережившій же супругъ, не имѣя права приращенія, является законнымъ преемникомъ умершаго лишь въ $\frac{1}{4}$ части движимости и $\frac{1}{7}$ недвижимости.

По всѣмъ приведеннымъ выше соображеніямъ право пережившаго супруга на указную часть не можетъ быть признано правомъ наслѣдованія, а лишь частнымъ преемствомъ въ имуществѣ умершаго.

Умѣстно задаться вопросомъ, примѣнны ли вообще положенія, созданныя римскимъ правомъ, къ русскому наслѣдственному праву. Можно ли говорить объ общемъ и частномъ преемствѣ въ имуществѣ умершаго по русскому праву?—Возможно. И при томъ возможно не только потому, что указанные положенія есть

³⁵⁵) См. П. С. З. № 9251.

³⁵⁶) См. П. С. З. № 10110.

научныя категоріи, руководствуясь коими и надлежит подходить къ изученію фактическаго матеріала. Но и помимо этого, несмотря на всю неполноту и недостаточность опредѣленій X тома о правѣ наслѣдованія и происходящее отсюда смѣшеніе понятій, мы находимъ здѣсь достаточно данныхъ для того вывода, что и нашему законодательству не чуждъ взглядъ на наслѣдованіе, какъ на общее преемство, универсальную сукцессію.

Этотъ выводъ вытекаетъ изъ содержанія 1104 и 1259 ст. ст. т. X, ч. I Зак. Гр. Наслѣдство есть совокупность имущества, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго (1104 ст.) на принявшаго наслѣдство (т. е. указанную совокупность имущества, правъ и обязательствъ) вмѣстѣ съ правами переходить и обязанность неограниченно отвѣчать по долгамъ наслѣдодателя (1259 ст.). Понятіе о наслѣдствѣ, изложенное въ 1104 ст., появилось въ нашемъ законодательствѣ нѣсколько раньше составленія Свода Законовъ, а установленіе неограниченной отвѣтственности наслѣдника по долгамъ наслѣдодателя (1259 ст.) появилось впервые въ Сводѣ Законовъ. Изъ сопоставленія содержанія 1104 и 1259 ст. ст. т. X, ч. I очевидно, что и по нашему законодательству наслѣдованіе должно быть разсматриваемо какъ безмездный переходъ совокупности правъ и обязательствъ умершаго, т. е. общее преемство, и наслѣдникъ какъ лицо, принявшее эту совокупность со всѣми правами и обязанностями по ней.

Такъ смотритъ на данныйъ вопросъ и Правительствующій Сенатъ, см. рѣшенія Гр. К. Д. 1875/843, 1890/43, 1893/4 и др.

Такимъ образомъ примѣненіе положеній, выработанныхъ наукой права, къ нашему наслѣдственному праву не только возможно, но и необходимо. Оно находитъ опору въ самомъ законѣ.

Однако, чтобы не оказаться одностороннимъ, необходимо сдѣлать одну существенную оговорку. Право наслѣдованія основывается у насъ на принципѣ кровнаго родства, на принадлежности къ одному съ наслѣдодателемъ роду (1105, 1111 и 1112 ст. ст. т. X, ч. I). Каждое лицо принадлежитъ одновременно къ двумъ родамъ—къ роду отца и къ роду матери и можетъ стать собственникомъ имущества, дошедшаго къ нему изъ того и другого рода. Послѣднее обстоятельство имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ наше право сохраняетъ еще различіе между родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имуществомъ (ст. ст. 396—399 т. X, ч. I Зак. Гр.) и признаетъ основнымъ правиломъ наслѣдственного перехода родовыхъ имѣній обращеніе ихъ въ предѣ-

лахъ того лишь рода, изъ котораго ведетъ происхожденіе извѣстное имѣніе, въ которомъ оно стало родовымъ (1138 ст. т. X, ч. I). Другими словами въ нашемъ правѣ сохраняется еще силу средневѣковья принципъ: *paterna paternis, materna maternis*. Благодаря этому при наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ можетъ произойти распаденіе единого наслѣдственнаго имущества на двѣ группы, при чемъ одна идетъ въ родъ отца (родовое отцовское и благопріобрѣтенное имущество), другая въ родъ матери (родовое материнское). Въ результатѣ такого дѣленія при переходѣ наслѣдства въ боковыя линіи преемниками въ разныхъ группахъ наслѣдственнаго имущества могутъ быть родственники не одинаковыхъ степеней родства (напр., въ одной группѣ очень близкіе родственники, въ другой же весьма отдаленные). При этомъ преемники въ томъ и другомъ имуществѣ не могутъ разсматриваться какъ сонаслѣдники, такъ какъ обѣ группы ихъ не конкурируютъ одна съ другой: преемники въ родовомъ отцовскомъ имѣніи (они же и въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ) наслѣдодателя не могутъ получить родового материнскаго имѣнія и наоборотъ. Такимъ образомъ одна часть имущества можетъ стать выморочной въ то время, какъ другая переходитъ по наслѣдству. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы во французскомъ правѣ. Здѣсь наслѣдство при наслѣдованіи въ линіяхъ восходящей и боковой дѣлится на двѣ равныя части: одна идетъ къ родственникамъ отцовской линіи, другая—материнской. Пережитокъ того же правила: *paterna paternis, materna maternis*. Преемниками въ той и другой линіи также могутъ быть родственники различныхъ степеней. Но по французскому праву при отсутствіи родственниковъ (въ степеняхъ призываемыхъ къ наслѣдованію) въ одной линіи наслѣдство не становится выморочнымъ, а переходитъ въ другую линію (ср. art. 733 Code civ.). Такимъ образомъ здѣсь исключительный преемникъ въ отцовской или материнской линіи эвентуально является универсальнымъ преемникомъ. При устраненіи конкурентовъ въ другой линіи онъ остановится общимъ преемникомъ всего имущества наслѣдодателя. По русскому же праву такой переходъ изъ отцовской линіи въ материнскую не допускается, и при распадѣнн наслѣдства на указанные группы, преемники въ каждой изъ нихъ являются лишь, какъ *successores speciales*, и наслѣдованіе носитъ характеръ не универсальнаго преемства, а специальнаго въ каждой изъ двухъ группъ наслѣдственнаго имущества.

Такимъ образомъ ст. 1138 допускаетъ исключеніе изъ того положенія, что наслѣдованіе по русскому праву есть универсальное преемство. Она устанавливаетъ или правильнѣе сохраняетъ специальное преемство въ двухъ отдѣльныхъ группахъ наслѣдственного имущества.

Пережившій супругъ не является и специальнымъ наслѣдникомъ умершаго. Онъ не можетъ стать преемникомъ въ отдѣльной группѣ наслѣдственного имущества цѣликомъ, а лишь въ части ея. Наоборотъ, при наличности родового отцовскаго и родового материнскаго имущества въ отличіе отъ специальныхъ наслѣдниковъ онъ получаетъ свой выдѣлъ одинаково изъ обеихъ группъ наслѣдственного имущества.

Слѣдовательно, рассматривая преемство супруговъ по нашему праву, какъ съ точки зрѣнія универсальнаго, такъ и специального преемства, мы приходимъ къ несомнѣнному выводу, что это преемство не является правомъ наслѣдованія.

Быть можетъ, преемство пережившаго супруга представляетъ собою легатъ или обязательную долю?

Строго говоря, наше законодательство не знаетъ легатовъ. Однако, ст. ст. 1086 и 1011 т. X, ч. I Зак. Гр. даютъ основаніе для признанія этого института и въ нашемъ правѣ.

Подъ именемъ легата или отказа мы разумѣемъ безвозмездное предоставленіе наслѣдодателемъ отдѣльной имущественно-правовой выгоды указанному имъ лицу изъ наслѣдства, за счетъ наслѣдства или изъ средствъ лица обремененнаго, совершенное наслѣдодателемъ посредствомъ распоряженія на случай смерти, путемъ выраженія послѣдней воли. Такимъ образомъ легатъ (въ отличіе отъ наслѣдства) является объектомъ сингулярнаго преемства; онъ содержитъ предоставленіе имущественной выгоды, въ то время какъ наслѣдство можетъ заключать въ себѣ превышеніе пассива надъ активомъ и даже состоять изъ одного пассива; кромѣ того, легатъ возможенъ лишь въ силу изъявленія наслѣдодателемъ послѣдней воли, между тѣмъ, какъ универсальное наслѣдственное преемство возможно и при отсутствіи правильно выраженной послѣдней воли наслѣдодателя—на основаніи постановленій закона.

Право пережившаго супруга на указную долю является сингулярнымъ преемствомъ, по идеѣ своей оно также содержитъ предоставленіе имущественной выгоды, но возникаетъ не волею наслѣдодателя, а силою закона и, кромѣ того, является предо-

ставленіемъ имущественной выгоды не только изъ наслѣдства, но также изъ имущества живого лица (тестя, свекра). Романисты называютъ кварту вдовы законнымъ легатомъ. Воля наслѣдодателя замѣнена здѣсь волею закона. Такой видъ легата, хотя и представляетъ уклоненіе отъ обычнаго понятія о легатѣ, какъ предоставленіи добровольномъ, однако, не заключаетъ въ себѣ внутренняго противорѣчія:—сингулярное наслѣдственное преемство аналогичнаго характера возможно какъ въ силу завѣщанія, такъ и въ силу закона. Но институтъ вдовой доли какъ по римскому, такъ и по русскому законодательству носитъ характеръ обезпеченія содержанія, выдѣла на прожитокъ, чуждый принципамъ наслѣдованія по закону. Кромѣ того, выдѣлъ указанной доли изъ имущества живого лица, допускаемый русскимъ закономъ, находится въ такомъ же противорѣчіи съ понятіемъ частнаго наслѣдственного преемства (легата, фидеикомисса), какъ и общаго (наслѣдованія). Раздѣлять же преемство супруговъ на два вида: выдѣлъ изъ имущества умершаго супруга и выдѣлъ изъ имущества тестя или свекра не представляется правильнымъ, такъ какъ оба указанные выдѣла и по историческому происхожденію и по основной идеѣ представляютъ одинъ общій институтъ ³⁵⁷⁾.

Нельзя также рассматривать указную долю супруга по русскому праву какъ неотъемлемую или обязательную долю (*portio legitima*, *Pflichttheil*) законнаго наслѣдника.

Обязательная доля есть установленная закономъ минимальная доля наслѣдственного имущества, которую наслѣдодатель обязанъ предоставить своему наслѣднику (или наслѣдникамъ) по закону. Эта минимальная доля опредѣляется обыкновенно въ видѣ какой либо части ($\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$) законной наслѣдственной доли. Слѣдовательно, обязательная доля предполагаетъ прежде всего право наслѣдо-

³⁵⁷⁾ По нашему праву пережившій супругъ становится легатаріемъ умершаго въ силу примѣчанія къ 1148 ст. т. X, ч. I, когда онъ получаетъ недвижимое имѣніе въ пожизненное владѣніе.—Пожизненное владѣніе, предусмотрѣнное прим. къ 1148 ст. и въ общей формѣ 1011 ст. есть ничто иное, какъ легатъ. Въ этомъ случаѣ наслѣдникомъ является лицо, указанное закономъ или завѣщаніемъ, которое и получаетъ недвижимое имѣніе въ собственность, пережившій же супругъ становится лишь пользозвладѣльцемъ—частнымъ преемникомъ умершаго. Ср. § 484 Schw. Z G. B., ср. также рѣш. Гр. К. Д. 1879/294. Законными легатаріями или quasi-легатаріями по русскому праву могутъ быть названы родители, получающіе въ пожизненное владѣніе имущество безплатно умершихъ дѣтей, на основ. 1141 и 1145 ст. т. X, ч. I Зак. Гр.

ванія по закону, независимое отъ обязательной доли. Управомоченный на обязательную долю имѣеть притязаніе на все наслѣдственное имущество или на опредѣленную квоту его. Подобнаго права не предоставлено пережившему супругу нашимъ законодательствомъ. Кромѣ того, наслѣдникъ, которому законъ предоставляетъ право на обязательную долю, не можетъ быть лишенъ ею по усмотрѣнію наслѣдодателя путемъ распоряженія на случай смерти. Обратное постановленіе содержитъ ст. 1148 т. X, ч. I Зак. Гр.

Какъ мы видѣли выше, въ исторической части попытки истолковать указъ 17 марта 1731 года распространительно и примѣнить постановленія объ указной долѣ не только при наслѣдованіи по закону, но и въ случаѣ наличности завѣщательныхъ распоряженій благопріобрѣтенными имуществами скоро потерпѣли фіаско, а въ законѣ было сдѣлано прямое указаніе, что право пережившаго супруга на получение ($\frac{1}{7}$ и $\frac{1}{4}$) части изъ имущества умершаго „не ограничиваетъ, однако, владѣльцевъ въ свободномъ распоряженіи благопріобрѣтенными имѣніями и въ завѣщаніи оныхъ“.—Положеніе совершенно противоположное принципу обязательной доли.

Относительно же родовыхъ имѣній общимъ правиломъ нашего закона до сихъ поръ остается то положеніе, что родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію (ст. 1068 т. X, ч. I). Слѣдовательно, пережившій супругъ получаетъ въ родовыхъ имѣніяхъ указную часть не потому, что законъ нашъ признаетъ принципъ обязательной доли, а въ силу общаго запрещенія завѣщать родовыя имѣнія и возникающаго отсюда преемства по закону. Изъ приведеннаго общаго правила допущены закономъ два исключенія, указанные въ ст. ст. 1068² и 1068¹ т. X, ч. I.—На основаніи перваго изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ (ст. 1068²), т. е. при завѣщаніи родового имѣнія въ пользу бокового родственника—права пережившаго супруга не могутъ быть нарушены волею наслѣдодателя. Но опять таки не въ силу принципа обязательной доли, такъ какъ постановленіемъ ст. 1068² не свободная воля завѣщателя ограничивается предписаніемъ предоставить пережившему супругу опредѣленную часть наслѣдства, а наоборотъ, существовавшее ранѣе ограниченіе воли завѣщателя смягчается и ему предоставляется право распорядиться родовыми имѣніями въ завѣщаніи, но не исполнѣ, а съ сохраненіемъ права пережившаго супруга. Статьею же (1068¹) установле-

но исключеніе изъ общаго правила о незавѣщаемости родовыхъ имѣній болѣе широкаго характера. Наслѣдодателю предоставлено не только право свободного выбора наслѣдника (или наслѣдниковъ) изъ своихъ прямыхъ нисходящихъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, но и—косвенно—право устраненія въ этомъ случаѣ супруга отъ преемства въ родовыхъ имѣніяхъ—путемъ завѣщанія всего имѣнія нисходящимъ.

Изъ сказаннаго ясно, что преемство супруговъ по русскому праву не является предоставленіемъ обязательной доли ни въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ, ни въ родовомъ имѣніи.

Мы подвергли постановленія русскаго права о преемствѣ супруговъ разсмотрѣнію съ трехъ точекъ зрѣнія: наслѣдованія, легата и обязательной доли и пришли къ выводу, что юридическая природа этого преемства не соотвѣтствуетъ ни одному изъ трехъ болѣе важныхъ институтовъ наслѣдственного права.

Преемство супруговъ по русскому праву, такъ называемая указная доля пережившаго супруга, представляетъ собою особый видъ сингулярнаго преемства, въ цѣломъ извѣстный только нашему праву. На образованіе его своеобразныхъ положеній оказали воздѣйствіе различные историческіе факторы, главными изъ коихъ являются: помѣстная система Московской Руси и вліяніе византійскаго законодательства. Если разсматривать этотъ институтъ съ догматической точки зрѣнія, онъ представляется благодаря нѣкоторымъ своимъ положеніямъ явленіемъ аномальнымъ въ современной системѣ семейнаго и наслѣдственного права. Понять и объяснить этотъ институтъ возможно лишь при историческомъ освѣщеніи его происхожденія и развитія, потребностей его вызвавшихъ и цѣлей, которымъ онъ долженъ былъ удовлетворять.

Самымъ подходящимъ для этого института названіемъ является то, которое присвоено было ему въ Московской Руси: „выдѣль на прожитокъ“.

Нашъ законъ употребляетъ терминъ „выдѣль“ въ 2-хъ случаяхъ.

Въ первомъ случаѣ онъ называетъ выдѣломъ безвозмездную уступку родителями и другими восходящими при жизни своимъ прямымъ нисходящимъ ихъ наслѣдственныхъ долей (994, 996 и

слѣд. ст. ст. т. X, ч. I). Эта уступка создаетъ такъ называемое предваренное наслѣдованіе и является актомъ добровольнымъ, къ совершенію котораго родители не могутъ быть принуждены своими нисходящими (995 ст.).

Во второмъ случаѣ терминъ „выдѣлъ“ употребляется для обозначенія перехода указанной части изъ имущества умершаго супруга, тестя или свекра къ супругу пережившему (1152, 1154 и 1155 ст.ст.). Этотъ выдѣлъ не является добровольнымъ прижизненнымъ предоставленіемъ однимъ супругомъ части своего имущества другому, а посмертнымъ преемствомъ на основаніи закона.

При жизни супруговъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права требовать отъ другого выдѣла указанной части (ст. 1159) и добровольная уступка супругами своего имущества или части его другъ другу является простымъ дареніемъ, но не предвареніемъ посмертнаго преемства. Въ одномъ случаѣ, однако, выдѣлъ указанной части является и предвареніемъ наслѣдственного преемства, а именно когда онъ производится изъ недвижимаго имѣнія тестя или свекра при жизни ихъ. На основаніи 1149 (и 1153) ст. т. X, ч. I, пережившій супругъ не лишается указанной части и изъ того имущества, которое слѣдовало бы умершему супругу изъ имущества отца его, если бы при смерти послѣдняго ранѣе умершій супругъ въ живыхъ находился. Благодаря этому постановленію закона пережившій супругъ пользуется правомъ подобнымъ праву представленія. Пережившій супругъ не вступаетъ въ степень умершаго и не занимаетъ его мѣста (1123 ст.), но приобретаетъ право на полученіе изъ имущества тестя или свекра послѣ ихъ смерти того, что получилъ бы онъ изъ имущества умершаго супруга, если бы послѣдній умеръ по полученіи наслѣдства отъ своего отца, не распорядившись наслѣдственнымъ имуществомъ—что практически приводитъ къ послѣдствіямъ, тождественнымъ съ правомъ представленія. Но законъ предоставилъ пережившему супругу при извѣстныхъ условіяхъ право на полученіе указанной части изъ недвижимаго имѣнія тестя или свекра, не дожидаясь смерти послѣднихъ (1151, 1153 и 1154 ст.ст.). Этотъ уже не добровольный, а установленный закономъ выдѣлъ и является предвареніемъ наслѣдственного преемства, какое предоставлено пережившему супругу на основаніи 1149 ст. въ имуществѣ указанныхъ лицъ.

Такимъ образомъ преемство въ указанной части представляетъ

законный выдѣлъ—и при томъ выдѣлъ „на прожитокъ“. Послѣдній терминъ указываетъ на тѣ спеціальныя потребности, которымъ долженъ удовлетворять выдѣлъ указанной части. Мы видѣли выше, что институтъ вдовьей доли, какъ въ римскомъ и византійскомъ правѣ, такъ и въ русскомъ по происхожденію своему не представляется преемствомъ чисто наслѣдственного характера. Въ основаніи этого института лежитъ идея о необходимости обезпеченія бѣдной вдовы послѣ смерти мужа, идея чуждая принципу наслѣдованія по закону. Съ наслѣдственнымъ правомъ вдовья доля имѣетъ ту связь, что выдѣлъ ея производится изъ имущества *умершаго* супруга, по внѣшнимъ признакамъ представляется посмертнымъ преемствомъ въ его имущество. Поэтому и разсматривается въ числѣ институтовъ наслѣдственного права. Но при оцѣнкѣ постановленій о вдовьей долѣ не нужно забывать, что выдѣлъ ея по своему происхожденію и основной идеѣ представляется институтомъ не строго наслѣдственного права, а своеобразнымъ преемствомъ спеціальнаго характера. Необходимость обезпечить существованіе вдовы, не имѣющей права наслѣдованія въ имуществѣ мужа или наслѣдующей въ слишкомъ отдаленномъ разрядѣ наслѣдниковъ, вызвала къ жизни институтъ вдовьей доли. Цѣль его установленія—предоставить средства существованія первоначально вдовѣ, а затѣмъ вообще пережившему супругу.

И въ своемъ историческомъ развитіи, какъ мы видѣли выше, институтъ указанной доли сохранилъ свой основной характеръ личнаго обезпеченія пережившаго супруга.

Размѣръ обезпеченія опредѣляется закономъ въ видѣ зафиксированной доли въ имуществѣ умершаго: одной четвертой и одной седьмой³⁵⁸⁾. Цѣнность этой доли зависитъ отъ степени состоятельности умершаго.

Такъ какъ указанная доля представляетъ средство личнаго обезпеченія пережившаго супруга, то понятно, что право требованія указанной доли принадлежитъ только этому послѣднему, но не его наслѣдникамъ (ст. 1152), которые могутъ получить вдовью долю лишь въ составѣ наслѣдственного имущества, оставшагося послѣ пережившаго супруга, т. е. когда эта доля получена супругомъ вдовцемъ или по крайней мѣрѣ, когда имъ уже подано надлежащее заявленіе о выдѣлѣ ея.

³⁵⁸⁾ Терминъ одна седьмая вмѣсто пятнадцати четвертей со ста впервые встрѣчается въ законѣ, повидимому, въ 1805 году П. С. З. № 21634.

Право требованія указной части не подлежит дѣйствию общей земской давности, такъ какъ путемъ этого выдѣла представляются средства къ жизни, необходимыя для существованія пережившаго супруга до его смерти безъ помощи и поддержки другого. Въ особенности это относится, конечно, къ вдовѣ, но и весь институтъ указной части развился въ интересахъ вдовы и только уже затѣмъ по аналогіи былъ распространенъ на мужа-вдовца. Пока супругъ-вдовецъ не заявляетъ требованія о выдѣлѣ въ глазахъ закона онъ не нуждается въ этихъ средствахъ. Но нужда въ нихъ можетъ возникнуть по истеченіи срока земской давности. А такъ какъ выдѣлъ указной части имѣетъ своей специальной задачей предоставить пережившему супругу средства прожить до смерти („прожитокъ по животъ“), то требованіе выдѣла и можетъ быть ограничено лишь предѣлами жизни супруга вдовца.

Выдѣлъ изъ имущества тестя или свекра представляется не удивительной аномаліей, а послѣдовательнымъ проведеніемъ въ жизнь принципа обезпеченія (пенсіи). У мужа собственнаго помѣстья не было, онъ несъ службу съ помѣстья отца. За службу мужа женѣ его полагался выдѣлъ на содержаніе изъ служилого помѣстья мужа, который и былъ предоставленъ ей изъ того помѣстья, съ котораго несъ службу ея мужъ, т. е. изъ помѣстья свекра. Изъ движимости же свекра не было установлено выдѣла на прожитокъ, такъ какъ никакой связи между службою умершаго мужа и движимостью его отца—не существовало. Съ уничтоженіемъ помѣстной системы происхожденіе выдѣла изъ имѣнія свекра и побудительныя причины, вызвавшія его къ жизни, были забыты, но самый выдѣлъ сохранился, какъ особое средство обезпеченія вдовы, а впоследствии вообще пережившаго супруга.

Допущеніе этого выдѣла лишь при отсутствіи у умершаго собственнаго недвижимаго имѣнія и распространеніе его только на недвижимое имѣніе тестя и свекра объясняется сохраненіемъ и въ дѣйствующемъ правѣ основныхъ чертъ, присущихъ этому выдѣлу при его возникновеніи. Въ полномъ соотвѣтствіи съ побудительными причинами, вызвавшими къ жизни такой выдѣлъ, находится и умолчаніе закона о примѣненіи его къ имѣнію свекрови или тещи, такъ какъ между матерью и сыновьями не могло возникнуть тѣхъ отношеній по несенію служебной повинности, какія существовали въ эпоху господства помѣстной системы между отцомъ и сыновьями.

Такимъ образомъ какъ историческія данныя, такъ и постановленія дѣйствующаго русскаго права приводятъ насъ къ выводу, что выдѣлъ указной части или вдовой доли не является институтомъ наслѣдственнаго права въ строгомъ смыслѣ этого слова, а совмѣщаетъ въ себѣ черты какъ семейнаго, такъ и наслѣдственнаго права. По римскому и византійскому праву обязанность содержать жену несъ мужъ—глава семьи. На случай развода по винѣ мужа и на случай смерти послѣдняго обычное право и законодательство Византіи выработало мѣры для обезпеченія разведенной жены и вдовы: штрафъ за разводъ и выдѣлъ квартиры изъ имущества умершаго. Положеніе, что мужъ несетъ обязанность кормить и содержать жену издревле было нормой нашего обычнаго права и не могло не оказать своего вліянія на установленіе вдовой доли. На мужѣ лежитъ обязанность содержать жену (ст. 106 т. X, ч. I). Поэтому изъ имущества мужа послѣ его смерти и выдѣляются средства необходимыя для существованія вдовы. Внутренняя связь между обоими институтами несомнѣнна, оба они вызваны одной и той же потребностью и вліяніе перваго сказывается на содержаніи нормъ втораго, такъ что юридическая природа послѣдняго носитъ смѣшанный характеръ, заключаая въ себѣ черты какъ семейнаго, именно брачнаго, такъ и наслѣдственнаго права.

Безъ сомнѣнія наслѣдственное право по своему происхожденію имѣетъ тѣсную связь съ правомъ семейнымъ, но въ своемъ историческомъ развитіи оно обособляется отъ этого послѣдняго и образуетъ совершенно самостоятельный комплексъ юридическихъ отношеній. Семейное право, въ составъ коего входитъ право брачное и право отцовской власти, опредѣляетъ личныя и имущественныя отношенія между (живыми) членами одной семьи. Въ сферѣ имущественной на главѣ семьи лежитъ естественная обязанность озаботиться предоставленіемъ семье необходимыхъ средствъ существованія и въ частности на мужѣ лежитъ обязанность содержанія жены. Наслѣдственное право охватываетъ совокупность отношеній, опредѣляющихъ преемство живыхъ въ имущественно-правовой сферѣ умершаго. Непосредственными преемниками умершаго (по закону) являются его ближніе по крови, его *Leibeserben*, именно тѣ лица, забота о существованіи конхъ лежала на наслѣдодателѣ. Но въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи наслѣдственное преемство отрывается отъ связи съ семьей, охватываетъ и дальнѣйшихъ родственниковъ по

крови—по нѣкоторымъ законодательствамъ ad infinitum. Жена не является кровнымъ родственникомъ мужа и потому, несмотря на всю ея близость къ мужу, не входитъ въ составъ его преемниковъ по крови—что вызываетъ необходимость въ создани специальныхъ средствъ обезпеченія ея существованія на случай прекращенія брака. Распространеніе имущественныхъ отношеній, существовавшихъ между супругами въ бракѣ и при прекращеніи брака разводомъ, на случай прекращенія брака смертью мужа создаетъ своеобразный институтъ вдовьей доли. Въ то время, когда наследованіе принимаетъ абстрактный характеръ преемства въ совокупности имущественно-правовой сферы умершаго, институтъ вдовьей доли продолжаетъ сохранять черты семейнаго (брачнаго) права и носить характеръ спеціального обезпеченія средствъ существованія пережившаго супруга изъ имущества умершаго.

II. Отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ.

Вопросъ объ отвѣтственности преемниковъ въ имуществѣ умершаго по его долгамъ и обязательствамъ очень слабо разработанъ въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ.

Ст. 1259 устанавливаетъ общее положеніе о неограниченной отвѣтственности лица, принявшаго наследство, по долгамъ и обязательствамъ наследодателя.

Выше въ исторической части мы видѣли, что отвѣтственность по долгамъ наследодателя падала на всѣхъ преемниковъ въ его имуществѣ, но лишь въ предѣлахъ полученнаго.

Разсмотримъ вкратцѣ законоположенія, которыя указаны въ качествѣ источниковъ 1259 ст. т. X, ч. I, для опредѣленія того, на какомъ историческомъ основаніи зиждется постановленіе 1259 ст.

Подъ I п. (а) 1259 ст. приведены: 1649 янв. 29 (I) гл. X, ст. 132, 203, 245, 253; 1716 апр. 15 (3013); 1725 мая 28 (4722) п. 3, докл. I, рез.; 1729 мая 16 (5410) гл. I, ст. 22; 1798 ноябр. I (18730); 1800 дек. 19 (19692) ч. II, ст. 102, 103; 1802 ноябр. 16, ук.; 1827 іюл. 25 (1261) ст. 4.

Ст.ст. 132, 203 и 245 гл. X Улож. объ отвѣтственности преемниковъ умершаго по Уложенію царя Алексѣя Михайловича нами рассмотрѣны выше³⁵⁹⁾. Здѣсь отвѣтственность преемниковъ

³⁵⁹⁾ См. выше стр. 89.

тѣсно связана съ полученіемъ послѣ умершаго имущества и ограничивается предѣлами этого имущества. Ст. 253 говоритъ объ отвѣтственности самого должника, а не его наследниковъ.

Указъ 15 апрѣля 1716 г.³⁶⁰⁾ возлагаетъ отвѣтственность по долгамъ умершаго на преемниковъ въ недвижимости, освобождая отъ платежа долговъ наследниковъ въ движимости. Слѣдовательно, отвѣтственность соединена здѣсь не съ званіемъ наследника и принятіемъ наследства, а съ полученіемъ отъ него извѣстнаго имущества, именно недвижимаго, изъ котораго и удовлетворяются долги умершаго. Объ отвѣтственности же преемниковъ въ движимости своимъ имуществомъ нѣтъ никакихъ указаній. Если бы законодатель имѣлъ въ виду установить такую отвѣтственность, онъ изъяснилъ бы это точно и опредѣленно, какъ новое, до сихъ поръ неизвѣстное положеніе.

Постановленіе предыдущаго указа подтверждено въ общей формѣ 28 мая 1725 г.³⁶¹⁾ и по частному дѣлу объ отвѣтственности вдовы въ платежѣ долговъ умершаго мужа—1 ноября 1798 г.³⁶²⁾

Ст. 22 гл. I Устава о векселяхъ 1729 г. несомнѣнно устанавливаетъ отвѣтственность по вексельнымъ долгамъ умершаго лишь въ предѣлахъ оставшаго послѣ него имущества, такъ какъ возлагаетъ эту отвѣтственность на наследниковъ, душеприказчиковъ и управляющихъ³⁶³⁾.

Ст. ст. 102 и 103 ч. II Устава о банкротахъ 1800 года не только не служатъ къ подтвержденію неограниченной отвѣтственности наследника по долгамъ наследодателя, а, наоборотъ, въ связи съ слѣдующей 104 ст. подтверждаютъ совершенно обратное положеніе. Несостоятельный должникъ (неосторожный),

³⁶⁰⁾ П. С. З. № 3013. „а которые послѣ умершихъ мужей, или жены останутся долги письменные, и тѣ долги платить мужу или женѣ, и наследнику противъ пропорціи недвижимаго, полученнаго по частямъ (кромѣ тѣхъ, кому достанется движимое), а имянно: мужу или женѣ оставшейся по воспріятіи четвертой части, платить и долговъ письменныхъ четвертую жъ часть, а наследникамъ по воспріятіи недвижимыхъ имѣній трехъ частей, и долговъ платить три части, а прочимъ наследникамъ движимаго имѣнія отъ платежа долговъ быть свободнымъ“

³⁶¹⁾ П. С. З. № 4722, п. 3. д. I, рез. „А ежели на умершихъ останутся долги, оныя платить тѣмъ, кому послѣ ихъ недвижимое отдано будетъ“.

³⁶²⁾ П. С. З. № 18730.

³⁶³⁾ 16 мая 1729 г. П. С. З. № 5410, гл. I, ст. 22. Ср. Дильтей—Начальныя основанія вексельнаго права. 1787 г., ч. I, стр. 89, ч. II, стр. 166—171.

получившій по наслѣдству или какимъ-либо другимъ способомъ имущество, обязанъ заплатить изъ него свои долги. Если онъ не сдѣлаетъ этого добровольно, то имущество берется въ Дворянскую Опеку, которая выплачиваетъ долги постепенно изъ доходовъ имущества, употребляя на это $\frac{1}{5}$ часть, а $\frac{4}{5}$ на содержание несостоятельнаго и его семьи. Послѣ смерти же несостоятельнаго всякіе платежи долговъ прекращаются, и имѣніе вмѣстѣ съ доходами переходитъ къ наслѣдникамъ ³⁶⁴). Такимъ образомъ здѣсь наслѣдники не только не отвѣчаютъ своимъ собственнымъ имуществомъ по долгамъ наслѣдодателя, но даже не несутъ отвѣтственности *cum viribus* или *pro viribus hereditatis*.

Между тѣмъ въ Уставѣ о банкротяхъ 1800 г. содержатся постановленія, устанавливающія неограниченную отвѣтственность наслѣдниковъ, на которыхъ, однако, составитель Свода Зак. Гр. не ссылается (см. ст. ст. 158 и 165 ч. I, 110 ч. II). Но и эти постановленія не могутъ служить подтвержденіемъ принципа неограниченной отвѣтственности наслѣдника, такъ какъ они представляютъ исключенія изъ общаго правила. Въ первомъ случаѣ неограниченная отвѣтственность наступаетъ, если наслѣдники, разсмотрѣвъ полученное имущество, письменно обяжутся платить долги наслѣдодателя ³⁶⁵), во второмъ случаѣ, когда наслѣдники не примутъ указанныхъ въ ст. 161 мѣръ къ охранѣ наслѣдственнаго имущества и не дадутъ въ срокъ отзыва о томъ, принимаютъ ли они наслѣдство или нѣтъ ³⁶⁶), и, наконецъ, когда они не представляютъ имущество наслѣдодателя для платежа долговъ его, а зная о поступившихъ на него взысканіяхъ не учинять отзыва

³⁶⁴) См. 19 дек. 1800 г. П. С. З. № 19692 ч. II, ст. 102: „Ежели по полученіи наслѣдства, или новаго черезъ труды имущества, самъ добровольно заплатить всѣ достальныя долги; въ такомъ случаѣ возвращается къ нему прежняя публичная довѣренность, и освобождается изъ-подъ караула“. Ст. 103: „Буде сего добровольно самъ не учинитъ, то не допускать его ни къ какому управленію недвижимымъ и прочимъ имѣніемъ, какое во время содержанія подъ карауломъ и по освобожденіи отъ оного достанется ему по наслѣдству, или по поступкѣ, и инако отъ родственниковъ и другихъ лицъ, но все отдавать въ вѣдомство Дворянской Опекы, откуда пятую часть доходовъ обращать на доплату не заплаченныхъ капиталовъ заемныхъ, а прочее на содержаніе семейства и его самого, продолжая сіе до смерти его“. Ст. 104: „Когда таковой неосторожный должникъ умретъ, тогда платежъ пресѣкается и все имѣніе таковое съ доходами поступаетъ во владѣніе дѣтямъ и другимъ законнымъ по немъ наслѣдникамъ“.

³⁶⁵) Ibid. ч. I, ст. 158, ср. ст. 4 прил. къ ст. 1238 т. X, ч. I, прим. I.

³⁶⁶) Ibid. ч. I, ст. 165, ср. ст. 10 того же прилож.

съ отказомъ отъ платежа долговъ и не сохранять доходовъ съ имѣнія, а будутъ владѣть и пользоваться въ личную себѣ прибыль ³⁶⁷). Такимъ образомъ отвѣтственность преемниковъ умершаго не только наслѣдствомъ, но и своимъ собственнымъ имуществомъ наступаетъ лишь въ видѣ наказанія за неисполненіе тѣхъ или другихъ предписаній закона. Общимъ же правиломъ остается отвѣтственность въ предѣлахъ наслѣдственнаго имущества.

Указъ 25 іюля 1827 г. устанавливаетъ, что если послѣ умершаго остались капиталы въ кредитныхъ установленіяхъ и на умершемъ числятся долги казенные и частные, то наслѣдникамъ, согласно свидѣтельствамъ суда, выдаются капиталы за вычетомъ долговъ наслѣдодателя ³⁶⁸). Слѣдовательно, въ этомъ законоположеніи говорится лишь объ отвѣтственности имуществомъ наслѣдодателя.

Подъ п. 2 (б) ст. 1259 приведены: 1740 г. іюн. 6 (8127) ст. 17; 1759 мая 6 (10951); 1830 окт. 17 (4007) §§ 130, 135; 1831 окт. 6 (4855) ст. 14.

1740 г. іюня 6—рѣшеніе по спору о духовной Лѣва Челищева. Лѣвъ Челищевъ завѣщалъ все свое имущество женѣ Стефанидѣ и родственнику Петру Челищеву. Другой родственникъ Артемій Челищевъ возбудилъ споръ о недѣйствительности духовнаго завѣщанія. Споръ былъ признанъ неосновательнымъ. Такъ какъ Лѣвъ Челищевъ былъ долженъ казнѣ 907 р. 40 коп., то еще при началѣ спора въ обезпеченіе уплаты казеннаго долга было наложено запрещеніе на недвижимыя имѣнія, завѣщанныя Петру Челищеву и Стефанидѣ Челищевой, а также и на приданья вотчины послѣдней. Наложеніе запрещенія на приданья вотчины вдовы какъ будто указываетъ, что вдова—наслѣдница по завѣщанію—несетъ отвѣтственность по (казеннымъ) долгамъ мужа не только полученнымъ, но и своимъ имѣніемъ. Однако, когда споръ противъ завѣщанія былъ окончательно признанъ неосновательнымъ, имѣнія вдовы, не только приданья, но даже и завѣщанныя ей мужемъ, были освобождены отъ запрещенія, хотя долгъ казнѣ и не былъ уплаченъ. Уплата долга была воз-

³⁶⁷) Ibid. ч. II, ст. 110, ср. 1261 ст. т. X, ч. I.

³⁶⁸) П. С. З. № 1261, введ. и п. 4: „..... Вслѣдствіе сего, Опекунскіе Совѣты будутъ отсылать изъ капитала причитающуюся для уплаты долговъ сумму, куда слѣдовать будетъ, а затѣмъ обращать достальное въ пользу признанныхъ Судомъ наслѣдниковъ согласно данному имъ свидѣтельству“.

ложена на наследника—Петра Челицева, поступившія къ коему по завѣщанію вотчины и были оставлены подъ запрещеніемъ ³⁶⁹⁾. Отсюда очевидно, что наложеніе запрещенія на вотчины вдовы было вызвано исключительно споромъ противъ завѣщанія и указаніями на неправильныя дѣйствія Челицева съ приданымъ его жены ³⁷⁰⁾.

Указъ 6 мая 1759 г. предписываетъ немедленно собрать казенныя поземельныя недоимки въ С.-Петербургѣ съ владѣльцевъ недоимщиковъ, а если сами недоимщики умерли, то съ ихъ наследниковъ, при чемъ, если недоимщики или наследники служатъ гдѣ нибудь и получаютъ жалованье, указъ предписываетъ удерживать недоимку изъ жалованья ихъ. Однако, послѣднее предписаніе не устанавливаетъ неограниченной отвѣтственности наследника по долгамъ наследодателя, такъ какъ взыскивается казенная недоимка, лежащая на недвижимости съ владѣльцевъ этой недвижимости. А вычетъ изъ жалованья является лишь наиболѣе удобнымъ для казны способомъ собрать недоимку, вмѣсто обращенія взысканія на самую недвижимость ³⁷¹⁾.

1830 г. октября 17-го—правила о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ § 130 этихъ правилъ предусматриваетъ случай естественной или гражданской смерти лицъ, вступившихъ въ договоръ съ казною; въ томъ случаѣ, если договоръ былъ заключенъ однимъ лицомъ, исполненіе его переходитъ на наследниковъ, а при отказѣ ихъ отъ наследства на залогодателей и поручите-

³⁶⁹⁾ П. С. З. № 8127 п. 17: „ту доимку взыскать въ Кругѣ Комиссаріатъ, взыскивать по обязательству на вышеупомянутомъ Льва Челицева наследникѣмъ Петръ Челицевъ, и пока не заплатитъ, отписныхъ его деревень изъ отписки не выключать и продавать и закладывать запретить: такожъ и бывшей женѣ его Львовою, въ данныхъ послѣ его и въ приданныхъ ее деревняхъ учинено жъ запрещеніе до рѣшенія сего дѣла: нынѣ изъ онаго запрещенія Льва Челицева жены, собственныя ея приданія, и данныя послѣ смерти Льва Челицева по духовной вотчины, буде другого запрещенія не имѣется, выключить, и показанную доимку на наследникѣмъ взыскать по указамъ въ немедленномъ времени“.

³⁷⁰⁾ См. напр. *ibid.* п. 9 и др.

³⁷¹⁾ П. С. З. № 10951 „Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила, показанную въ поднесенной Ея Императорскому Величеству вѣдомости о квадратныхъ за Санктпетербургскіе дворы деньгахъ недоимку всю немедленно собрать съ наличныхъ, а кого въ наличествѣ нѣтъ, съ ихъ наследниковъ, и кои получаютъ жалованье, съ тѣхъ вычитать изъ ихъ заслуженнаго жалованья, и куда надлежитъ, о томъ сообщать“...

лей ³⁷²⁾. Здѣсь наследники являются продолжателями и личными участниками договора и приобрѣтаютъ всѣ права и обязанности, отсюда вытекающія. Но законъ имѣетъ непосредственной цѣлью не установленіе отвѣтственности наследниковъ по долгамъ наследодателя, а обезпеченіе исполненія договора. Поэтому выполнение договора переходитъ на наследниковъ лишь въ томъ случаѣ, если не осталось соучастниковъ—товарищей по договору, которые являются первыми и ближайшими исполнителями договора. Высказанное соображеніе подтверждается и содержаніемъ § 135 правилъ. Какъ видно отсюда, обязанность по исполненію договора съ казною переходитъ на наследниковъ, залогодателей и поручителей не *ipso jure*, а лишь вслѣдствіе просьбы послѣднихъ объ оставленіи за ними подряда, на заявленіе каковыхъ просьбъ предоставляется четырехмѣсячный срокъ. Если же въ назначенный срокъ указанные лица не воспользуются предоставленнымъ имъ правомъ, то казенныя мѣста и лица „приступаютъ къ распоряженіямъ на счетъ залоговъ“ ³⁷³⁾.

Во всякомъ случаѣ правила о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ есть правила особенныя, исключительныя. Они не могутъ служить образцомъ для установленія общихъ положеній.

6 октября 1831 г. (4855). Если какой-либо расходъ чиновника и произведенныя имъ затраты не могутъ быть приняты на счетъ казны, то начеть взыскивается съ него съ предварительнымъ истребованіемъ отъ него объясненія ³⁷⁴⁾. Въ случаѣ смерти чиновника тѣ же правила распространяются и на наследниковъ его (п. 14). Однако не сказано, что наследники отвѣчаютъ и своимъ имуществомъ. Наоборотъ, очевидно, отвѣтственность простирается только на наследственное имущество, такъ какъ наряду съ наследниками законъ говоритъ о подчиненіи тѣмъ же правиламъ и опекуновъ ³⁷⁵⁾.

³⁷²⁾ П. С. З. № 4007 § 130 „Если бы частное лицо, вошедшее въ обязательство съ казною безъ товарищей, подверглось естественной смерти или лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ по судебному приговору, то исполненіе договора переходитъ къ наследникамъ его, и при отказѣ ихъ отъ наследства къ залогодателямъ и поручителямъ“. Ср. 194 ст. Положенія о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ.

³⁷³⁾ *Ibid* § 135. Ср. ст. 198 Положенія.

³⁷⁴⁾ П. С. З. № 4855. См. п. п. 8—15.

³⁷⁵⁾ *Ibid.* п. 14. „Въ случаѣ смерти чиновника, наследники и опекуны ихъ подлежатъ вышепостановленнымъ правиламъ“.

Подъ п. 3 (в) ст. 1259 приведенъ указъ 1680 г. марта 29 (814) и сдѣлана ссылка на 6 ст. этого указа, устанавливающую отвѣтственность преемниковъ умершихъ продавца и залогодателя имѣнія, обязанныхъ платить пошлыны по продажѣ и залогу, передъ покупателемъ и залогопринимателемъ, съ которыхъ казна удерживаетъ пошлыны вслѣдствіе смерти первыхъ ³⁷⁶⁾.

Подъ п. 4 (г) приведены: 1649 янв. 29 (1) гл. X, ст. 132, 207, 245; 1677 янв. 24 (674); 1826 ноябр. 26 (701); 1827 ноябр. 18 (1546) 1830 окт. 17 (4007) § 54.

Постановленія Уложенія намъ извѣстны.

Указъ 24 янв. 1677 г. (674) устанавливаетъ отвѣтственность преемниковъ умершаго дьяка, неправильно отмѣтившаго вотчину—вопреки Уложенію—за сестрой помимо брата. Вотчина отдается брату—наслѣднику, а владѣльцу ея (мужу сестры) предоставлено право взыскивать по оцѣнкѣ стоимость ея съ преемниковъ дьяка. Размѣръ отвѣтственности, какъ и въ выше приведенномъ указѣ 29 марта 1680 г., обычный въ Московской Руси, т. е. связанъ съ полученіемъ послѣ умершаго имущества и не выходитъ за предѣлы полученнаго ³⁷⁷⁾.

1826 г. 26 ноября Сенатскій указъ устанавливаетъ обязанность наслѣдниковъ совершать купчую крѣпость, если умершій совершилъ запродажную и получилъ деньги за имѣніе (д. Норовлева съ наслѣдниками Захарьева) ³⁷⁸⁾.

Указъ 1827 г. 17 ноября—говоритъ „о недопущеніи повѣренныхъ, за смертью вѣрителей ихъ, къ исполненію вмѣсто ихъ присяги“ и обязываетъ наслѣдниковъ самихъ вступить въ дѣло

³⁷⁶⁾ П. С. З. № 814, п. 6. Пошлыны взыскиваются казной съ продавцевъ и залогодателей, если же они умерли, то для соблюденія казеннаго интереса съ тѣхъ, кто купилъ или кому заложено имѣніе. А эти послѣдніе могутъ искать „да женахъ и на дѣтехъ и на родственникахъ (продавцовъ и залогодателей), или кому будутъ даны послѣ ихъ дворы и животы, помѣстья и вотчины“—т. е. устанавливается обычный въ московскомъ государствѣ характеръ отвѣтственности преемниковъ въ зависимости и въ предѣлахъ полученнаго послѣ наслѣдодателя имущества.

³⁷⁷⁾ П. С. З. № 674. „А что дьякъ Адриянь Осиповъ помѣтилъ дать дѣвкѣ княжѣ Аннѣ мимо Уложенія и брата ея родного князь Льва, и Бояре приговорили: ту вотчину оцѣнить, а что по оцѣнкѣ за ту вотчину учнуть давать денегъ, и тѣ деньги доправить на дѣтехъ его Адрияновыхъ, или на тѣхъ людѣхъ, кому достались его Андрияновы животы, и отдать тѣ деньги Осипу Башмакову (мужу—владѣльцу вотчины) съ роспиской“.

³⁷⁸⁾ П. С. З. № 701.

и лично принести присягу (для доказательства размѣровъ понесенныхъ наслѣдодателемъ убытковъ ³⁷⁹⁾).

§ 54 правилъ 17 окт. 1830 г. устанавливаетъ положеніе, что залогодатель и поручители не могутъ отречься отъ принятыхъ на себя обязательствъ, предъявленныхъ къ торгамъ, а ихъ наслѣдники уничтожать такія обязательства до истеченія установленнаго срока ³⁸⁰⁾.

Разсмотрѣвъ приведенные подъ ст. 1259 источники, кромѣ одного—указа 16 ноября 1802 г., не помѣщеннаго въ полномъ собраніи законовъ и намъ неизвѣстнаго, мы убѣждаемся, что приведенныя законоположенія подтверждаютъ обязанность преемниковъ нести отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ наслѣдодателя, казеннымъ и частнымъ и отвѣчать за него въ искахъ по имуществу, но не только не устанавливаютъ неограниченной отвѣтственности послѣднихъ, а наоборотъ, въ общемъ служатъ подтвержденіемъ противоположнаго вывода.

Сравнивая эти выводы съ данными объ отвѣтственности наслѣдниковъ по древнему русскому праву (ср. выше постановленія Русской Правды, Псковской Судной Грамоты, Судебниковъ, Уложенія и другихъ законодательныхъ памятниковъ и актовъ), мы убѣждаемся въ томъ, что до изданія Свода Законовъ и рецепціи началъ римскаго права въ правѣ русскомъ въ видѣ общаго правила существовала ограниченная отвѣтственность преемниковъ по долгамъ и обязательствамъ наслѣдодателя, связанная съ обладаніемъ имуществомъ умершаго и не выходящая за предѣлы этого имущества. Подобная отвѣтственность, какъ увидимъ ниже, не была совсѣмъ устранена изъ нашего права и при изданіи Свода Законовъ, а сохраняетъ свое значеніе, хотя и въ значительно суженныхъ предѣлахъ, и въ дѣйствующемъ правѣ.

Сложившаяся въ русскомъ правѣ отвѣтственность преемниковъ *intra vires hereditatis*, противоположная неограниченной отвѣтственности римскаго наслѣдника, аналогична такой же отвѣтственности по долгамъ и обязательствамъ наслѣдодателя, существовавшей въ средневѣковомъ (частномъ) нѣмецкомъ правѣ.

По постановленію саксонскаго зеркала отвѣтственность преемниковъ умершаго ограничивалась лишь полученной дви-

³⁷⁹⁾ П. С. З. № 1546.

³⁸⁰⁾ П. С. З. № 4007, § 54.

жимостью (*fahrende Habe*). По швабскому зеркалу и другим памятникам эпохи взысканіе по долгам умершаго простиралось и на оставшее послѣ него недвижимое имѣніе, при чемъ преемники отвѣчали за долги наследодателя, поскольку обогатились полученнымъ наследствомъ, т. е. вообще въ предѣлахъ унаследованнаго ими актива, не отвѣчая собственнымъ имуществомъ ³⁸¹⁾.

Отвѣтственность *ultra vires hereditatis* въ качествѣ общаго правила появилась впервые въ нашемъ правѣ въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ.

Ст. 1259 т. X, ч. I Зак. Гр. изд. 1900 г. по прод., находясь въ связи съ предыдущей 1258 ст., содержитъ слѣдующее правило „Но вмѣстѣ съ имуществомъ и правами къ принявшему наследство переходятъ и обязанности: 1) платить долги умершаго соразмѣрно наследственной его долѣ и отвѣтствовать, въ случаѣ недостатка имѣнія, даже собственнымъ капиталомъ и имуществомъ (а), 2) выполнять обязательства по договорамъ съ казною и частными лицами и удовлетворять открывшіеся на умершемъ казенные начеты и взысканія (б); 3) вносить судебные пошлины и штрафы, которые при жизни внесены имъ не были (в), и 4) вообще отвѣтствовать въ искахъ по имуществу (г)“.

Кого разумѣетъ законъ подъ терминомъ „принявшій наследство“ (1258 и 1259 ст. ст.)?

Хотя ст. ст. 1258 и 1259 помѣщены въ раздѣлѣ II, книги III, т. X, ч. I, гласящемъ „о приобрѣтеніи имуществъ наследствомъ по закону“, но судебная практика (см. напр. рѣш. Гр. К. Д. 1883/ 69. 1871/ 392. 1868/ 610 и др.) совершенно правильно распространяетъ (по аналогіи) дѣйствіе ст. 1259, какъ на преемниковъ по закону, такъ и по завѣщанію.

Но этимъ не разрѣшается еще вопросъ, на всѣхъ преемниковъ по закону и завѣщанію распространяется дѣйствіе 1259 ст. или же лишь на нѣкоторыя группы ихъ.

Если придать рѣшающее значеніе тому обстоятельству, что 1258 и 1259 ст. ст. говорятъ о лицѣ, принявшемъ наследство,

³⁸¹⁾ См. Der Sachsenspiegel (Landrecht), изд. Weiske, 1911 г., I. 6. § 2, — Des Schwabenspiegels Landrechtsbuch, гл. XX. § 2, изд. Gengler, 1875. Ср. Stobbe: Handbuch, V, § 285, I—V. Heussler—Institutionen II. § 176, Schröder—Lehrbuch der deutsch. R-gesch. S 345, 773, Кассо: Преемство наследника въ обязательствахъ наследодателя, гл. II, бар. Фрейтагъ-Лоринговень: „Наследованіе въ крестьянской недвижимости по германскому праву“, т. I, § 4.

а подъ наследствомъ законъ разумѣетъ совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго (1104 ст.), то необходимо прийти къ выводу, что ст. 1259 устанавливаетъ неограниченную отвѣтственность по обязательствамъ наследодателя лишь для его общаго преемника. Отсюда *a contrario* естественно вытекаетъ другой выводъ, что всѣ частные преемники въ имуществѣ умершаго несутъ лишь ограниченную отвѣтственность по его долгамъ и обязательствамъ. Указанные выводы основаны на содержаніи и прямомъ истолкованіи статей 1104 и 1259.

Противъ сдѣланнаго вывода можетъ быть приведено то возраженіе, что русское право не различаетъ ни въ порядкѣ наследованія по закону, ни въ порядкѣ наследованія по завѣщанію общихъ преемниковъ отъ частныхъ. Оно одинаково называетъ наследованіемъ преемство тѣхъ и другихъ.

Это смѣшеніе общаго и частнаго преемства при наследованіи по закону мы уже отмѣтили выше. То же самое явленіе имѣетъ мѣсто при наследованіи по завѣщанію.

Русское завѣщаніе въ своихъ основныхъ чертахъ не похоже на римское. По римскому гражданскому праву завѣщаніе обязательно содержало назначеніе общаго преемника: *testamenta vim ex institutione heredis accipiunt* (34. I, II, 20). По нашему праву духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ, на случай его смерти (1010 ст.). Подъ это опредѣленіе подходитъ, какъ установленіе общаго преемства, такъ и частнаго. Что и подтверждается вполне содержаніемъ ст. 1011: завѣщать имущество благоприобрѣтенное можно или въ полную собственность, или же во временное владѣніе и пользованіе. Завѣщать въ собственность можно все имущество (общее преемство), опредѣленную долю его (сонаследованіе или частное преемство) или же опредѣленные предметы (частное преемство). Завѣщаніе же имущества въ пожизненное владѣніе является установленіемъ частнаго преемства—именно легата. Такимъ образомъ назначеніе общаго преемника по нашему закону не обязательно и завѣщаніе можетъ содержать одни частныя распоряженія.

По своему происхожденію русское завѣщаніе есть устройство души и уряженіе семьи на случай смерти. Наследодатель подводитъ итоги своему имущественному положенію, соображаетъ его активъ и пассивъ и опредѣляетъ судьбу имущества на

случай смерти: часть имущества назначает на похороны, на поминаль души, на уплату долговъ, а остальное распределяет между своими близкими. Такое духовное завѣщаніе (сначала словесное — „изустная память“, а затѣмъ и письменное — „духовная“ или „душевная грамота“) представляет изложеніе основаній будущаго фактическаго раздѣла наслѣдства. Самый раздѣлъ происходит послѣ смерти завѣщателя. Отсюда понятно и происхожденіе предвареннаго наслѣдованія, выдѣла. Иногда наслѣдодатель по какому нибудь случаю, напримѣръ, по случаю выдачи дочерей замужъ, женитьбы сына или желанія его раздѣлиться съ отцемъ и основать самостоятельное хозяйство, выдавалъ причитающуюся имъ долю въ наслѣдственномъ имуществѣ еще при своей жизни, выдѣлялъ ихъ.

Первоначально наслѣдованіе по закону и по завѣщанію совпадало. И завѣщаніе представляло лишь раздѣлъ имущества на случай смерти между законными преемниками, уряженіе семьи во избѣжаніи могущихъ произойти недоразумѣній послѣ смерти завѣщателя. И до сихъ поръ еще распространеннымъ типомъ завѣщанія является у насъ завѣщаніе, содержащее не назначеніе общаго и частныхъ преемниковъ, а предметное распредѣленіе имущества, напр.: домъ съ землею завѣщаю сыну, движимое имущество и обстановку въ домѣ женѣ (съ правомъ пожизненнаго проживанія въ домѣ), денежный капиталъ дочери. Завѣщатель не указываетъ и законъ не обязываетъ его указать, кто изъ означенныхъ лицъ является общимъ его преемникомъ и кто частнымъ ³⁸²⁾.

³⁸²⁾ Римское право допускало назначеніе наслѣдника въ определенной вещи *institutio heredis ex re certa*, представляющее на первый взглядъ противорѣчіе съ основнымъ понятіемъ наслѣдованія какъ универсальнаго преемства. Но благодаря особенностямъ римскаго наслѣдованія и допущенію пвѣстныхъ фикцій такой преемникъ въ определенной вещи могъ быть рассматриваемъ какъ универсальный преемникъ. Римское право не допускало послѣ умершаго одновременно наслѣдованія по завѣщанію и по закону (къ оставшемуся внѣ завѣщательныхъ распоряженій имуществу). Поэтому если завѣщатель назначилъ пвѣстное лицо (одно) своимъ наслѣдникомъ, но въ определенной вещи, то послѣднее добавленіе рассматривалось какъ не существующее и *heres ex certa re*, какъ *heres ex asse*. Но такое назначеніе могло содержать молчаливое установленіе универсальнаго фидеикомисса въ пользу третьяго лица, благодаря чему подобный наслѣдникъ долженъ былъ выдать все наслѣдство универсальному фидеикомиссарію съ удержаніемъ определенной вещи, или обратнымъ полученіемъ ея въ видѣ легата. Если завѣщатель назначилъ нѣсколь-

Такимъ образомъ, ни въ порядкѣ наслѣдованія по закону, ни въ порядкѣ наслѣдованія по завѣщанію наше право не даетъ опредѣленія общаго и частнаго преемства и не проводитъ между ними точнаго разграниченія. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что нашъ законъ не даетъ основаній для установленія соответствующихъ понятій и вытекающихъ отсюда различій между ними. Ст. 1104 т. X, ч. I въ связи со ст.ст. 1258 и 1259 даетъ основаніе для опредѣленія понятія общаго преемства, ст.ст. 1011, 1141 (1148 прим.), 533¹⁻¹³ вещнаго легата, ст. 1086 обязательственнаго легата, ст.ст. 1142 и 1148—1161—особыхъ видовъ частнаго посмертнаго преемства. И вопросъ возникаетъ не о томъ, признаны ли къ нашему праву понятія, выработанныя наукою права, возможно ли говорить объ общемъ и частномъ преемствѣ

кихъ лицъ своими наслѣдниками, но каждаго въ определенной вещи, такіе преемники рассматривались какъ *heredes sine parte scripti*, призванные къ наслѣдованію въ равныхъ доляхъ (*ex aequis partibus*), при чемъ назначенныя имъ опредѣленныя вещи признавались входящими въ составъ ихъ наслѣдственныхъ долей, образуя прелегаты. Назначеніе въ числѣ нѣсколькихъ наслѣдниковъ одного въ определенной вещи представляло *institutio heredis sine parte*, при этомъ предполагался молчаливый фидеикомиссъ его доли въ пользу прочихъ наслѣдниковъ съ удержаніемъ *rei certae* въ качествѣ легата, такъ что подобному преемнику оставался лишь *nudum nomen heredis*. Но это „пустое названіе“ давало право на *jus accrescendi* и при устраненіи настоящихъ наслѣдниковъ *heres ex re certa* становился универсальнымъ преемникомъ умершаго *ex testamento* (подробности см. Vangerow, Pandekt. II, § 449, Anm. 2, Koerper-Lehrbuch § 77, а также Дернбургъ, Панд. III, § 87). Вся эта запутанная конструкція римскаго права основана на правовомъ формализмѣ римлянъ и уваженіи ихъ къ волѣ завѣщателя. Въ римскомъ правѣ изъ самой формулы назначенія преемника было видно, желаетъ ли наслѣдодатель сдѣлать его своимъ универсальнымъ или частнымъ преемникомъ (*heres esto, do lego, damnas esto dare* и т. п.). Названіе въ завѣщаніи пвѣстнаго лица наслѣдникомъ, съ назначеніемъ ему точно определенныхъ вещей или правъ (напр. usufrукта) вынуждаетъ римлянъ прибѣгать къ фикціямъ, создавать сложную конструкцію, чтобы удовлетворить требованіямъ правового формализма и исполнить волю завѣщателя.

Современное право не имѣетъ надобности прибѣгать къ подобнымъ фикціямъ и соединять въ одномъ опредѣленіи взаимно исключаютія другъ друга понятія. Оно признаетъ пвѣстное лицо наслѣдникомъ или частнымъ преемникомъ наслѣдодателя въ завѣщаніи отъ характера и объема предоставленныхъ ему закономъ или завѣщаніемъ правъ, а не отъ того или другаго названія, употребленнаго наслѣдодателемъ. Поэтому преемники въ определенныхъ вещахъ или правахъ должны быть рассматриваемы въ современномъ правѣ какъ легатаріи (именно какъ вещные легатаріи). Ср. § 2087 Герм. Гр. Улож.

по нашему закону и о различии между ними, въ утвердительномъ смыслѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ и Правительствующій Сенатъ (см. напр. рѣш. Гр. Кассац. Деп. 1909 г. № 40), но вопросъ заключается собственно въ томъ, какое практическое значеніе имѣетъ различіе между общимъ и частнымъ преемствомъ въ вопросѣ объ отвѣтственности по долгамъ наследодателя по нашему праву, примѣнимо ли это различіе къ ст. 1259, распространяется ли поэтому дѣйствіе ст. 1259 на всѣхъ преемниковъ наследодателя или же только на общихъ его преемниковъ—наследниковъ.

Мы полагаемъ, что прямое содержаніе ст.ст. 1104 и 1259 т. X, ч. I даетъ основаніе для разрѣшенія этого вопроса во второмъ смыслѣ. Въ томъ же насъ убѣждаютъ и слѣдующія соображенія. Вѣдь, смѣшеніе понятій общаго и частнаго преемства возникло и укоренилось въ нашемъ правѣ еще до изданія Свода Законовъ, когда вообще юридическая мысль была слабо развита, да и практическихъ побужденій къ разграниченію общаго и частнаго преемства не существовало, такъ какъ по долгамъ наследодателя отвѣчали всѣ его преемники, но лишь въ размѣрахъ полученнаго. Постановленія же статей 1104 и 1259 представляютъ несомнѣнную рецепцію началъ римскаго права, которыя черезъ посредство французскаго кодекса, австрійскаго уложенія и литовскаго права оказали большое вліяніе на редакцію многихъ постановленій т. X, ч. I Св. Зак. Гр. Поэтому различіе между общимъ и частнымъ преемствомъ, выросшее на почвѣ римскаго права, должно быть примѣнено именно къ ст. 1259, представляющей рецепцію римскихъ правовыхъ началъ. Кромѣ того, правило ст. 1259 о неограниченной отвѣтственности лица, принявшаго наследство, по обязательствамъ наследодателя представляетъ нововведеніе, идущее въ разрѣзъ съ общимъ духомъ нашего стараго права. Поэтому ст. 1259 должна быть истолкована въ смыслѣ прямого ея содержанія, а не распространительно. Такое именно толкованіе отвѣчаетъ духу русскаго права, знавшаго лишь ограниченную отвѣтственность по обязательствамъ наследодателя.

Но предложенное толкованіе ст. 1259, т. X, ч. I въ настоящее время уже не можетъ имѣть мѣста по крайней мѣрѣ въ его полномъ объемѣ. Въ 1862 году послѣдовало разрѣшеніе завѣщать родовыя имущества въ пожизненное владѣніе пережившему супругу и установлены правила передачи имѣнія по-

жизненному владѣльцу, пользованія имѣніемъ и отвѣтственности пожизненнаго владѣльца по долгамъ завѣщателя³⁸³). Въ этомъ узаконеніи вопросъ объ отвѣтственности по долгамъ наследодателя разрѣшенъ въ смыслѣ, противоположномъ высказанному выше толкованію ст. 1259. Законодатель противопоставляетъ здѣсь пожизненнаго владѣльца наследникамъ³⁸⁴), но въ вопросѣ объ отвѣтственности по долгамъ наследодателя ставитъ ихъ въ одинаковое положеніе, уравниваетъ по качеству и существу отвѣтственности, устанавливая различіе лишь въ количественномъ отношеніи—по соразмѣрности съ величиной полученнаго актива. Изъ содержанія ст. 533⁹ ясно, что законодатель устанавливаетъ одинаковую и въ связи съ 1259 ст. именно неограниченную отвѣтственность, какъ для пожизненнаго владѣльца, такъ и для наследниковъ³⁸⁵). Хотя ст.ст. 533¹—533¹³—предусматриваютъ одинъ опредѣленный случай частнаго наследственнаго преемства и устанавливаютъ объемъ правъ и обязанностей пожизненнаго владѣльца въ родовомъ имѣніи, однако, установленная здѣсь отвѣтственность пожизненнаго владѣльца по долгамъ наследодателя (533⁹) можетъ быть принята какъ выраженіе общаго взгляда законодателя на отвѣтственность преемниковъ по нашему праву, какъ дополненіе и поясненіе ст. 1259. Съ этой точки зрѣнія вполне объяснимо распространительное толкованіе ст.ст. 533⁹ и 1259 и примѣненіе неограниченной отвѣтственности по долгамъ наследодателя не только къ пожизненному владѣльцу, указанному въ ст. 533¹—533¹³, но и ко всякому частному наследственному преемству. Послѣдній взглядъ раздѣляется большинствомъ нашихъ цивилистовъ³⁸⁶).

Однако, столь широкое толкованіе ст. 1259 представляется

³⁸³) 1862 г. 27 февр. П. С. З. № 38005, ст. ст. 533¹—533¹³ т. X, ч. I Св. Зак. Гр.

³⁸⁴) 533⁹ „долги... разлагаются ко взысканію съ пожизненнаго владѣльца и съ наследниковъ“. 533¹² „По смерти пожизненнаго владѣльца имѣніе переходятъ къ наследникамъ вотчинника“...

³⁸⁵) Ст. 533⁹ „Долги, обеспеченные имѣніемъ, переданнымъ въ пожизненное владѣніе, взыскиваются съ сего имѣнія; всѣ же прочіе долги прежняго вотчинника, не обеспеченные ни тѣмъ имѣніемъ, ни какимъ либо другимъ, разлагаются ко взысканію съ пожизненнаго владѣльца и съ наследниковъ прежняго вотчинника по соразмѣрности съ имѣніемъ, поступившимъ къ первому въ пожизненное владѣніе, а къ послѣднимъ въ собственность“.

³⁸⁶) Напр. Кавеливымъ, Побѣдоносцевымъ, Шершеневичемъ, Анненковымъ, Кассо, Гуляевымъ и др.

намъ неправильнымъ и не соответствующимъ постановленіямъ нашего законодательства.

Въ качествѣ доказательства сошлемся на преемство родителей въ имущество дѣтей и нѣк. др. Законъ нашъ устанавливаетъ два вида такого преемства: въ имущество, подаренное родителями дѣтямъ (ст.ст. 1142 и 1144) и въ имущество, самими дѣтьми приобретенное (ст.ст. 1141 и 1145). Если сравнить содержаніе ст. 1146 съ постановленіями статей 1141, 1142, 1144 и 1145, то необходимо прийти къ выводу, что отвѣтственность родителей по долгамъ и обязательствамъ безпотомно умершихъ дѣтей въ обоихъ случаяхъ ограничена предѣлами полученнаго послѣ умершихъ имущества. Хотя ст. 1146 по своему буквальному содержанію непосредственно относится лишь къ ст.ст. 1144 и 1145, но преемство, установленное ст. 1144 тождественно по своей природѣ съ преемствомъ, установленнымъ ст. 1142, точно также и преемство, предусмотрѣнное ст. 1145, представляетъ одинъ общій институтъ, имѣетъ одну и ту же юридическую природу съ преемствомъ, предусмотрѣннымъ ст. 1141. Слѣдовательно, и отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ наследодателя должна быть въ указанныхъ случаяхъ одинакова.

Нельзя смотрѣть на постановленія статей 1144—1146, какъ на постановленія исключительныя по сравненію со ст.ст. 1141 и 1142. Какъ видно изъ содержанія означенныхъ статей закона и законодательныхъ источниковъ, изъ коихъ онѣ заимствованы, постановленія ст.ст. 1144 и 1145 представляютъ не исключеніе, а дополненіе и развитіе постановленій, содержащихся въ ст.ст. 1141 и 1142. Непосредственнымъ источникомъ ст.ст. 1141 и 1142 является Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 18 марта—14 июня 1823 г. ³⁸⁷⁾, коимъ установлено преемство родителей въ недвижимыхъ имѣніяхъ безпотомно умершихъ дѣтей: подаренное родителями имѣніе поступаетъ въ собственность, а приобретенное самими дѣтьми въ пожизненное владѣніе родителей. Источникомъ ст.ст. 1144 и 1145, равно какъ и 1146 является Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 18 июля 1827 г. Основаніемъ для сужденія Государственнаго Совѣта въ послѣднемъ случаѣ послужило то обстоятельство, что мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 14 июня 1823 г. были установлены права родителей только на недвижи-

³⁸⁷⁾ Болѣе подробно о немъ сказано выше стр. 135.

мыя имѣнія, оставшіяся послѣ безпотомно умершихъ дѣтей. при чемъ относительно движимаго имущества послѣднихъ не было слѣдано никакого распоряженія. 18 июля 1827 г. на усмотрѣніе Государственнаго Совѣта и былъ поставленъ вопросъ: „распространяется ли положеніе 18 марта (іюня 14) 1823 года, о наследствѣ родителей послѣ умершихъ безъ потомства дѣтей, на капиталы, въ разныя кредитныя установленія внесенныя“. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ. „На точномъ основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ 18 децъ марта (іюня 14) 1823 года Высочайше утвержденнаго, денежные капиталы, въ кредитныя установленія внесенные, и въ нихъ по смерти вкладчиковъ бездѣтно умершихъ, безъ всякаго особеннаго съ ихъ стороны законнаго распоряженія оставшіяся, по требованію родителей и по предьявленіи отъ нихъ надлежащихъ Судебныхъ свидѣтельствъ, обращать въ полную ихъ собственность, если въ тѣхъ представленныхъ ими Судебныхъ свидѣтельствахъ будетъ означено, что тѣ денежные капиталы признаны имъ принадлежащими, и отъ нихъ къ дѣтямъ ихъ дошедшими, въ противномъ случаѣ выдавать родителямъ съ капиталовъ сихъ одни только проценты по жизни, если въ данномъ имъ отъ Судебнаго мѣста свидѣтельствѣ будетъ означено, что тѣ капиталы не отъ нихъ къ дѣтямъ дошли, а самими дѣтьми ихъ были приобретены“. — Изъ приведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта съ несомнѣнностью очевидно, что постановленія ст.ст. 1144 и 1145 служатъ не исключеніемъ, а дополненіемъ и развитіемъ постановленій закона, изложенныхъ въ ст.ст. 1141 и 1142, представляютъ распространеніе на движимое имущество безпотомно умершихъ дѣтей тѣхъ же правилъ, какіе были установлены первоначально лишь относительно имущества недвижимаго.

При тождествѣ же юридической природы преемства и отвѣтственности по долгамъ и обязательствамъ наследодателя должна быть одинакова, именно ограниченная отвѣтственность, установленная ст. 1146. Да и нельзя допустить, чтобы законодатель, установившій въ 1827 г. ограниченную отвѣтственность родителей при переходѣ къ нимъ движимаго имущества дѣтей, въ 1823 г. при такомъ же переходѣ недвижимаго имѣнія имѣлъ намѣреніе установить неограниченную отвѣтственность родителей, такъ какъ ни въ 1827 году, ни тѣмъ болѣе въ 1823 г. въ нашемъ правѣ не существовало еще (въ видѣ общаго правила) неограниченной отвѣтственности преемниковъ по долгамъ на-

слѣдодателя. При изданіи же свода законовъ и при установле-
ніи правила ст. 1259 постановленіе объ ограниченной отвѣт-
ственности родителей не было устранено, а, наоборотъ, повторено
въ видѣ правила ст. 1146.

Изъ сказаннаго очевидно, что ст. 1259 не имѣетъ того безу-
словнаго характера, какой ей обыкновенно приписывается.

Могутъ въ видѣ возраженія указать, что преемство родите-
лей въ имуществѣ дѣтей представляетъ исключеніе въ системѣ
нашего наследственнаго права. Это указаніе съ нѣкоторымъ
основаніемъ можно отнести только къ преемству родителей въ
подаренномъ ими имуществѣ дѣтей, но не въ имуществѣ самими
дѣтьми приобретенномъ. Въ послѣднемъ случаѣ законъ устана-
вливаетъ частное наследственное преемство въ видѣ пожизнен-
наго владѣнія, которое ничѣмъ не отличается отъ пожизненнаго
владѣнія, установленнаго ст.ст. 533¹—533¹³ и въ болѣе общей
формѣ ст. 1011 т. X, ч. I.

Такимъ образомъ создается слѣдующее противорѣчивое
положеніе. Родители—пожизненные владѣльцы въ имѣніи дѣтей
отвѣчаютъ за долги послѣднихъ лишь въ предѣлахъ получен-
наго, пережившій же супругъ, получая въ пожизненное владѣніе
имѣніе умершаго супруга, несетъ неограниченную отвѣтствен-
ность по долгамъ и обязательствамъ послѣдняго. Въ всякаго
сомнѣнія, что природа пожизненнаго владѣнія въ томъ и дру-
гомъ случаѣ совершенно тождественна, равно какъ въ томъ и
другомъ случаѣ родители и пережившій супругъ являются не
наслѣдниками, а частными преемниками наслѣдодателя.

Примѣчаніе къ ст. 1259 устанавливаетъ ограниченную
отвѣтственность наслѣдниковъ по долговымъ обязательствамъ
наслѣдодателя безсрочнымъ и выданнымъ срокомъ до востребо-
ванія, если они представлены ко взысканію послѣ смерти долж-
ника. Слѣдовательно, если такое обязательство представлено ко
взысканію до смерти должника, хотя бы за ничтожно короткій
срокъ до этого событія, наслѣдники умершаго отвѣчаютъ неогра-
ниченно. Точно также неограниченно отвѣчаютъ они, если тѣ же
самыя обязательства носятъ срочный характеръ. Между тѣмъ
вполнѣ понятно, что природа обязательства не мѣняется отъ того
обусловлено ли исполненіе обязательства определеннымъ срокомъ
или нѣтъ, равно какъ и отъ того, когда оно представлено ко
взысканію—до или послѣ смерти должника.

Сравненіе содержанія ст. 533⁹ и 1259 со ст.ст. 1141, 1145

и 1146, а также съ примѣч. къ ст. 1259 приводитъ необходимо
къ тому выводу, что нашъ законъ не устанавливаетъ руководя-
щихъ основаній для признанія той или другой (ограниченной
или неограниченной) отвѣтственности преемниковъ по долгамъ
наслѣдодателя и не создаетъ единаго принципа отвѣтственности.
Приведенное выше толкованіе ст. 1259, согласно которому не-
ограниченная отвѣтственность должна быть возложена только
на общихъ преемниковъ умершаго, наталкивается на противо-
рѣчащее ему содержаніе ст. 533⁹. Общепринятое толкованіе ст.
1259, возлагающее неограниченную отвѣтственность безразлично
какъ на общихъ, такъ и на частныхъ преемниковъ умершаго,
встаетъ въ такое же противорѣчіе съ содержаніемъ ст.ст. 1141,
1145 и 1146, а также и примѣч. къ ст. 1259. Эта контроверза,
неустраняемая путемъ толкованія дѣйствующихъ законоположеній,
является нагляднымъ доказательствомъ того, настолько противо-
рѣчивый и хаотичный характеръ носить въ нашемъ правѣ
отвѣтственность преемниковъ въ имуществѣ умершаго по его
долгамъ и обязательствамъ. Принципъ неограниченной отвѣт-
ственности, рецепированный изъ права римскаго, совершенно не
согласованъ съ началами отвѣтственности, установленными рус-
скимъ правомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не устраняетъ ихъ совершенно,
не носитъ безусловнаго характера.

Такимъ образомъ по точному разуму нашего закона ограни-
ченная отвѣтственность преемниковъ умершаго по его долгамъ
и обязательствамъ возникаетъ въ случаяхъ преемства, установ-
ленныхъ ст.ст. 1141 и 1145, 1142 и 1144, примѣч. къ 1259 ст.
т. X, ч. 1 и ст. 61 Улож. о Наказ. Неограниченная же отвѣт-
ственность возложена по силѣ ст.ст. 1259 и 1104 т. X, ч. 1 на
общихъ преемниковъ умершаго и по силѣ 533⁹ и 1259 ст.ст. т.
X, ч. 1 на частнаго преемника, указаннаго въ ст.ст. 533¹—533¹³.
Отвѣтственность преемниковъ умершаго во всѣхъ прочихъ слу-
чаяхъ прямо не предусмотрѣна закономъ и должна быть опредѣ-
лена въ зависимости отъ характера и природы преемства
аналогично отвѣтственности той или другой изъ двухъ указан-
ныхъ группъ.

Въ частности, отвѣтственность пережившаго супруга по дол-
гамъ и обязательствамъ умершаго—по нашему мнѣнію—должна
быть ограничена предѣлами полученнаго.

Возложеніе на пережившаго супруга неограниченной отвѣт-
ственности по обязательствамъ умершаго противорѣчитъ при-

родъ института указной доли и не оправдывается ни прямымъ содержаніемъ статьи 1259, ни тѣмъ разъясненіемъ ея, какое даетъ статья 533⁹.

Указная доля представляетъ выдѣлъ на прожитокъ, является средствомъ обезпечить существованіе пережившаго супруга. Предоставленіе средствъ на прожитокъ съ одной стороны и установленіе вслѣдствіе этого неограниченной отвѣтственности съ другой находится въ полномъ противорѣчій другъ съ другомъ. Нѣтъ никакой необходимости впадать въ такое противорѣчіе. Ст. 1259 и въ томъ распространительномъ ея толкованіи, какое можно вывести изъ содержанія ст. 533⁹ относится, какъ мы видѣли выше, не ко всѣмъ видамъ наследственнаго преемства. Тѣмъ менѣе основаній распространять постановленіе ст. 1259 на институтъ, юридическая природа коего отличается отъ природы какъ общаго, такъ и частнаго наследственнаго преемства, который по своему внутреннему характеру и цѣлямъ законодателя долженъ удовлетворять другимъ, нежели наследственное преемство, общественнымъ потребностямъ. Установленіе неограниченной отвѣтственности пережившаго супруга приводитъ къ извращенію идеи, положенной въ основаніе института указной доли — какъ вспомошествованія пережившему супругу изъ имущества умершаго. Распространять же правило ст. 1259 вопреки ея содержанія и безъ яснаго указанія закона на тѣ виды преемства (преемство супруговъ, преемство фиска), которые по своей природѣ не должны подлежать неограниченной отвѣтственности, значить быть болѣе строгимъ, чѣмъ самъ законъ, допускать въ толкованіи закона внутреннее противорѣчіе тамъ, гдѣ его можно избѣжать ³⁸⁸).

³⁸⁸) Какъ цивилисты теоретики, такъ и судебныя практики склонны разсматривать неограниченную отвѣтственность преемниковъ умершаго, какъ общее правило нашего дѣйствующаго права, а отвѣтственность ограниченную, какъ исключеніе, установленное закономъ лишь въ особыхъ случаяхъ наследственнаго преемства. Приведенный взглядъ вызванъ весьма понятнымъ стремленіемъ свести къ единству разнохарактерную систему отвѣтственности преемниковъ умершаго по его долгамъ и обязательствамъ по нашему дѣйствующему праву. Мы выше старались показать, что подобный взглядъ не правиленъ, что законъ вообще не даетъ руководящаго критерія для признанія той или другой отвѣтственности преемниковъ умершаго и тѣмъ болѣе такимъ критеріемъ не можетъ служить общій или исключительный характеръ преемства, такъ какъ и пожизненное владѣніе родителей имуществомъ безпотомно умершихъ дѣтей, и наследованіе беззачиннаго обязательства не представляютъ по своей при-

По разуму закона и цѣлямъ законодателя пережившій супругъ долженъ получать указную долю изъ чистаго актива наследства, за уплатой долговъ, и въ случаѣ обращенія взыскація по долгамъ умершаго отвѣчать лишь въ размѣрѣ полученнаго послѣ него имущества. Такимъ образомъ общимъ видомъ отвѣтственности пережившаго супруга, связаннымъ съ полученіемъ указной доли, является отвѣтственность, ограниченная предѣлами полученнаго.

Надо, однако, замѣтить, что и ограниченная отвѣтственность пережившаго супруга по долгамъ умершаго не можетъ быть распространена на всѣ случаи выдѣла указной доли. Она не распространяется на случаи выдѣла указной доли изъ имущества тестя или свекра. При выдѣлѣ указной доли изъ недвижимаго имѣнія тестя или свекра при жизни ихъ (на основаніи 1151 и 1153 ст.ст.) пережившій супругъ не долженъ нести никакой отвѣтственности по долгамъ умершаго. Въ данномъ случаѣ онъ не является преемникомъ умершаго, а получаетъ указную часть изъ имущества его живого отца. Такой выдѣлъ представляетъ случай предвареннаго преемства въ имуществѣ тестя или свекра, а никакъ не преемство въ имуществѣ умершаго супруга — поэтому съ такимъ выдѣломъ не можетъ быть связана и отвѣтственность получателя по долгамъ умершаго супруга. Предоставленіемъ права на выдѣлъ указной доли изъ движимаго и недвижимаго имущества умершаго тестя или свекра, именно изъ той части ихъ имущества, которая припала бы на долю умершаго супруга, если бы онъ при смерти отца своего въ живыхъ находился (1149, 1151 и 1154 ст.ст. т. X, ч. 1 Зак. Гр.) — пережившему супругу даровано право, аналогичное съ правомъ представленія. Поэтому по аналогіи съ 1123 и 1262 ст.ст. т. X, ч. 1 Зак. Гражд. пережившаго супруга нужно разсматривать въ данномъ случаѣ не въ качествѣ преемника умершаго супруга, а какъ непосредственнаго преемника тестя или свекра. Слѣдовательно, съ этимъ выдѣломъ можетъ быть связана лишь отвѣтственность получателя по долгамъ тестя (свекра), а не по долгамъ умершаго супруга.

родъ ничего исключительнаго. Однако, и съ точки зрѣнія этого взгляда пережившій супругъ долженъ нести ограниченную отвѣтственность по обязательствамъ умершаго, такъ какъ безъ сомнѣнія преемство супруговъ по нашему праву болѣе чѣмъ какое-либо другое преемство въ имуществѣ умершаго носитъ характеръ преемства исключительнаго.

Изъ другихъ послѣдствій принятія наслѣдства по нашему праву, относящихся къ отвѣтственности преемниковъ по долгамъ наслѣдодателя, надлежитъ отмѣтить слѣдующія.

По долгамъ и обязательствамъ наслѣдодателя преемники его отвѣчаютъ у насъ не солидарно, какъ напр. въ правѣ германскомъ (ср. § 2058 B. G. B.) и швейцарскомъ (§ 639 Z. G. B.), а по соразмѣрности съ полученнымъ. Этотъ принципъ ясно выраженъ въ ст. 1259 и подтвержденъ въ ст.ст. 1543 и 1553 т. X, ч. 1. Въ частности пережившій супругъ несетъ отвѣтственность при преемствѣ по закону соразмѣрно своей наслѣдственной доль: $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{7}$, хотя бы онъ владѣлъ всею имуществомъ, такъ какъ въ остальной части онъ является простымъ оккупантомъ.

Изъ содержанія 1259 ст. можно вывести заключеніе, что взысканіе по долгамъ наслѣдодателя прежде всего должно быть обращено на наслѣдственное имущество и только при недостаткѣ его на имущество наслѣдниковъ. Однако, отсутствіе въ нашемъ правѣ *beneficium separationis* или же другихъ формъ для установленія *separationis bonorum* наслѣдника и наслѣдодателя³⁸⁹⁾ лишаетъ практическаго значенія приведенное указаніе закона: ни наслѣдникъ, ни кредиторы наслѣдодателя не имѣютъ легальныхъ формъ для полного использования указанной льготы³⁹⁰⁾.

III. Толкованіе постановленій дѣйствующаго права о преемствѣ супруговъ.

Постановленія закона, регулирующія выдѣлъ указанной части, не отличаются достаточной полнотой и ясностью. Отмѣтимъ наиболѣе существенныя пробѣлы и неясности, встрѣчающіеся при болѣе подробномъ ознакомленіи съ каждой статьей закона въ отдѣльности.

³⁸⁹⁾ Beneficium separationis существуетъ въ правѣ французскомъ (см. Code civ. art 878—881), итальянскомъ (Codice civ. art 1032, 2054—2065) австрійскомъ (Allg. B. G. B. § 812). Германское гражд.улож. устанавливаетъ *separatio bonorum* наслѣдодателя и наслѣдника путемъ учрежденія управленія наслѣдствомъ (§ 1931), швейцарское гр. ул. посредствомъ ликвидациі наслѣдства подлежащей властью (§§ 593—597).

³⁹⁰⁾ Ср. впрочемъ, рѣш. Гр. К. Д. 1886/63. 1887/76. 1881/187.

Ст. 1148 т. X, ч. 1³⁹¹⁾. Такъ какъ по силѣ 1148 ст. право на выдѣлъ имѣетъ только законная жена послѣ умершаго мужа, а по силѣ 1153 ст. законный мужъ послѣ умершей жены, слѣдовательно, первымъ и необходимымъ условіемъ для осуществленія преемства супруговъ является состояніе ихъ въ законномъ бракѣ въ моментъ смерти наслѣдодателя.

Ст. 37 т. X, ч. I указываетъ основанія для признанія брака недѣйствительнымъ. Но бракъ можетъ быть признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ и послѣ смерти наслѣдодателя: 1) вслѣдствіе начатаго въ духовномъ судѣ еще при его жизни производства о недѣйствительности брака, 2) вслѣдствіе предъявленія въ давностный срокъ со дня смерти наслѣдодателя заинтересованными лицами иска о признаніи пережившаго супруга неимѣющимъ права на соединенныя съ бракомъ гражданскія и имущественныя права и въ частности на выдѣлъ указанной доли. Давностный срокъ на предъявленіе подобнаго иска по смыслу и содержанію 1337 и 1340 ст. ст. Уст. Гр. Суд. и 533¹³⁾ т. X, ч. I Зак. Гр. долженъ быть опредѣленъ въ 2 года со дня смерти наслѣдодателя.—Отсутствіе вышеуказанныхъ споровъ или окончательный отказъ въ нихъ подлежащимъ судомъ является необходимымъ условіемъ для полученія выдѣла указанной доли³⁹²⁾.

³⁹¹⁾ Ст. 1148. «Законная жена послѣ мужа, какъ при живыхъ дѣтяхъ, такъ и безъ оныхъ, получаетъ изъ недвижимаго имѣнія седьмую часть (а), а изъ движимаго четвертую (б). Право сіе не ограничиваетъ, однако, владѣльцевъ въ свободномъ распоряженіи благопріобрѣтенными имѣніями и въ завѣщаніи оныхъ. Когда осталось послѣ умершаго завѣщаніе, то оставшемуся въ живыхъ супругу опредѣляются одному послѣ другого указныя доли изъ той только части сего рода имѣнія, о которомъ не сдѣлано распоряженія въ завѣщаніи (в).

³⁹²⁾ Но изъ постановленій закона о послѣдствіяхъ признанія брака недѣйствительнымъ существуетъ одно исключеніе. Согласно 133 ст. т. X, ч. I въ случаѣ признанія брака недѣйствительнымъ, если одинъ изъ супруговъ былъ вовлеченъ въ такой бракъ обманомъ или насиліемъ, гражданскій судъ (уголовный), рассматривающій дѣло послѣ суда духовнаго, можетъ повергать на Высочайшее усмотрѣніе участь невиннаго супруга. Просьбы, объ этомъ могутъ быть заявлены суду гражданскому и въ томъ случаѣ, когда рѣшеніе суда духовнаго о недѣйствительности брака постановляется послѣ суда уголовного. Таки просьбы подаются и рассматриваются въ порядкѣ 1337—1345 ст.ст. Уст. Гр. Суд. А такъ какъ въ указанномъ порядкѣ разрѣшаются дѣла о сопряженныхъ съ существованіемъ законнаго брака гражданскихъ личныхъ и по имуществу правахъ, какъ самихъ супруговъ, такъ и рожденныхъ отъ ихъ брака дѣтей, то, очевидно, на основ. 133 ст. т. X, ч. I невинный супругъ, бракъ ко-

Ст. 1148 предоставляет пережившему супругу право на получение $\frac{1}{7}$ части из недвижимого имения умершаго и $\frac{1}{4}$ части из движимаго. Это постановление должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что пережившему супругу предоставляется право на $\frac{1}{2}$ часть не только въ недвижимомъ имѣніи умершаго, но и во всякомъ вещномъ правѣ, принадлежавшемъ послѣднему, а также право на $\frac{1}{4}$ часть не только въ движимомъ имуществѣ, но и во всякомъ имущественномъ правѣ умершаго обязательственнаго характера (за исключеніемъ, разумѣется, строго личныхъ имущественныхъ правъ, которые на преемниковъ не переходятъ).

Право супруговъ на указную часть не ограничиваетъ владѣльцевъ въ свободномъ распоряженіи благопріобрѣтенными имѣніями и въ завѣщаніи ихъ и пережившій супругъ получаетъ указную долю только изъ той части благопріобрѣтеннаго (и родового, подлежащаго завѣщанію согласно 1068¹ ст.) имѣнія, о которомъ не сдѣлано распоряженія въ завѣщаніи.

И при наличности завѣщательнаго распоряженія, какъ совершенно правильно указываетъ Анненковъ ³⁹³), за пережившимъ супругомъ должно быть признано право на получение указной доли изъ завѣщаннаго благопріобрѣтеннаго имущества, если послѣднее завѣщано не въ собственность, а во временное владѣніе или пользованіе. Въ такомъ случаѣ пережившій супругъ получаетъ указную долю въ собственность съ ограниченіемъ въ видѣ пользованія, установленнымъ завѣщательнымъ распоряженіемъ. Точно также, если супругу вдову завѣщана часть благопріобрѣтеннаго имущества, то хотя бы эта часть по размѣрамъ своимъ превышала указную долю, пережившій супругъ имѣетъ право на выдѣлъ указной доли изъ оставшагося внѣ завѣщательныхъ распоряженій имущества умершаго.

тораго съ виновнымъ, хотя и признанъ недействительнымъ, можетъ просить судъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ объ оставленіи за нимъ личныхъ и имущественныхъ правъ, принадлежащихъ законному супругу, и, слѣдовательно, въ числѣ послѣднихъ—права, предоставленнаго 106 и 1148 и сл. ст. т. X, ч. I. Это единственный случай, когда нашъ законъ въ экстра-ординарномъ порядкѣ путемъ обращенія къ милости Монарха открываетъ возможность пережившему супругу получить указную часть при расторженіи законнаго брака.

³⁹³) Система, т. VI, стр. 355.

Примѣчаніе къ ст. 1148 ³⁹⁴) относится только къ родовому имѣнію, завѣщанному пережившему супругу, и не касается прочихъ имѣній наслѣдодателя. Поэтому предоставленіе пережившему супругу права пожизненнаго владѣнія въ родовомъ имѣніи или въ части его не лишаетъ послѣдняго права на выдѣлъ указной доли изъ остальнаго какъ родового, такъ и благопріобрѣтеннаго имущества умершаго, оставшагося внѣ завѣщательныхъ распоряженій или хотя и завѣщаннаго, но вопреки постановленіямъ о завѣщаніи родовыхъ имѣній.

Супругъ, которому предоставлено право на пожизненное владѣніе родовымъ имѣніемъ другого супруга, благодаря этому лишается права на указную часть въ этомъ имѣніи, но онъ можетъ отказаться отъ пожизненнаго владѣнія и просить о выдѣлѣ ему указной части изъ означеннаго имѣнія. Возникаетъ вопросъ, примѣнимо ли приведенное правило къ благопріобрѣтеннымъ имѣніямъ. Предоставленіе права пожизненнаго владѣнія въ благопріобрѣтенномъ имѣніи лишаетъ ли пережившаго супруга права на указную часть? И можетъ ли онъ отказаться отъ пожизненнаго владѣнія и требовать выдѣла указной части изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія? Принимая во вниманіе, что законъ 27 февраля 1862 г. относится исключительно до родовыхъ имѣній, расширяетъ право завѣщательнаго распоряженія ими въ пользу пережившаго супруга, что при завѣщаніи благопріобрѣтеннаго имѣнія лишь во временное владѣніе пережившій супругъ, какъ указано выше, не можетъ быть лишенъ права на выдѣлъ указной доли въ собственность, и характеръ юридическихъ отношеній, отсюда возникающихъ, не мѣняется отъ того, что такимъ пользователемъ является самъ супругъ, что отказъ ему при такомъ положеніи въ выдѣлѣ вдовой доли является не основаннымъ на прямомъ постановленіи закона ограниченіемъ его права—слѣдуетъ прійти къ отрицательному отвѣту на первый изъ указанныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, пережившій супругъ, которому предоставлено пожизненное владѣніе въ благо-

³⁹⁴) «Супругъ, которому предоставлено право на пожизненное владѣніе родовымъ имѣніемъ другого супруга, черезъ то самое лишается указной, слѣдующей ему, по общимъ законамъ, части изъ сего имущества; но онъ можетъ, по желанію, не вступая въ предоставляемое ему пожизненное владѣніе, отречься отъ него и вмѣсто того требовать себѣ въ собственность указную изъ всего имѣнія часть, на основаніи сей (1148) статьи, а равно и статей 1151 и 1153».

приобрѣтенномъ имѣніи умершаго, не лишень по закону права на выдѣлъ указанной доли изъ этого имѣнія, если, разумѣется, оно осталось внѣ завѣщательныхъ распоряженій въ собственность или изъ той его части, которая осталась внѣ такихъ распоряженій. Точно также надлежитъ отвѣтить отрицательно относительно права супруга-вдовца, отказавшагося отъ пожизненнаго владѣнія въ благоприобрѣтенномъ имѣніи, требовать выдѣла ему указанной части, если имѣніе завѣщено въ собственность другимъ лицомъ, такъ какъ на осн. 1148 ст. пережившему супругу принадлежитъ право на указанную долю изъ той только части благоприобрѣтеннаго имѣнія, которое осталось внѣ завѣщательныхъ распоряженій (въ собственность).

Ст. 1148² представляетъ исключеніе изъ общаго правила о преемствѣ супруговъ позднѣйшаго происхожденія (1895 г.). Она устанавливаетъ положеніе, что доли призоваго вознагражденія, причитающіяся умершему мужу, выдаются вдовѣ полностью въ томъ случаѣ, если умершій супругъ не оставилъ послѣ себя прямыхъ нисходящихъ потомковъ.

Ст. 1149³⁰⁵) даетъ вдовѣ право, аналогичное праву представленія. Право вдовы на выдѣлъ указанной части изъ имущества умершаго свекра не является въ подлинномъ смыслѣ правомъ представленія. Право представленія есть вступленіе нисходящаго въ мѣсто и степень ближайшаго наследника, умершаго ранѣе открытія наследства, полное замѣщеніе послѣдняго прямымъ нисходящимъ во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ, соединенныхъ съ принятіемъ наследства. Пережившій супругъ, получая выдѣлъ изъ имущества тестя или свекра на осн. 1149 ст., не вступаетъ въ мѣсто и степень ранѣе умершаго супруга, не замѣщаетъ его во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ, а получаетъ только $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{4}$ часть его правъ и отвѣчаетъ соразмѣрно полученному и—по нашему мнѣнію—лишь въ размѣрахъ полученнаго. Право представленія принадлежитъ нисходящимъ во всѣхъ случаяхъ, когда умершій восходящій является ближайшимъ преемникомъ наследодателя, право же пережившаго супруга, установленное 1149 ст. относится лишь

³⁰⁵) «Вдова не лишается указанной части и изъ того имущества, которое слѣдовало бы мужу ея, если бы, при открытіи наследства послѣ отца его, онъ въ живыхъ находился.

къ случаю открытія наследства послѣ свекра или тестя. Не забывая указанныхъ различій, мы и говоримъ, что право пережившаго супруга не является правомъ представленія, а лишь до известной степени аналогично ему (*quasi jus representationis*).

Право на выдѣлъ изъ имущества свекра или тестя согласно 1149 и слѣд. ст.ст. т. X, ч. I предусматриваетъ случай только физической смерти одного изъ супруговъ или же распространяется и на случай смерти гражданской? Вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ утвердительно. Законъ нашъ соединяетъ одинаковыя имущественно-правовыя послѣдствія съ гражданской смертью лица, какъ и со смертью физической. Право представленія, установленное ст. 1123, также говоритъ лишь о физической смерти, но несомнѣнно, что это право принадлежитъ дѣтямъ и въ случаѣ гражданской смерти родителей.

Изъ содержанія ст.ст. 1149, 1151 и 1153 возникаетъ вопросъ, относятся ли постановленія о выдѣлѣ указанной доли только къ имуществу тестя и свекра или также распространяются на имущество тещи и свекрови.

Отрицательное разрѣшеніе поставленнаго вопроса вытекаетъ не только изъ необходимости толковать ст.ст. 1149, 1151 и 1153, какъ законоположенія исключительныя, ограничительно, но главнымъ образомъ изъ соответствія такого разрѣшенія вопроса съ духомъ русскаго права, съ происхожденіемъ выдѣла указанной части изъ имущества свекра. Этотъ выдѣлъ развился въ помѣстномъ правѣ. Обладаніе помѣстьемъ для мужчины было соединено съ обязанностью личной военной или земской службы, въ отправленіи коей владѣльца помѣстья въ известныхъ случаяхъ могли замѣнять сыновья (а также и зятья). Въ такихъ случаяхъ, если безпомѣстный сынъ, несшій службу съ отцова помѣстья, умиралъ при отправленіи своей службы, законодатель предоставилъ вдовѣ право на выдѣлъ указанной доли изъ помѣстья свекра. Въ эпоху господства помѣстной системы женщины (вдовы, матери, дочери) вообще получали въ помѣстьяхъ лишь выдѣлъ на прожитокъ, и владѣніе помѣстьемъ, конечно, не было связано для нихъ съ обязанностью личной службы и необходимостью замѣнять себя сыновьями или зятьями. Благодаря этому у умершаго не могло возникнуть тѣхъ отношеній по отбыванію служебной повинности со своею матерью, или у зятя съ тещей, какія нерѣдко возникали между сыномъ и отцемъ, зятемъ и тестемъ. Поэтому законъ нашъ, стоящій все-

цѣло на исторической почвѣ, и молчить о выдѣлѣ указной доли изъ имущества свекрови или тещи.

Ст. 1149 говоритъ, что вдова не лишается указной части изъ имущества свекра, которое слѣдовало бы мужу ея, если бы онъ при открытіи наслѣдства въ живыхъ находился. А такъ какъ сынъ является наслѣдникомъ отца во всей совокупности его имущественныхъ правъ, то изъ содержания ст. 1149 очевидно, что вдова имѣетъ право на выдѣлъ изъ всего оставшагося послѣ свекра наслѣдства изъ движимаго и недвижимаго имущества (какъ благопріобрѣтеннаго, такъ и родового), наличнаго и долгового и всѣхъ имущественныхъ правъ наслѣдодателя.

Какъ при выдѣлѣ указной доли на основаніи 1149 ст., такъ и на основаніи ст.ст. 1151 и 1153 должны быть приняты во вниманіе постановленія ст.ст. 994—998 т. X, ч. I Зак. Гр. Такимъ образомъ, если умершій супругъ получилъ выдѣлъ изъ имущества своего отца полностью, супругъ вдовецъ не имѣетъ права требовать указной доли изъ имущества тестя или свекра, если же выдѣлъ былъ частичный, то сохраняетъ право требованія указной доли изъ недополученнаго умершимъ имущества.

Ст. 1150³⁹⁶⁾ подтверждаетъ, что въ указную часть не зачитается приданое и собственное имѣніе жены. Принципъ имущественной раздѣльности супруговъ, какъ мы видѣли выше, ведетъ свое происхожденіе изъ древне-русскаго права и подчеркивается въ ст. 1150. Но, кромѣ того, постановленіе этой статьи напоминаетъ намъ, что по нашему закону право на выдѣлъ указной доли принадлежит не только бѣдной вдовѣ, какъ по закону римлянъ, но и вдовѣ, имѣющей приданое и собственное имущество, до какихъ бы размѣровъ послѣднее ни простиралось.

Ст. 1151³⁹⁷⁾. Среди постановленій о выдѣлѣ указной доли изъ имущества свекра (и тестя) ст. 1149 устанавливаетъ общее

³⁹⁶⁾ «Приданое и собственное имѣніе жены, какъ принадлежащее ей до брака, такъ и пріобрѣтенное ею по вступленіи въ оный, въ указную ея часть не зачитается».

³⁹⁷⁾ «Когда за умершимъ собственнаго недвижимаго имѣнія не было, а осталось одно только движимое, то вдова его получаетъ при жизни свекра ея указную часть изъ той доли недвижимаго имѣнія сего послѣдняго, которая слѣдовала бы умершему ея мужу, и четвертую часть изъ движимаго собственнаго мужаго имѣнія; но на движимое свекра, при жизни его, она права не имѣетъ».

правило, а ст. 1151 специальное, относящееся къ особенному случаю, именно къ тому случаю, когда послѣ умершаго мужа не осталось собственнаго недвижимаго имѣнія, а только движимое. Въ этомъ случаѣ вдова получаетъ указную часть при жизни свекра изъ той доли недвижимаго имѣнія послѣдняго, которое слѣдовало бы умершему ея мужу и четвертую часть изъ движимости мужа, но на движимое имущество свекра при его жизни она права не имѣетъ.—Съ происхожденіемъ выдѣла изъ недвижимаго имѣнія свекра при его жизни и побудительными причинами, вызвавшими такой выдѣлъ, мы познакомились выше. Тѣми же причинами объясняется и то обстоятельство, что выдѣлъ указной доли при жизни свекра не распространяется на его движимое имущество.

По содержанию ст. 1149, равно какъ ст.ст. 1151 и 1153 можно заключить, что выдѣлъ указной доли долженъ производиться изъ всего имущества свекра. Никакихъ изъятій не установлено. Однако, Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что выдѣлъ указной доли при жизни тестя или свекра долженъ производиться только изъ родовыхъ имѣній послѣднихъ³⁹⁸⁾.

Въ подтвержденіе указаннаго взгляда приводятся слѣдующія соображенія.

1) выдѣлъ изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія противорѣчитъ предоставленному закономъ праву собственника благопріобрѣтеннаго имѣнія распорядиться послѣднимъ по своему усмотрѣнію; 2) хотя въ текстѣ закона и не установлено никакого различія относительно выдѣла изъ родового и благопріобрѣтеннаго имѣнія, но пробѣлъ этотъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что при установленіи права вдовы на выдѣлъ указной доли (1731 г.) въ нашемъ правѣ не установилось еще различія между родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями—послѣднее нашло мѣсто позднѣе, лишь въ 1785 году, и 3) въ статьѣ 1151 говорится о выдѣлѣ вдовѣ указной части изъ той доли имѣнія, которая слѣдовала бы умершему мужу, а эта часть—по силѣ закона о правѣ свободнаго распоряженія благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ—могла слѣдовать и слѣдовала бы только изъ родового имѣнія.

Всѣ приведенныя соображенія съ точки зрѣнія содержанія закона и источниковъ неправильны.

Выдѣлъ, предусмотрѣнный ст.ст. 1151, 1153 и 1154, противо-

³⁹⁸⁾ Ср. рѣш. Гр. К. Д. 1868/869, 1884/23 и 1897/68.

рѣшить не только праву распоряженія благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, но также и праву распоряженія родовымъ имѣніемъ—напримѣръ, возмездному отчужденію этого имѣнія, выдѣлу нисходящихъ, даренію законнымъ наслѣдникамъ. Слѣдовательно, нельзя въ качествѣ основанія противъ выдѣла указывать на ограниченіе правъ собственника благопріобрѣтеннаго имѣнія. Съ этой точки зрѣнія выдѣлъ одинаково не примѣнимъ какъ къ благопріобрѣтенному такъ и родовому имѣнію, и толкованіе, допускающее выдѣлъ изъ родового имѣнія и отрицающаго выдѣлъ изъ благопріобрѣтеннаго, содержитъ внутреннее противорѣчіе.

Ссылка на то обстоятельство, что различіе между родовой и благопріобрѣтенной недвижимостью установилось въ нашемъ правѣ позднѣе возникновенія выдѣла изъ имѣній свекра, именно въ 1785 г.—фактически не вѣрна.—О выдѣлѣ вдовѣ изъ недвижимости свекра при жизни послѣдняго упоминается впервые въ новоуказныхъ статьяхъ 10 марта 1676 г. (см. П. С. З. № 633 ст. 15), это постановленіе подтверждается указомъ 20 августа 1677 г. (П. С. З. № 700, ст. 19), подробно развивается въ указѣ 11 октября 1686 г. (П. С. З. № 1214) и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ составляетъ содержаніе п. 2 указа 17 марта 1731 г. (П. С. С. № 5717). Различіе же между родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями возникло и установилось въ русскомъ правѣ значительно ранѣе (ср. Царскій судебникъ, ст. 85, указъ 28 декабря 1628 г., Уложеніе гл. XVII ст.ст. 1, 2, 4, 8, 27, 31, новоуказныя статьи 14 марта 1676 г., ст. 12—П. С. З. № 634, указъ 26 іюля 1687 года П. С. З. № 1233 и др.), а въ 1785 г. оно было только еще разъ подтверждено (17 апрѣля 1785 г. П. С. З. №№ 16187, ст. 22 и 16188, ст. 88). И при существованіи такого различія въ нашемъ законодательствѣ ни въ указѣ 17 марта 1731 г., ни въ послѣдующихъ узаконеніяхъ, показанныхъ въ качествѣ источниковъ ст.ст. 1151, 1153 и 1154, не содержится никакихъ указаній на то, что выдѣлъ невѣсткѣ-вдовѣ изъ имѣній свекра при жизни послѣдняго долженъ производиться только изъ его родового имѣнія.

Объясненіе выраженія ст. 1151, что вдова получаетъ указную часть изъ той доли недвижимаго имѣнія, которая слѣдовала бы умершему ея мужу, въ томъ смыслѣ, что мужу могла слѣдовать и слѣдовала бы только часть изъ родового имѣнія отца—очевидно неправильно. При такомъ толкованіи въ текстъ закона вносится новое и при томъ произвольное содержаніе.

Законъ изъясняется такъ, какъ будто онъ содержитъ постановленіе: вдова получаетъ указную часть изъ той доли недвижимаго имѣнія, которая слѣдовала бы умершему мужу, если бы онъ наслѣдовалъ послѣ отца, распорядившагося благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ въ завѣщаніи. Ничего подобнаго законъ не содержитъ и такое толкованіе противорѣчитъ его разуму. Стоитъ только сдѣлать справку съ источникомъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Непосредственнымъ источникомъ ст. 1151 является п. 2 указа 17 марта 1731 года³⁹⁹). Указъ же 17 марта 1731 г. предусматриваетъ наслѣдственное преемство по закону. Онъ совершенно не касается завѣщательныхъ распоряженій. Слѣдовательно, если указъ говоритъ о части, которую надлежало бы дать сыну изъ имущества отца, онъ разумѣетъ при этомъ наслѣдованіе сына въ имущество отца по закону. При наслѣдованіи же по закону сынъ является преемникомъ во всѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ отца, какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ. Отсюда несомнѣнно, что законъ имѣлъ цѣлью предоставить вдовѣ выдѣлъ изъ свекровыхъ недвижимыхъ имѣній вообще, а не только изъ родовыхъ его имѣній.

Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе и на самый текстъ 1153 ст., гдѣ указано, что мужъ наслѣдуетъ указную долю изъ имущества тестя въ томъ случаѣ, „если только за его женою собственнаго недвижимаго имѣнія не было и онаго нисколько не доходило ни по рядной, ни по другому какому-либо акту, до оставшагося въ живыхъ мужа“. Несомнѣнно, что здѣсь законъ имѣетъ въ виду переходъ недвижимости къ мужу отъ жены или ея восходящихъ родственниковъ (на что указываетъ „рядная“) по безмездному акту. Родовое же имѣніе передавать по безмезднымъ актамъ „мимо ближайшихъ наслѣдниковъ“ нельзя. Слѣдовательно, ст. 1153 имѣетъ въ виду выдѣлъ не только изъ родового, но и изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія тестя.

Съ появленіемъ въ законахъ гражданскихъ ст. 1068¹ въ литературѣ возникъ вопросъ, имѣютъ ли теперь право на существованіе ст.ст. 1151, 1153 и 1154 т. X, ч. 1 или ихъ должно считать *pro non scriptis*. Въ качествѣ основанія для послѣдняго взгляда выдвигаютъ два положенія: 1) предоставленіе (относительной) свободы распоряженія родовымъ имѣніемъ путемъ завѣщанія его прямымъ нисходящимъ наслѣдникамъ устраняетъ

³⁹⁹) См. выше прим. 257.

во пережившаго супруга на выдѣль указной доли изъ родо-
во имѣнія тестя или свекра, пока у послѣдняго есть прямые
сходящіе наследники, въ пользу коихъ можетъ быть состав-
лено завѣщаніе ⁴⁰⁰⁾, 2) то же положеніе подтверждается тек-
стомъ ст. 1168¹, гдѣ сказано, что завѣщатель въ распоря-
женіяхъ родовымъ имѣніемъ въ пользу своихъ прямыхъ нисхо-
дящихъ призывается къ наследованію въ этомъ имѣніи по
закону, „не ограниченъ постановленіями объ указной части суп-
руговъ“, при чемъ сдѣлала прямая ссылка на ст.ст. 1148—1155
1157 ⁴⁰¹⁾.

Мы съ своей стороны полагаемъ, что никакихъ измѣненій
толкованіи ст.ст. 1151, 1153 и 1154 статья 1068¹ не вно-
ситъ ⁴⁰²⁾.

Выше мы старались показать, что нашъ законъ допускаетъ
выдѣль—на основаніи 1151 и 1153 ст.ст.—какъ изъ родового,
такъ и изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія тестя и свекра при
жизни ихъ. Этотъ выдѣль совершенно не зависитъ отъ того,
какимъ образомъ собственникъ имѣнія распорядится имъ по своему
желанію или нѣтъ. Преслѣдуя установленіемъ такого выдѣла
цѣльную цѣль, законъ не останавливается передъ ограниченіемъ
права собственника на распоряженіе имѣніемъ и большая
или меньшая степень свободы въ распоряженіи послѣднимъ не
можетъ служить критеріемъ для признанія или отрицанія за
пережившимъ супругомъ права на выдѣль. Осуществляя право,
доставленное ему 1068¹ ст. т. X, ч. 1, собственникъ родового
имѣнія не стѣсненъ постановленіями 1148—1155 ст.ст. т. X, ч. 1,
и, следовательно, составляя духовное завѣщаніе въ пользу пря-
мыхъ нисходящихъ—законныхъ наследниковъ, онъ можетъ не
ограничиваться съ правомъ своей жены на указную долю (1148 ст.),
а завѣщать правомъ невѣстокъ и зятьевъ на выдѣль указной доли изъ
родового имущества послѣ его смерти (1149), съ правомъ послѣд-
нимъ на выдѣль указной доли изъ недвижимаго имѣнія при
жизни его (1151, 1153, 1154). Но завѣщаніе воспринимаетъ силу

и значеніе лишь послѣ смерти завѣщателя. Таково основное по-
ложеніе завѣщательнаго права. При жизни же завѣщателя оно
не имѣетъ никакой юридической силы. Следовательно, и не
можетъ служить къ отрицанію права, установленнаго ст.ст. 1151,
1153 и 1154 ⁴⁰³⁾.

Выдѣль указной доли на основаніи 1151 ст. производится
только въ томъ случаѣ, если послѣ умершаго не осталось соб-
ственнаго недвижимаго имѣнія. Такимъ образомъ если послѣ
умершаго осталась ничтожная недвижимость, не только не обез-
печивающая средствъ къ существованію пережившаго супруга,
но и не приносящая никакого дохода, пережившій супругъ по
прямому содержанію ст. 1151 лишенъ права требовать выдѣла
изъ имѣнія свекра. Московское законодательство содержало
болѣе раціональные постановленія. Подобный выдѣль изъ помѣ-
стій свекра производился въ московскомъ государствѣ не только
въ томъ случаѣ, когда послѣ умершаго не осталось собственныхъ
помѣстій, но также и тогда, когда остались помѣстья, но „малыя
дачи“—меньше нормальнаго оклада, т. е. въ размѣрѣ не доста-
точно для обезпеченія средствъ къ жизни вдовѣ и дѣтямъ
⁴⁰⁴⁾. Послѣ же уничтоженія помѣстной системы и сліянія помѣ-
стій съ вотчинами указанный критерій, благодаря коему выдѣль
указной доли находился въ соотвѣтствіи съ жизненными потреб-
ностями, былъ утраченъ и выдѣль производится лишь въ томъ
случаѣ, если послѣ умершаго не осталось вообще никакого не-
движимаго имѣнія.

Въ литературѣ высказано мнѣніе ⁴⁰⁵⁾, что ст. 1151 содержитъ
постановленіе болѣе тяжелое для родителей умершаго супруга,
нежели указъ 17 марта 1731 г., такъ какъ, согласно буквальному
смыслу этого указа, вдова имѣла право на выдѣль изъ имѣнія
свекра лишь въ томъ случаѣ, если у послѣдняго „было сына
два или три, а при немъ одинъ сынъ умеръ“ и если „вдова эта

⁴⁰⁰⁾ Огульная ссылка разсматриваемой новеллы на 1148—1155 ст.ст. т. X, ч. 1 является несомнѣнно редакціоннымъ недосмотромъ. Изъ этой ссылки должны быть исключены ст.ст. 1151, 1153 и 1154 или же эти статьи должны подвергнуться въ законодательномъ порядкѣ измѣненію (или полному устраненію) примѣнительно къ содержанію ст. 1068¹. Пока же послѣдняго не сдѣла-
но, ст. 1068¹ предоставляетъ собственнику родового имѣнія въ этомъ случаѣ лишь *ius nudum*.

⁴⁰¹⁾ См. выше стр. 38—40.

⁴⁰²⁾ См., напр., А. Любавскій—Юридическія монографіи и изслѣдованія, т. I «Указная часть изъ недвижимаго имущества тестя или свекра».

⁴⁰⁰⁾ См. статью г. Шварцбургъ «По поводу закона 3 іюня 1912 г.». Право
года, № 50.

⁴⁰¹⁾ Гейхбаргъ—Законъ о расширеніи правъ наследованія по закону лицъ
каждаго пола и права завѣщанія родовыхъ имѣній, стр. 68—69.

⁴⁰²⁾ См. нашу статью «О силѣ и значеніи ст. 1068¹—т. X, ч. I», «Право»
года, № 10.

алась съ дѣтьми“. Приведенное мнѣніе неправильно. Мы не своевременно отмѣтили ⁴⁰⁶⁾, что указъ Анны Іоанновны устранялъ права бездѣтной вдовы на выдѣлъ изъ имѣнія кра, а также и вдовы единственнаго сына. Поэтому никакого гченія положенія свекра сравнительно съ прежнимъ законодательствомъ и судебной практикой ст. 1151 не предзляетъ.

Ст. 1152 ⁴⁰⁷⁾. Здѣсь останавливаетъ на себѣ вниманіе прежде всего выраженіе „бездѣтная жена“. На основаніи этого выраженія закона можно вывести а contrario то заключеніе, что въ чаѣ смерти вдовы не бездѣтной, а имѣвшей или имѣющей ей, условія указанныя въ началѣ ст. 1152 непримѣнимы наследники ея могутъ требовать выдѣлъ указанной части, хотя сама вдова при жизни своей объ этомъ не просила. Такое сужденіе неправильно. Въ ст. 1148 высказано общее положеніе, что вдова получаетъ указную часть, какъ при живыхъ дѣтьяхъ, такъ и безъ нихъ, т. е. наличность дѣтей отъ брака съ этимъ не имѣетъ значенія при выдѣлѣ вдовьей доли. Ст. 1152 не представляетъ въ этомъ случаѣ исключенія изъ общаго правила. Обратившись къ законоположеніямъ, послужившимъ источниками для установленія текста 1152 ст., мы ни въ одномъ изъ нихъ не найдемъ выраженія „бездѣтная“ жена или вдова очевидно, этотъ эпитетъ представляетъ лишь кодификаціонную вставку. Изъ содержанія же источниковъ видно, что вопросъ о выдѣлѣ указной доли поднимался именно боковыми наследниками вдовы, не оставившей дѣтей отъ брака ея съ мужемъ, изъ имущества коего долженъ быть произведенъ выдѣлъ: ея братьями, племянниками и другими родственниками. Поэтому смыслъ и долженъ быть понимаемъ терминъ „бездѣтная жена“. Слѣдовательно, ст. 1152 устанавливаетъ, что если мужъ умретъ, не оставивъ дѣтей отъ брака ея съ мужемъ—на-

⁴⁰⁶⁾ См. выше стр. 108.

⁴⁰⁷⁾ «Если бездѣтная жена умретъ, не просивъ при жизни своей о выдѣлѣ указной части, то наследники ея не имѣютъ права требовать сей части, и поступаютъ къ наследникамъ мужа (а); вступленіемъ же въ новый бракъ пропущеніемъ десятилѣтней давности (в) не лишается, какъ сама жена, и ея наследники сей части, если не только просьба о выдѣлѣ оной подана при ея жизни».

⁴⁰⁸⁾ Подъ ст. 1152 указаны: (а) 1782 Марта 14 (15364); 1784 Март. 29 (15364); 1817 март. 31 (26762); 1832 ноябр. 10 (5741).—(б) 1731 март. 17 (5717) ст. 3. 1817 март. 31 (26762).

следодателемъ, и не возбудивъ ходатайства о выдѣлѣ указной доли изъ его имущества, то ея личные наследники (въ томъ числѣ и дѣти отъ другого брака) не имѣютъ права требовать этого выдѣла.

По нашему праву наследники не обязаны утверждаться въ правахъ наследства, пережившій же супругъ, согласно содержанію ст. 1152, обязанъ возбудить ходатайство о выдѣлѣ указной доли. Это требованіе закона находитъ свое объясненіе въ томъ, что указная доля выдѣляется на содержаніе, какъ средство помощи, поэтому пережившій супругъ долженъ заявить о своемъ желаніи воспользоваться этимъ средствомъ, о своей нуждѣ въ немъ. И дальше, какъ въ судебной практикѣ, такъ и въ литературѣ совершенно правильно признается, что одно заявленіе такого ходатайства безъ фактическаго его осуществленія при жизни вдовы даетъ наследникамъ ея право требовать выдѣла въ свою пользу, такъ какъ въ данномъ случаѣ личное право вдовы на содержаніе превращается въ имущественное право требованія, которое переходитъ по наследству ⁴⁰⁹⁾.

Куда должно быть подано заявленіе о выдѣлѣ указной доли и въ какой формѣ? Законъ не устанавливаетъ формы для этого. Первоначально челобитья о выдѣлѣ вдовьей доли подавались царю и имъ разсматривались, причемъ размѣръ выдѣла определялся каждый разъ особо царскимъ указомъ; затѣмъ, когда развилась система приказовъ и были выработаны общія нормы указной доли, такія челобитья разсматривались въ соответствующихъ приказахъ: помѣстномъ приказѣ, патриаршемъ приказѣ и нѣкоторыхъ другихъ, наконецъ, дальше въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, вообще въ тѣхъ учрежденіяхъ, вѣдѣнію коихъ были подчинены дѣла о наследствѣ. Точно также по смыслу дѣйствующаго закона, разсматривающаго преемство супруговъ среди постановленій наследственнаго права и подчиняющаго выдѣлъ указной части компетенціи суда гражданскаго наравнѣ съ прочимъ посмертнымъ преемствомъ въ имущество умершаго,

⁴⁰⁹⁾ Надо замѣтить, что просьба о выдѣлѣ указной части не является просьбой о раздѣлѣ наследства. Просьба о выдѣлѣ есть формальное заявленіе о желаніи получить указную долю и только, когда такая просьба будетъ удовлетворена подлежащимъ судомъ (потому она и должна подаваться въ судъ, а не въ другое учрежденіе) и права пережившаго супруга признаны de jure, послѣдній въ правѣ просить о раздѣлѣ наследства и о выдѣлѣ причитающейся ему доли въ натурѣ.

необходимо прийти къ выводу, что ходатайство о выдѣлѣ указной доли должно быть заявлено подлежащему гражданскому суду, вѣдѣнію коего подчинено открывшееся послѣ умершаго супруга наслѣдство (Contra рѣш. Гр. К. Д. 1878/188, 255 и др., см. ниже).

Можетъ ли быть замѣнено ходатайство о выдѣлѣ фактическимъ владѣніемъ указной долей? Можетъ ли пережившій супругъ распорядиться такимъ имуществомъ? Такъ какъ фактическое вступленіе въ права наслѣдства по нашему праву предоставлено лишь наслѣдникамъ по закону, а пережившій супругъ долженъ просить о выдѣлѣ ему указной доли, то, очевидно, фактическое владѣніе не можетъ замѣнить ходатайства о выдѣлѣ и пережившій супругъ не въ правѣ распорядиться такимъ имѣніемъ. Но, по нашему мнѣнію, пережившій супругъ, фактически владѣя своей указной долей на правѣ собственности, какъ и всякое постороннее лицо, завладѣвшее наслѣдствомъ, можетъ приобрести указную долю въ собственность по давности владѣнія и затѣмъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію (Contra рѣш. Гр. К. Д. 1888/95 и др., см. ниже).

Такимъ образомъ заявленіе или незаявленіе вдовою ходатайства о выдѣлѣ указной доли, въ особенности при той обязательности, какую придаетъ подобному заявленію Правительствующій Сенатъ, имѣетъ существенное значеніе для ея наслѣдниковъ. Если вдова умретъ, не заявивъ означеннаго ходатайства, а послѣ нея останутся дѣти отъ брака съ наслѣдодателемъ, то они ничего не теряютъ: въ качествѣ наслѣдниковъ своего отца они получаютъ то имущество, которое причиталось умершей матери на ея указную часть и, быть можетъ, находилось въ ея фактическомъ владѣніи. Зато другіе наслѣдники ея безусловно теряютъ право и возможность получить указную часть. Эта разница особенно проявляется въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда послѣ смерти вдовы остались дѣти отъ перваго и отъ втораго брака и имущество послѣ одного изъ мужей, напр. послѣ перваго мужа. Если вдова не просила при жизни своей о выдѣлѣ указной части изъ этого имущества, хотя и владѣла ею фактически, то имущество (указную долю) получаютъ ея дѣти отъ перваго брака, какъ наслѣдники перваго мужа, дѣти же отъ втораго брака совершенно устраняются отъ преемства въ указной долѣ. Если же вдова заявила ходатайство о выдѣлѣ, то право на указную долю принадлежитъ въ равной мѣрѣ какъ дѣтямъ

отъ перваго, такъ и отъ втораго брака, такъ какъ въ данномъ случаѣ открывается наслѣдство уже послѣ умершей матери.

Надо замѣтить, однако, что заявленіе вдовой просьбы о выдѣлѣ указной доли можетъ иногда имѣть значеніе и для дѣтей ея и прочихъ нисходящихъ отъ брака съ умершимъ наслѣдодателемъ. Это имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда одни (нисходящіе) наслѣдники умершаго утвердились въ правахъ наслѣдства къ его имуществу или фактически владѣли имъ, другіе же—именно дѣти (или другіе нисходящіе) отъ брака съ пережившей его женой—не утверждались въ правахъ наслѣдства и не вступали фактически во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ. По истеченіи давностнаго срока послѣдніе теряютъ право на предъявленіе своихъ наслѣдственныхъ правъ къ имуществу отца, но если мать ихъ—вдова умершаго—просила о выдѣлѣ ей указной части, они послѣ смерти матери могутъ утвердиться въ правахъ наслѣдства къ ея указной долѣ. Даже болѣе того, они сохраняютъ возможность утвердиться въ правахъ наслѣдства къ имуществу отца: по праву представленія за мать, если послѣдняя, заявивъ просьбу о выдѣлѣ, умерла прежде удовлетворенія ея ходатайства ⁴¹⁰).

Пропускомъ общей земской давности ни сама вдова, ни ея наслѣдники, если просьба о выдѣлѣ подана вдовою при ея жизни, не лишаются права на выдѣлѣ указной части. Но правило это не является безусловнымъ и требуетъ значительныхъ оговорокъ. Такъ: 1) соблюденіе срока 10-лѣтней давности не обязательно для вдовы, если имущество ея мужа перешло къ законнымъ наслѣдникамъ его, но если оно захвачено лицомъ постороннимъ, владѣющимъ имъ съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ 558—560 ст. ст. т. X, ч. 1, то въ силу приложенія къ прим. 694 ст. т. X,

⁴¹⁰) Намъ извѣстенъ, напр., слѣдующій случай изъ судебной практики. Послѣ смерти наслѣдодателя его имуществомъ въ теченіе 17 лѣтъ владѣли внуки (дѣти ранѣе умершихъ сыновей). Черезъ 17 лѣтъ три дочери умершаго и вдова заявили передъ судомъ ходатайства—дочери: объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ имуществу умершаго въ законныхъ доляхъ, вдова—о выдѣлѣ указной части. Внуки возражали, указывая на пропускъ давности. Вдова во время производства дѣла умерла. Судъ приостановилъ производство о выдѣлѣ вдовой доли вслѣдствіе смерти просительницы, дочерямъ въ ихъ ходатайствѣ за пропускомъ давностнаго срока отказалъ. Тогда послѣднія заявили новое ходатайство объ утвержденіи ихъ въ правахъ наслѣдства къ имуществу отца по праву представленія за умершую мать. Возможны и другіе аналогичные случаи.

ч. I. вдова обязана для охранения своихъ правъ предъявить къ означенному лицу искъ въ теченіе срока общей земской давности. 2) Если вдова имѣетъ право на выдѣлъ указной доли изъ родового имѣнія, согласно постановленіямъ ст. 1068², а имѣніе это умершимъ мужемъ завѣщано съ нарушеніемъ ея правъ, то вдова для сохраненія своихъ правъ, согласно 1066¹² ст., т. X, ч. I, должна возбудить въ двухлѣтній срокъ со дня публикаціи объ утвержденіи къ исполненію споръ противъ духовнаго завѣщанія мужа. Въ противномъ случаѣ она теряетъ право на выдѣлъ указной доли изъ этого имѣнія. 3) Сама вдова можетъ заявить ходатайство о выдѣлѣ ей указной доли по истеченіи десятилѣтней давности, но ея наслѣдники, если ходатайство вдовы не разрѣшено при ея жизни, должны возбудить просьбу о выдѣлѣ указной доли въ свою пользу или фактически вступить во владѣніе указной долей въ теченіе 10-лѣтняго срока со дня ея смерти (или со дня публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ), такъ какъ они являются наслѣдниками въ имуществѣ умершей и подлежатъ дѣйствию общихъ правилъ о наслѣдованіи. 4) Болѣе спорнымъ представляется слѣдующій случай. Вдова просила о выдѣлѣ ей указной части и просьба ея удовлетворена, но она въ теченіе свыше 10 лѣтъ до своей смерти не осуществляла фактически своего права. Могутъ ли наслѣдники ея требовать выдѣла имъ указной доли? Если бы въ данномъ случаѣ на мѣстѣ вдовы былъ наслѣдникъ по закону, то другіе наслѣдники могли бы защищаться постановленіемъ закона о давности владѣнія, но такъ какъ вдовѣ принадлежитъ личное право требованія выдѣла въ теченіе всей жизни, то, несомнѣнно, она на основаніи этого права можетъ требовать выдѣла ей указной части *de facto* и по истеченіи давностнаго срока со времени выдѣла ей указной части *de jure*, т. е. до самой смерти своей она можетъ потребовать раздѣла наслѣдства и фактическаго выдѣла ей указной доли. Это право вдовы какъ право имущественнаго характера переходитъ на ея наслѣдниковъ и должно быть осуществлено ими въ теченіе давностнаго срока со дня открытія послѣ нея наслѣдства.

Постановленіемъ ст. 1152 о поступленіи указной части къ наслѣдникамъ мужа, если вдова при жизни не заявитъ ходатайства о выдѣлѣ, сохраняется историческая связь съ происхожденіемъ выдѣла указной доли и подчеркивается прочный характеръ этого права и въ настоящее время.

Ст. 1153 ⁴¹¹). Начало этой статьи содержитъ общее положеніе, что мужъ послѣ смерти жены является такимъ же преемникомъ ея и получаетъ указную долю на основаніи тѣхъ же постановленій закона, что и жена послѣ мужа. Слѣдовательно, и всѣ предыдущія разсужденія наши относятся къ выдѣлу указной части пережившему супругу вообще. Но въ ст. 1153 содержится и одна особенность, которая должна быть отмѣчена. Право на выдѣлъ указной доли изъ недвижимаго имѣнія свекра при его жизни принадлежитъ вдовѣ, согласно 1151 ст., „когда за умершимъ собственнаго недвижимаго имѣнія не было“, т. е. не осталось послѣ смерти. По силѣ же 1153 ст. право на выдѣлъ указной доли изъ недвижимости тестя принадлежитъ мужу-вдовцу не только въ томъ случаѣ, когда за его женою собственнаго недвижимаго имѣнія не было, но еще при томъ условіи, если „онаго нисколько не доходило ни по рядной, ни по другому какому-либо акту до оставшагося въ живыхъ мужа“. Такимъ образомъ законъ болѣе строго и ограничительно толкуетъ права мужа-вдовца на выдѣлъ указной доли изъ имѣнія тестя, нежели жены-вдовы изъ имѣнія свекра. Ст. 1153 не содержитъ однако болѣе подробныхъ указаній, отъ кого не должно доходить къ мужу имѣніе и по какому акту.

Обращаясь къ толкованію ст. 1153, необходимо признать, что мужъ вдовецъ имѣетъ право на выдѣлъ изъ имѣнія тестя: 1) въ томъ случаѣ, если послѣ умершей жены не осталось недвижимаго имѣнія,—если же такое имѣніе было и отчуждено ею до смерти, то это обстоятельство какъ и въ случаѣ, указанномъ ст. 1151, препятствіемъ выдѣлу служить не можетъ, и 2) при этомъ, если оставшемуся въ живыхъ мужу, какъ совершенно правильно указываетъ К. П. Побѣдоносцевъ ⁴¹² ни по какому безмездному акту отъ жены или ея родителей (вообще восходящихъ) не было передано недвижимаго имѣнія по случаю брака и семейныхъ отношеній супруговъ. Слѣдовательно если недвижимое имѣніе дошло къ мужу по акту возмездному

⁴¹¹) «Мужъ послѣ жены наслѣдуетъ по тѣмъ же правиламъ, какъ и жена послѣ мужа, и сообразно съ 1151 ст. получаетъ при жизни тестя указную часть изъ той доли недвижимаго его имѣнія, которая слѣдовала бы умершей женѣ, если только за его женою собственнаго недвижимаго имѣнія не было и онаго нисколько не доходило ни по рядной, ни по другому какому-либо акту до оставшагося въ живыхъ мужа».

⁴¹²) Курсъ, II, стр. 343.

отъ самой жены (вопреки указанію К. П. Побѣдоносцева) или отъ ея родителей, или же хотя и по акту безмездному, но не вызванному бракомъ и семейными отношеніями супруговъ,—то мужъ вдовецъ сохраняетъ право на указную долю на основаніи 1153 ст.

Выраженіе „не доходило“ должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ „не было предоставлено въ собственность“. Слѣдовательно, если жена или ея родители предоставили мужу пожизненное или срочное владѣніе недвижимымъ имѣніемъ или какое-нибудь вещное право на него, это обстоятельство не лишаетъ пережившаго мужа права на указную долю. Съ другой стороны мужъ теряетъ право на выдѣлъ указанной доли изъ имѣнія тестя, если жена или ея родители предоставили ему въ собственность когда-либо недвижимое имѣніе, хотя бы онъ имъ фактически не пользовался и безразлично, сохранилъ ли онъ на это имѣніе право собственности къ моменту смерти жены или же потерялъ его путемъ возмезднаго или безмезднаго отчужденія или вслѣдствіе завладѣнія третьими лицами.

Ст. 1154 ⁴¹³⁾ поясняетъ содержаніе ст.ст. 1151 и 1153, а также и 1149 и болѣе точно устанавливаетъ моментъ, коимъ опредѣляется право пережившаго супруга на выдѣлъ. Пережившій супругъ можетъ потребовать выдѣлъ указанной доли не тотчасъ послѣ смерти другого супруга, а много времени спустя. За это время какъ въ составѣ имущества, такъ и въ составѣ наслѣдниковъ могутъ произойти значительныя перемѣны. Какъ отзываются эти измѣненія на правахъ пережившаго супруга? Какимъ моментомъ опредѣляются его права на выдѣлъ указанной доли: моментомъ ли смерти другого супруга или моментомъ заявленія просьбы о выдѣлѣ? На эти вопросы отвѣчаетъ ст. 1154.

Права законныхъ преемниковъ въ имуществѣ умершаго опредѣляются моментомъ открытія наслѣдства, но пережившій супругъ получаетъ выдѣлъ на основаніи 1151 и 1153 ст.ст. изъ

⁴¹³⁾ «Выдѣлъ законной части овдовѣвшему мужу изъ недвижимаго имѣнія тестя и овдовѣвшей женѣ изъ недвижимаго имѣнія свекра, въ опредѣленныхъ статьями 1151 и 1153 случаяхъ, дѣлается изъ того только недвижимаго имѣнія тестя или свекра, которое дѣйствительно было въ его владѣніи въ день смерти его сына или дочери (а). Выдѣлъ же четвертой части овдовѣвшему мужу или овдовѣвшей женѣ изъ движимаго имѣнія тестя или свекра производится только послѣ кончины послѣдняго изъ того имущества, какое въ день его смерти въ наличности окажется (б)».

имущества живого лица. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ, не получаетъ ли пережившій супругъ выдѣлъ изъ личнаго имѣнія тестя или свекра, какое принадлежитъ послѣднему въ моментъ подачи просьбы о выдѣлѣ. Въ разрѣшеніе этого сомнѣнія законъ указываетъ, что выдѣлъ дѣлается изъ того недвижимаго имѣнія тестя или свекра, которое дѣйствительно было въ его владѣніи въ день смерти сына или дочери. Слѣдовательно, права пережившаго супруга опредѣляются моментомъ смерти другого. Увеличеніе или уменьшеніе имѣнія тестя или свекра послѣ смерти сына или дочери, состоявшихъ въ бракѣ, а равно увеличеніе или уменьшеніе числа наслѣдниковъ за это же время не влияетъ на размѣръ указанной доли, выдѣляемой на основаніи 1151, 1153 ст.ст. Последняя вычисляется изъ такого расчета. Берется недвижимое имѣніе свекра (тестя) въ томъ размѣрѣ, въ какомъ было оно въ моментъ смерти состоявшаго въ бракѣ сына (дочери), дѣлится на количество наслѣдниковъ въ моментъ его смерти, включая и умершаго въ ихъ составъ, $\frac{1}{4}$ часть получившагося отъ этого дѣленія частнаго и составляетъ размѣръ указанной доли пережившаго супруга.

Права пережившаго супруга на выдѣлъ $\frac{1}{4}$ части изъ движимаго имущества свекра или тестя опредѣляются моментомъ смерти послѣднихъ. Но если пережившій супругъ получаетъ выдѣлъ изъ имѣнія тестя или свекра не на основаніи ст.ст. 1151 и 1153, а на основаніи ст. 1149, то право его на выдѣлъ и изъ недвижимаго имѣнія опредѣляется также моментомъ смерти послѣднихъ. Слѣдовательно, онъ въ этомъ случаѣ можетъ воспользоваться и правомъ приращенія, выпадающимъ на долю умершаго супруга вслѣдствіе смерти или отреченія другихъ сонаслѣдниковъ, и увеличеніемъ имѣнія, но съ другой стороны пережившій супругъ теряетъ въ фактическомъ размѣрѣ его указанной доли въ случаѣ уменьшенія недвижимаго имѣнія и увеличенія числа наслѣдниковъ къ моменту смерти тестя или свекра (въ этомъ смыслѣ высказывается и Правительствующій Сенатъ ср. рѣш. Гр. К. Д. 1884/23).

Возникаетъ вопросъ, можетъ ли супругъ, получившій выдѣлъ указанной доли при жизни тестя или свекра, въ случаѣ увеличенія ихъ недвижимыхъ имѣній или уменьшенія числа наслѣдниковъ воспользоваться правомъ ст. 1149 и потребовать послѣ смерти свекра или тестя, не оставившаго завѣщанія, дополнительнаго выдѣла изъ недвижимости? По нашему мнѣнію, этотъ вопросъ

долженъ быть разрѣшенъ утвердительно, такъ какъ правило 1149 ст. является основнымъ по сравненію съ постановленіями ст. ст. 1151, 1153, совершенно самостоятельнымъ и не зависимымъ отъ послѣднихъ. Постановленія 1151 и 1153 ст. ст. носятъ характеръ специальной льготы и въ качествѣ таковыхъ не могутъ быть истолкованы въ ущербъ лицу, воспользовавшемуся этой льготой.

Согласно 1154 ст. пережившій супругъ имѣетъ право требовать выдѣла указанной части изъ того только недвижимаго имѣнія тестя или свекра, которое дѣйствительно было въ его владѣніи въ день смерти его сына или дочери. Но со времени смерти сына или дочери и до заявленія пережившимъ супругомъ требованія о выдѣлѣ свекоръ или тесть могутъ подвергнуть свое имѣніе отчужденію. Сохраняетъ ли пережившій супругъ право требовать отъ тестя или свекра при ихъ жизни эквивалентъ отчужденной указанной доли въ видѣ денежной суммы? Изъ буквального содержанія ст. 1154 вытекаетъ отрицательный отвѣтъ, подкрѣпляемый еще тѣмъ соображеніемъ, что цѣна имѣнія есть движимость, выдѣлъ изъ которой возможенъ лишь послѣ смерти свекра. Однако, буквальное толкованіе ст. 1154 въ данномъ случаѣ будетъ неправильно. Смысль указанного постановленія заключается не въ томъ, чтобы предоставить пережившему супругу выдѣлъ именно изъ опредѣленнаго имѣнія. Законъ подчеркиваетъ здѣсь лишь то обстоятельство, что пережившій супругъ, обратившійся съ ходатайствомъ о выдѣлѣ изъ имѣнія живого свекра (тестя) не тотчасъ послѣ смерти другого супруга, а спустя извѣстный промежутокъ времени, не можетъ требовать больше того, на что онъ имѣлъ право непосредственно послѣ смерти другого супруга, хотя бы имѣнія свекра (тестя) и увеличились. Моментомъ смерти одного супруга фиксируется право другого на выдѣлъ указанной доли изъ имущества свекра (тестя) при жизни ихъ. А такъ какъ коренной смыслъ закона заключается въ предоставленіи пережившему супругу содержанія изъ имущества тестя или свекра и права этого супруга опредѣляются не моментомъ заявленія требованія о выдѣлѣ, а моментомъ смерти первого супруга, когда недвижимое имѣніе еще не было отчуждено, то, очевидно, пережившій супругъ сохраняетъ право требовать эквивалентъ вмѣсто отчужденной въ послѣдствіи указанной доли. Цѣна отчужденнаго имущества есть движимость, но пережившій супругъ въ данномъ случаѣ имѣетъ на нее притязаніе не какъ на движимое имущество свекра или тестя въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ части, а какъ на экви-

валентъ причитающейся ему недвижимости въ размѣрѣ $\frac{1}{7}$ части.

Ст. 1155⁴⁴⁾. Право на выдѣлъ указанной части въ случаѣ признанія и оглашенія пережившаго супруга несостоятельнымъ должникомъ переходить къ конкурсу или непосредственно къ кредиторамъ.

Законъ имѣетъ въ виду не фактическую несостоятельность пережившаго супруга, а признаніе и оглашеніе его несостоятельнымъ должникомъ компетентнымъ судомъ. Пока дѣйствуетъ присяжный попечитель, право требовать выдѣла принадлежитъ кредиторамъ. Любой кредиторъ можетъ заявить ходатайство о выдѣлѣ въ интересахъ всѣхъ. Съ учрежденіемъ же конкурса это право переходитъ къ конкурсному управленію. Указанное право принадлежитъ кредиторамъ и конкурсу лишь до смерти должника, при чемъ тѣ же самыя послѣдствія должна вызывать и гражданская смерть несостоятельнаго должника. Имѣютъ ли право кредиторы и конкурсъ требовать выдѣла указанной части изъ имущества тестя или свекра? По прямому своему содержанію ст. 1155 предусматриваетъ лишь выдѣлъ изъ имущества умершаго супруга. Но было бы нецелѣсообразно не распространить этого права кредиторовъ и конкурса на имущество свекра или тестя. Юридическая природа выдѣла въ обоихъ случаяхъ одинакова. Со времени объявленія извѣстнаго лица несостоятельнымъ должникомъ кредиторамъ и конкурсу принадлежитъ право на все имущество несостоятельнаго должника, на всѣ его имущественныя права и требованія, въ томъ числѣ и на открывшееся наслѣдство и на выдѣлъ указанной доли, но на послѣдній—въ силу его специальныхъ свойствъ—лишь до смерти несостоятельнаго должника.

Ст. 1159⁴⁵⁾ подтверждаетъ, что выдѣлъ указанной части про-

⁴⁴⁾ «Право на выдѣлъ изъ имѣнія умершаго супруга указанной части другому въ живыхъ оставшемуся супругу, въ случаѣ признанія и оглашенія его послѣднимъ несостоятельнымъ должникомъ, переходитъ или къ конкурсу, буде оный существуетъ, или непосредственно къ кредиторамъ, если на удовлетвореніе ихъ наличнаго у должника имущества окажется недостаточно. Но право сіе предоставляется конкурсу и кредиторамъ лишь при жизни должника; по смерти же его, они никакихъ требованій на выдѣлъ упомянутой выше части предъявлять уже не могутъ».

⁴⁵⁾ «Ни мужъ при живой женѣ, ни жена при живомъ мужѣ, не могутъ требовать выдѣла указанной части (а); но если одинъ изъ супруговъ, бывъ изобличенъ въ преступленіи, лишень будетъ всѣхъ правъ состоянія, то другому, не участвовавшему въ такомъ преступленіи, выдѣляется изъ имѣнія указанная часть такъ же, какъ и по смерти (б)».

изводится лишь въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, и супруги при жизни не могутъ требовать выдѣла какъ изъ имущества другъ друга, такъ и изъ имущества свекра или тестя.—Если одинъ супругъ добровольно выдѣлитъ другому при жизни указаную часть, какое значеніе имѣетъ такой выдѣлъ? Этотъ актъ безмезднаго отчужденія представляетъ собою дареніе и возможенъ лишь изъ благопріобрѣтеннаго имущества. Вліяніе его на выдѣлъ указаной части сводится лишь къ слѣдующему. Если жена подарила (выдѣлила) мужу часть своего недвижимаго имѣнія, то въ случаѣ ея смерти мужъ-вдовецъ, согласно 1153 ст. ст. т. X, ч. I, не можетъ требовать выдѣла указаной части изъ имѣнія живого тестя. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ юридическаго значенія такой добровольный выдѣлъ не имѣетъ, если бы даже онъ сопровождался добровольнымъ отказомъ выдѣленнаго супруга отъ будущаго законнаго выдѣла. Обязательной силы такой отказъ для него не можетъ имѣть, такъ какъ отказъ отъ будущаго наследственнаго преемства по нашему праву недействителенъ. Исключеніе изъ этого общаго правила представляетъ лишь постановленіе ст. 998, т. X, ч. I, которое непримѣнимо къ пережившему супругу.

Дальше ст. 1159 указываетъ, что выдѣлъ указаной доли производится не только въ случаѣ физической, но и гражданской смерти одного изъ супруговъ и, какъ выше указано, распространяется въ этомъ случаѣ и на имущество тестя или свекра, тѣмъ болѣе, что и самый текстъ ст. 1159 допускаетъ такое толкованіе.

Ст. 1160 содержитъ постановленіе исключительное, представляющее единственный уцѣлѣвшій пунктъ изъ законодательства Петра Великаго объ учрежденіи единонаслѣдія, согласно которому мужъ, принявшій съ Высочайшаго утвержденія фамилію своей жены вслѣдствіе прекращенія мужскаго поколѣнія ея рода, становится преемникомъ во всемъ имѣніи жены, какое дошло къ ней отъ отца ⁴¹⁶⁾.

⁴¹⁶⁾ На основаніи Уст. о ссыльныхъ, пережившій супругъ при отсутствіи прямыхъ наследниковъ наследуетъ во всемъ имуществѣ умершаго (т. XIV Св. Зак. Гр. изд. 1890 г. ст.ст. 428—430). По закону объ авторскомъ правѣ при отсутствіи нисходящихъ и боковыхъ наследниковъ въ авторскомъ правѣ въ равныхъ доляхъ наследуютъ пережившій супругъ и родители автора, а при отсутствіи и родителей авторское право въ полномъ объемѣ переходитъ къ пережившему супругу (ст. 6, прим. 1—3).

Теперь намъ остается познакомиться съ судебной практикой по интересующему насъ вопросу и посмотрѣть, какія руководящія указанія даетъ Правительствующій Сенатъ въ разрѣшеніе восходившихъ на его разсмотрѣніе спорныхъ вопросовъ, относящихся до преемства супруговъ.

Практика Правительствующаго Сената, хотя и не отличается исчерпывающей полнотою и не разрѣшаетъ всѣхъ сомнѣній, возбуждаемыхъ ст. ст. 1148—1161, однако, по всѣмъ существеннымъ вопросамъ даетъ достаточно опредѣленные указанія.

Правительствующій Сенатъ неоднократно высказывался по основному вопросу, является ли пережившій супругъ наследникомъ умершаго, и разрѣшалъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Уже въ рѣш. Гр. Касс. Деп. 1868 г. 563 содержится указаніе, что жена не наследуетъ по закону во всемъ имѣніи мужа, а получаетъ лишь опредѣленные части.

Въ рѣш. 1871 г. за № 1224 Сенатъ отказываетъ мужу въ утвержденіи его въ правахъ наследства ко всему имуществу жены на основаніи 1241 ст. т. X, ч. I, такъ какъ „ссылка просителя на 1241 ст. т. X, ч. I, по которой онъ считаетъ себя, за неявкою другихъ наследниковъ, имѣющимъ право получить весь оставшійся послѣ жены капиталъ, неосновательна, такъ какъ статья сія касается наследниковъ умершаго собственника, а мужъ послѣ жены не есть наследникъ, но имѣетъ право лишь на выдѣлъ указаной части изъ ея имѣнія“.... Этимъ самымъ Сенатъ не признаетъ за пережившимъ супругомъ и права приращенія.

Въ рѣшеніи 1872/980 Сенатъ указываетъ, что дочери принадлежатъ наследство, а матери право требовать выдѣла указаной части изъ этого имущества.

Въ рѣшеніи 1879/342 Правительствующій Сенатъ подробно обосновываетъ свой взглядъ на указаную долю: „по законамъ нашимъ—говоритъ онъ—право наследованія въ порядкѣ, закономъ опредѣленномъ, простирается на всѣхъ членовъ рода, одно кровное родство составляющихъ, родъ же или родство кровное есть связь всѣхъ членовъ мужскаго и женскаго пола, отъ одного общаго родоначальника происходящихъ (1105, 1111, 1112 ст. ст., т. X, ч. I); жена не связана съ мужемъ происхожденіемъ отъ одного общаго родоначальника и потому не принадлежитъ къ роду своего мужа, и какъ таковая не призывается къ наследованію по закону въ наследствѣ умершаго ея мужа: она въ правѣ по 1152 ст.

просить при жизни своей о выдѣлѣ ей указной части, определенной въ 1148 ст. изъ имѣнія оставшагося послѣ смерти ея мужа свободнымъ отъ завѣщательныхъ распоряженій, но это право не есть чисто наследственное право; овдовѣвшая супруга получаетъ выдѣлъ на прожитокъ, на содержаніе, и источникъ этого ея права заключается въ заботѣ законодателя объ обезпеченіи положенія лица, остающагося во вдовствѣ и утратившаго за смертью супруга тѣ способы къ содержанію, какими оно пользовалось при его жизни: между тѣмъ, источникомъ наследственного права по закону есть принадлежность къ одному роду съ наследодателемъ. Поэтому хотя законъ въ иныхъ случаяхъ и выражается безразлично, что одинъ супругъ наследуетъ⁴¹⁷⁾ послѣ другого, но такое право наследованія есть особаго рода, которое во всякомъ случаѣ не даетъ пережившему супругу права представлять или заступать умершаго супруга, ибо по смыслу 1123 ст. т. X, ч. I. такимъ правомъ можетъ воспользоваться лишь лицо, соединенное съ умершимъ вотчинникомъ по кровному родству, а не по свойству; исключеніе изъ сего сдѣлано въ 1149 ст. только относительно наследства, открывшагося послѣ смерти отца умершаго мужа, если бы сей послѣдній при этомъ находился въ живыхъ, изъ такого имущества вдова не лишается указной части“...

Въ рѣш. 1905/96 Правительствующаго Сената еще разъ подтверждается, что право на указную долю не есть право наследованія.

Кромѣ того, въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената мы находимъ указанія и для разрѣшенія многихъ частныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ содержанія 1148—1161 ст. ст. т. X, ч. I.

Такъ, конфликтъ, возникшій между правомъ родителя дарителя на обратное полученіе подареннаго безплатно умершему сыну имущества и правомъ пережившаго супруга на выдѣлъ указной доли изъ этого имущества, Правительствующій Сенатъ разрѣшилъ въ пользу супруга вдовца, основываясь на томъ соображеніи, что право родителя-дарителя является правомъ преимущественнымъ лишь передъ боковыми родственниками умершаго, право же на выдѣлъ указной доли (1148 и 1153 ст. ст.) основывается на узаконеніяхъ, возникшихъ ранѣе тѣхъ законоположеній, которыя положены въ основаніе ст. ст. 1142 и 1144.

⁴¹⁷⁾ Здѣсь Сенатъ имѣетъ въ виду ссылку касатора на 1153 ст. т. X, ч. I.

и оставленныхъ въ силѣ при изданіи этихъ послѣднихъ (рѣш. Гр. К. Д. 1883/34).

Въ рѣшеніи того же 1883 г. № 32 содержится разъясненіе, что въ томъ случаѣ, когда послѣ умершаго мужа остались недвижимыя имѣнія, принадлежащія къ разнымъ родамъ, „изъ имѣній каждаго рода должна быть въ силу 1148 ст. т. X, ч. I. выдѣлена соразмѣрная часть на составленіе указанной доли“ и право вдовы на этотъ выдѣлъ не зависитъ отъ разрѣшенія споровъ между наследниками.

Относительно постановленія, содержащагося въ примѣчаніи къ статьѣ 1148, Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что можно завѣщать въ пожизненное владѣніе и часть родового имѣнія, и что хотя пожизненное владѣніе родовымъ имѣніемъ замѣняетъ по закону право на указную часть, но нигдѣ въ законѣ не выражено, чтобы это пожизненное владѣніе по стоимости своей непременно равнялось указной части (рѣш. 1890/42).

Ст. 1149 разъясняется Правительствующимъ Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что вообще пережившему супругу право представленія не принадлежитъ, исключеніе составляетъ ст. 1149. допускающая выдѣлъ указной доли изъ имущества умершаго свекра (см. выше рѣш. 1879/342); въ случаѣ, указанномъ ст. 1149, пережившій супругъ имѣетъ право на выдѣлъ, какъ изъ родового, такъ и благопріобрѣтеннаго имѣнія умершаго тестя или свекра (1884/23).

Основываясь на томъ положеніи, что общимъ правиломъ нашего законодательства является право каждаго на свободное распоряженіе своимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, что признаніе за пережившимъ супругомъ въ силу 1151 (и 1153) ст. права на выдѣлъ указной части изъ благопріобрѣтеннаго имущества тестя или свекра при жизни этихъ послѣднихъ явилось бы ограниченіемъ означеннаго права ихъ, Гр. К. Д. Правит. Сената, руководствуясь содержаніемъ и истолкованіемъ законоположеній 11 апрѣля 1785 г. (П. С. З. №№ 16187 и 16188) и ссылаясь на указъ Общаго Собранія Правительствующаго Сената отъ 17 апрѣля 1850 г., разъяснилъ ст. ст. 1151 и 1153 въ томъ смыслѣ, что при жизни тестя или свекра выдѣлъ указной доли пережившему супругу производится только изъ родового ихъ имѣнія (рѣш. 1868/369, 1884/23, 1897/68, см. подробности выше).

Постановленія ст. 1152 неоднократно служили предметомъ обсужденія Правительствующаго Сената.

Разъясняя содержание этой статьи, Правительствующий Сенатъ указываетъ, что пережившій супругъ для охраненія своего права и права своихъ наслѣдниковъ на указную долю долженъ заявить просьбу о выдѣлѣ ему указной доли (рѣш. Гр. К. Д. 1874/115, 850, 1878/255, 1888/95). Особенно подробно развиваетъ свой взглядъ Правительствующий Сенатъ въ рѣшеніи 1888/95. Наши гражданскіе законы—говоритъ онъ—не требуютъ обязательнаго утвержденія въ правахъ наслѣдства и таковое открывается для наслѣдниковъ одною силою событія смерти прежняго владѣльца и каждый изъ наслѣдниковъ, вступившій въ наслѣдство, однимъ фактическимъ владѣніемъ приобретаетъ права собственности на наслѣдственное имущество со всѣми присущими послѣднему правами распоряженія. Изъ этого общаго правила законъ устанавливаетъ только одно исключеніе, содержащееся въ ст. 1152 т. X, ч. I. „А какъ по 1153 ст. Зак. Гражд. мужъ послѣ жены наслѣдуетъ по тѣмъ же правиламъ, какъ и жена послѣ мужа, то вообще пережившій супругъ и его наслѣдники получаютъ право собственности на указную часть изъ имѣнія другого умершаго супруга только при условіи подачи овдовѣвшимъ супругомъ объ этомъ просьбы въ продолженіе своей жизни и только при соблюденіи этого условія, въ виду 6 п. 397 ст., т. X, ч. I, такой супругъ можетъ распорядиться этою частью въ своемъ духовномъ завѣщаніи“. Въ обоснованіе своего взгляда о необходимости просьбы о выдѣлѣ со стороны пережившаго супруга Правит. Сенатъ ссылается на историческое происхожденіе ст. 1152, ея источники и законоположенія, ее разъясняющія: указъ 14 марта 1782 г. по дѣлу Горяиновой (№ 15364), указъ 29 марта 1784 года (№ 15971), Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 15-го января—31-го марта 1817 г. (№ 26762), Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 16 іюня 1861 г. по дѣлу Озеровой. „Изъ совокупнаго соображенія всѣхъ приведенныхъ постановленій съ очевидностью обнаруживается—продолжаетъ Сенатъ—что наше законодательство, со времени предоставленія овдовѣвшему супругу права на полученіе въ собственность указной части изъ имѣнія другого умершаго супруга, постоянно и неуклонно держалось того начала, что такое право можетъ быть осуществлено не иначе, какъ положительнымъ заявленіемъ пережившаго супруга о своемъ желаніи воспользоваться этою указною частью въ собственность, и что безъ такого заявленія въ продолженіе

его жизни, въ глазахъ закона признается, что овдовѣвшій супругъ не имѣлъ намѣренія воспользоваться такимъ своимъ правомъ во всей полнотѣ, хотя бы и вступилъ въ пользованіе указною частью“. Такимъ образомъ фактическое владѣніе пережившимъ супругомъ указною частью—по мнѣнію Правительствующаго Сената—не достаточно для приобрѣтенія на нее правъ собственности. „Въ жизни весьма часто встрѣчаются не только такіе случаи, когда овдовѣвшій супругъ вступаетъ въ совместное пользованіе съ своими дѣтьми имѣніемъ другого, скончавшагося супруга, но когда дѣти предоставляютъ оставшемуся въ живыхъ родителю всецѣло хозяйственные въ такомъ имѣніи распоряженія: но изъ такихъ фактовъ нельзя вывести заключенія ни о томъ, чтобы овдовѣвшій супругъ выразилъ намѣреніе приобрѣсти указную часть въ свою собственность, ни о томъ, чтобы дѣти тѣмъ самымъ отступились отъ своихъ правъ законнаго наслѣдства“..

Относясь такъ строго къ необходимости подачи просьбы о выдѣлѣ указной доли, Правительствующий Сенатъ въ вопросѣ о томъ, куда должна быть подана эта просьба и въ какой формѣ заявлена—относится съ большою снисходительностью къ правамъ пережившаго супруга. Въ рядѣ рѣшеній онъ разъясняетъ, что законъ не устанавливаетъ ни порядка, ни формы для подачи такой просьбы и поэтому не представляется основаній требовать отъ пережившаго супруга какого-либо specialнаго заявленія о выдѣлѣ указной доли и подачи этого заявленія въ подлежащій судъ. Для охраненія правъ наслѣдниковъ достаточно самого факта подачи заявленія, хотя бы оно и не содержало въ себѣ specialной просьбы о выдѣлѣ указной доли или было изложено въ рапортѣ опекуному учрежденію, хотя бы оно при жизни просителя не было удовлетворено или даже въ удовлетвореніи его было отказано (см. рѣш. 1878/188, 255, 1882/101, 1893/97). Статья 1152, говоритъ Сенатъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ рѣшеній, требуетъ лишь положительнаго заявленія вдовы о намѣреніи приобрѣсти указную часть въ собственность, вслѣдствіе чего въ какое бы установленіе это заявленіе отъ нея ни послѣдовало, будетъ ли оно тѣмъ установленіемъ оставлено безъ уваженія или до смерти ея не разрѣшено, оно должно считаться законнымъ, если изъ него можно заключить о намѣреніи ея воспользоваться предоставленнымъ ей по закону правомъ“ (1910/89).

Въ послѣднемъ рѣшеніи Правительствующій Сенатъ болѣе благосклонно относится и къ возможности для пережившаго супруга приобрести право собственности на указанную часть безъ особой просьбы о выдѣлѣ ея, путемъ фактическаго осуществленія своего права, лишь бы намѣреніе пережившаго супруга приобрести указанную долю въ собственность и распоряженіе его на правѣ собственности были ясно установлены обстоятельствами дѣла (1910/89).

Далѣе въ разъясненіе содержанія ст. 1152 Правит. Сенатъ неоднократно указывалъ, что просьба о выдѣлѣ указанной доли не ограничивается общимъ срокомъ земской давности (1882/101, 1888/95 и др.), но это правило примѣнимо лишь въ томъ случаѣ, когда наследственное имущество перешло къ законнымъ преемникамъ умершаго супруга, если же наследственное имущество захвачено постороннимъ лицомъ, то необходимо предъявленіе къ этому послѣднему требованія о выдачѣ указанной доли въ теченіе общаго срока земской давности, такъ какъ третье лицо можетъ защищаться давностью владѣнія (1878/19).

Остановившись на значеніи выраженія „бездѣтная“ жена. Правительств. Сенатъ разъяснилъ, что при выдѣлѣ указанной части законъ не дѣлаетъ никакого различія между женою, у которой остались отъ брака съ умершимъ мужемъ дѣти и такою, у которой ихъ совсѣмъ не было или въ живыхъ не осталось. „Слово „бездѣтная“ опредѣляетъ не то положеніе, въ которомъ находилась вдова при кончинѣ мужа или во время вдовства своего, но то, въ которомъ она будетъ находиться въ то время, когда встѣдствіе кончины ея, откроется для наследниковъ ея право на оставшеся послѣ нея наследство, и что она имѣетъ въ виду отсутствіе въ это время дѣтей отъ брака съ тѣмъ мужемъ, изъ имущества котораго стѣдовала женѣ указанная часть“ (1882/101).

Въ поясненіе къ ст. 1153 Правительствующій Сенатъ указываетъ, что право собственности пережившаго мужа на имущество тестя возникаетъ по признаніи этого права судомъ, а не со дня смерти жены (1876/386).

На основаніи ст.ст. 1151, 1153 и 1154 пережившій супругъ получаетъ указанную долю изъ того только недвижимаго имѣнія тестя или свекра, которое дѣйствительно было въ его владѣніи въ день смерти его сына или дочери. Но въ томъ случаѣ, когда пережившій супругъ получаетъ указанную долю послѣ смерти тестя или свекра (на основ. 1149 ст.)—ст. 1154 не препятствуетъ

ему воспользоваться тѣмъ приращеніемъ, которое выпадаетъ на долю умершаго супруга встѣдствіе устраненія отъ наследованія другихъ сонаследниковъ (1884/23). Здѣсь Правит. Сенатъ признаетъ право приращенія не за пережившимъ супругомъ лично, а за долей умершаго супруга (*portio portioni accrescit*), благодаря чему увеличивается указанная доля пережившаго супруга¹¹⁸).

Относительно отвѣтственности пережившаго супруга по долгамъ умершаго, на основаніи рѣшеній 1868/563, 1879/171, 1880/35 и др. необходимо придти къ выводу, что Правит. Сенатъ возлагаетъ на пережившаго супруга неограниченную отвѣтственность по долгамъ умершаго по силѣ 1259 ст. т. X, ч. I Зак. Гр. Въ частности Сенатъ разъясняетъ, что отвѣтственность по долгамъ умершаго можетъ пасть на пережившаго супруга только соразмѣрно полученной имъ законной части наследства. Если даже пережившій супругъ владѣетъ всѣмъ имуществомъ умершаго, то и въ этомъ случаѣ онъ не отвѣчаетъ въ качествѣ единственнаго наследника; пережившій супругъ можетъ захватить все имущество въ свое фактическое владѣніе, но отвѣтственность его зависитъ отъ того, какимъ способомъ или на какихъ правахъ поступило къ нему означенное имущество (1868/563, 1877/151.)

Пережившій супругъ получаетъ $\frac{1}{2}$ часть въ недвижимости и $\frac{1}{4}$ часть въ движимости умершаго. Для того, чтобы опредѣлить дѣйствительный размѣръ отвѣтственности пережившаго супруга, необходимо оцѣнить долю его въ движимости и недвижимости умершаго и опредѣлить отношеніе ея къ цѣнности всего наследственнаго имущества. Последнее отношеніе и укажетъ, какая часть долговъ умершаго должна быть оплачена пережившимъ супругомъ (1879/171).

¹¹⁸ К. П. Побѣдоносцевъ неправильно толкуетъ приведенное рѣшеніе Сената. Онъ говоритъ, что указанная часть супруговъ не пользуется правомъ приращенія и, слѣдовательно, не увеличивается, какъ бы ни уменьшалось число наследниковъ по крови. Но это положеніе—по его мнѣнію—отвергается судебною практикою, при чемъ онъ ссылается и цитируетъ рѣш. 1884/23. См. Курскъ т. II, стр. 346 конецъ. Изъ содержанія же этого рѣшенія видно, что Сенатъ говоритъ не о правѣ приращенія вдовы и конкуренціи ея съ наследниками мужа, а о приращеніи доли ея покойнаго мужа встѣдствіе отреченія или смерти другихъ наследниковъ умершаго свекра, благодаря чему и увеличивается ея указанная доля.

ПРИЛОЖЕНІЯ

изъ печатной Кормчей *) къ стр. 62.

I. Закона градскаго главы различны въ čtyредесятихъ гранѣхъ.

Грань 5-я „о извѣщеніи брака“, глава 6: „Аще кто убогу жену законно пойметъ, и прежде ея умретъ: аще убо имать трое дѣтей мужъ ея, или отъ нея, или отъ первыя жены, четвертую часть богатства мужня возметъ: такоже убо, якоже не больше будетъ ста литръ злата число богатства, аще же и множайше боудеть дѣтей, толико отъ таковаго числа, повелѣваетъ взимати женѣ, елико же одному отъ дѣтей часть дается: сице же есть явѣ, яко потребу токмо о такомъ имѣніи женѣ имѣти, господство же тѣмъ дѣтемъ хранити, ихъ же отъ брака того мужа имать. аще же та жена дѣтей отъ него не имать, повелѣваемъ и господство праведно имѣти надъ имѣніемъ, еже отъ мужняго богатства къ ней приидеть“.

Грань 30-я „о наслѣдницѣхъ“, глава 19: „Егда скончается мужъ, или жена безъ завѣта, ни одинаго же отъ восходящихъ, и нисходящихъ, или отъ сущихъ отъ страны, или законнаго, или роднаго, не имѣста наслѣдника, тогда мужъ во все цѣло жены своея призывается наслѣдіе, и жена мужа своего да приѣмлетъ“.

II. Леона царя премудраго, и Константина вѣрною царю, главизны о совѣщаніи обрученія и о брацѣхъ, и о иныхъ различныхъ винахъ.

Зачатокъ 2-й, глава 4-я: „О наслѣдіи хотящимъ одному отъ нихъ безъ дѣтей умирающу“. — „Аще ли ключится женѣ безъ дѣтей преже мужа умрети, четвертую часть точію отъ всего яко

*) Славянскій текстъ напечатанъ общегражданскимъ алфавитомъ и въ заголовкахъ вмѣсто славянскихъ поставлены арабскія цифры.

же речено есть, исповѣданого отъ нея пристроя, въ своемъ приобрѣтеніи удержати ему и прочее полчетвертыя части такового пристроя, къ наслѣдникомъ вдати конечнаго ея обѣщанія, или къ не совѣщаннымъ нарицаемымъ ея наслѣдникомъ отдати. Аще ли мужъ, прежде своя жены бездѣтенъ умретъ, тако же на совершеное устроение, исповѣданного ему (отъ него) пристроя четвертую часть, прямо части такового пристроя, отъ оставшихся мужнихъ всякихъ вещей, воимя на приобрѣтеніе свое, воспринимати ей, и избывающее мужнее все имѣніе, или наслѣдникомъ отъ конечнаго совѣщанія, или не совѣщаннымъ приидеть“.

Зачатокъ 2-ой, глава 5-я: „О наслѣдїи единому ею умирающу дѣтемъ сущемъ, и о входящихъ во второе совокупленіе“.—„Аще ли дѣтемъ соушемъ, прежде своя жены мужъ умретъ, и женѣ, рекше тѣхъ матери содержателю, пристрою же ея и мужня имѣнія всего быти, и сею все дому сотворити. печаль же, людское явѣ строеніе, написаніемъ творящее; рекше своего же и оставяющагося отъ мужа ея яже всяко имѣяше богатство, съ лежащимъ на таковѣмъ написаніи, и пристроеныхъ ея вещей. аще ли суть ей виѣ пристроя, должнѣ сущи ей виѣшнюю пристрою показати дѣлы совѣщанными, яко сія внесе въ домъ мужа своего, и являются поумертвиши его, яко не могущимъ ея чадомъ противитися ей, или възискати унея отчи останки: противу убо всю честь и послушаніе, по божїей заповѣди яко матери приносити ей, явѣ должни суще, яко же подобаетъ родителемъ чада, казати же и брачными ризами украшати, и пристрою пояти яко же хочеть. аще ли склучится ей во ино сочетаніе приити и лѣтъ есть чадомъ ея отпустить ея, и вся отчи имѣ вещи безъ оскудѣнія приимати. принесенную же пристрою отъ нея ко отцу ихъ, точію споданую отъ него пристрою ея, возвращеніемъ въ дары подавшу оставити ей. аще ли дѣтемъ сущемъ, жена прежде мужа своего умретъ, рекше отцу чадомъ содержательнику пристроенія, и всего ея имѣнія быти, яко подѣ властію ихъ сущимъ, и тому всю печаль, дому строеніе, не могущимъ чадомъ противитися ему, или възискати отъ него матерне наслѣдіе: но противу тому убо и всяку честь и послушаніе, яко же подобаетъ родителема, творящимъ ему по писаному, дѣломъ и словомъ, чти отца твоего и мать твою да приидеть ти молитва отъ нею. молитва бо отца утвержаеть домъ, клятва же матерня искореняеть до осно-

ванія, тѣма бо пороженіи быша, и что има возраста, яко же они имѣ. сія бо извѣстуетъ, и Павелъ апостоль рече, чада послушайте родителя вашихъ, то бо есть праведно. и родителей не раздражайте чадъ вашихъ, но воспитывайте я въ наказаніи и ученіи господни. аще ли клучится ему приити воино сочетаніе, и чадомъ его не возрастшимъ, не разрушены у него матерни ихъ хранити вещи. аще ли въ законнѣ возрастѣ сїи будутъ, и ходятъ безъ смотрѣнія, таковыя ихъ продаяти вещи. аще ли восхочеть отъ малъжену (женитвы), или мужъ или жена безъ втораго брака отъ своихъ чадъ отъ ити не имущихъ возраста, нѣсть имѣ лѣтъ того сотворити: но творити тѣхъ печаль же и прилѣжаніе, яко же рече апостоль. яко вдовицы имущыя чада, или внучата, да навикнутъ первіе свой домъ благочестити, се бо есть приятно, и предѣ богомъ. аще ли суть въ возрастѣ, и суть совершени въ житіе придоша, и могутъ свое строеніе творити, и хочеть кто отъ родителя отъ ити отъ нихъ, то лѣтъ есть такому лицу судержаніемъ вещи единого дѣтища часть прияти, противу числу чадъ“.

Зачатокъ 2, гл. 6. „О брацѣхъ не написаныхъ и что подобаетъ наслѣдити не имущимъ женѣ“.—„Аще ли по тѣснотѣ, или смиреніемъ не возмощетъ кто, добрѣ приятнѣ, и написано составити брака, то и не написано да совѣщается женитва, не лукавно, совѣтомъ совокупающихъ лицъ родителейъ. или въ церкви благословенія ради, или предѣ други пятьми повелено бысть: но и како любо поймаю жену свободну, и поручая дому своего строеніе, и примѣсився ей плотію не написано, и совокупиться къ ней бракомъ: и аще не дѣтотворенія отъ нея искушеніе приимъ, ижденеть ю отъ совокупленія, иже къ себѣ безъ вины, закона не увиденѣ ею, то дати ей наустроеніе въ правду принесенныя отъ нея вещи, четвертую часть отъ имѣнія его. Аще ли кто совокупится соубогою женою законнымъ бракомъ, и умретъ мужъ безъ дѣтей, завѣта прияти женѣ отъ мужня останка забещадіе, четвертую часть, по силѣ мужа, яко литръ десять. и прочая прияти яко не совѣщанномъ его наслѣдникомъ, или несущимъ наслѣдникомъ, или часть людскую“.

Зачатокъ 7, гл. 2. „О чадѣхъ соущихъ подѣ властію, бездѣтей безсовѣщанія оумирающихъ наслѣдїи“.—„Аще сынъ или дщи, родителя сущема живома умрутъ, бесчадна и беззавѣщанія, братїи или сестрамъ единого отца, не единойже матерне имуща, тѣхъ наслѣдіе кродителемъ возвратити, и не лѣтъ есть

братіи глаголати что. аще ли родителю не будетъ, есть же дѣдъ или баба, купно одинаго отца и единая матере, братія да ю наслѣдуютъ. аще ли ни дѣда ни бабы, и одинаго отца, и единая матере, братія не будутъ умершему, и тогда отъ инога рода братія нанаслѣдіе да наступятъ. аще ли якоже речено есть не будетъ братіи, сутьже ближницы ближніи, да наслѣдуютъ аще ли ниближникъ будетъ, есть же жена умершаго, полчасти отъ всего имѣнія его да наслѣдитъ, а иная апостольская церковь и нищія да примутъ. аще ли нижены будетъ умершему, и тогда все имѣніе его, или апостольская церковь, или царское сокровище, или людскіи сохъмъ да приметъ“.

ПОСОБІЯ.

1. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. археогр. ком. т. т. I, V, VII.
2. Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку. Библиотека російская историч., ч. I, изд. 1767 г.
3. Лѣтописецъ, содержащій російскую исторію отъ 1206 до 1534 г.—продолженіе Несторова лѣтописца, изд. 1853 г.
4. Акты историческіе, т. I, изд. арх. ком.
5. Дополненія къ актамъ историческимъ, т. I, то же изд.
6. Акты юридическіе, изд. арх. ком.
7. Акты, относящіяся до юридическаго быта древней Россіи, т. т. I, II, то же изд.
8. Указы, дополнительные къ судебнику, изд. акад. наукъ 1768 г.
9. Судебникъ царя Теодора Иоанновича, изд. комис. печатанія государств. грамотъ и договоровъ, 1900 г.
10. Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 года, изд. истор.-филолог. факульт. Моск. Универ., 1907 г.
11. Максимовичъ—Указатель російскихъ гражданскихъ законовъ, т. I.
12. Владимірскій-Будановъ—Хрестоматія по исторіи русскаго права, т. т. I, II, III, изд. 1885, 1887, 1885 г.г.
13. Шумаковъ—Сотницы, грамоты и записи, вып. IV и V, 1909 и 1910 г.
14. Стоглавъ, изд. Кожанчикова 1863 г.
15. Печатная Кормчая (безъ заглавнаго листа).
16. Первое (1649 г.—12 декабря 1825 г.), второе (12 декабря 1825—1 марта 1881 г.) и третье (съ 1 марта 1881 г.) полное собраніе законовъ (П. С. З.).
17. Т. X, ч. I Св. Зак. Гр. изд. 1900 г., по прод. 1910 и 1912 г.г.
18. Рѣшенія Гражд. Кассац. Д-та, 2 изд. Ротенберга, 1911—1912 г.г.
19. Котошихинъ—О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, 1859 г.
- 19¹. Дильтей—Основныя начала вексельнаго права, а особливо російскаго купно и шведскаго, 4 изд., 1787 г.
20. Карамзинъ—Исторія Государства Россійскаго, т. т. I, II, IV, V, VIII, XII, изд. Смирдина и Евдокимова.

21. Рейцъ—Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, изд. съ примѣч. проф. Морошкина, 1836 года.
22. Ивановъ—Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ, съ историческимъ изложениемъ всего до нихъ относящагося, 1836 г.
23. Его же—Описаніе государственнаго разряднаго архива, 1842 г.
24. Неволнинъ—Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ. Полн. собр. соч., т. т. III, IV и V, изд. 1858 г.
25. Его же—О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи. Полн. собр. соч., т. VI.
26. Его же—О собраніи и ученомъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи—т. VI.
27. Спасовичъ—Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, 1857 г.
28. Чичеринъ—Опыты по исторіи русскаго права, 1858 г.
29. Бѣляевъ И. Д.—О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, 1858 г.
30. Его же—Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 1888 г.
31. Никольскій—О началахъ наслѣдованія въ древн. русскомъ правѣ, 1859 г.
32. Энгельманъ—О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву, 1859 г.
33. Бѣляевъ—Наказные списки Соборнаго Уложенія 1551 г. или Стоглава, 1863 г.
34. Калачевъ—Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, 1880 г.
35. Любавскій—Юридическія монографіи и изслѣдованія, т. I.
36. Зигель—Законникъ Стефана Душана, 1872 г.
37. Флоринскій—Памятники законодательной дѣятельности Душана царя сербовъ и грековъ, 1888 г.
38. Кавелинъ—Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ, 1879 г.
39. Его же—Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія, 1860 г. (собр. соч. 1900 г., т. IV).
40. Его же—Право наслѣдованія, Собр. соч. 1900 г. т. IV.
41. Павловъ—Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, 1869 г.
42. Его же—Сокращ. курсъ лекцій церковнаго права, 189⁵/₆ г. (литогр.).

43. Горчаковъ—Церковное право, лекціи (литогр.), 1896 г.
44. Суворовъ—Курсъ церковнаго права, 2 т., 1889—1890 г.г.
45. Голубинскій—Исторія русской церкви, т. I, 1900 г.
46. Чечулинъ—Города московскаго государства въ XVI в., 1889 г.
47. Дарестъ—Изслѣдованія по исторіи права, 1894 г.
48. Ковалевскій—Современный обычай и древній законъ, т. I, 1886 г.
49. Оршанскій—Изслѣдованія по русскому праву семейному и наслѣдственному, 1877 г.
50. Пахманъ—Исторія кодификаціи, т. II, 1880 г.
51. Мейчикъ—Грамоты XIV и XV в.в. Московскаго Архива Министерства Юстиціи, 1883 г.
52. Ф. Ланге—О правахъ собственности супруговъ по древне-русскому праву, 1886 г.
53. Ефименко А.—Изслѣдованія народной жизни, т. I, 1884 г.
54. Градовскій—Исторія мѣстнаго управленія (т. II, собр. соч. 1899—1901 г.)
55. Владимірскій-Будановъ—Обзоръ исторіи русскаго права, 4 изд., 1905 г.
56. Сергѣевичъ—Лекціи и изслѣдованія, 4 изд., 1910 г.
57. Его же—Русскія юридическія древности, 3 тома.
58. Дьяконовъ—Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, I, 1907 г.
59. Его же—Власть московскихъ государей, 1889 г.
60. Кассо—Преимство наслѣдника въ обязательствахъ наслѣдодателя, 1895 г.
61. Дебольскій—Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка, 1903 г.
62. Бѣляевъ И.—Историческія основы и юридическая природа современнаго русскаго завѣщанія, 1903 г.
63. Синайскій—Личное и имущественное положеніе замужней женщины въ гражданскомъ правѣ, 1910 г.
64. Фрейтагъ-Лоринговенъ—Наслѣдованіе въ крестьянской недвижимости по германскому праву, I, 1910 г.
65. Ключевскій—Курсъ русской исторіи, т. II, III, 1906, 1908 г.г.
66. Платоновъ—Лекціи, изд. 5.
67. Милюковъ—Очерки по исторіи русской культуры, I, изд. 5.
68. П.-Сильванскій—Феодализмъ въ удѣльной Руси, 1910 г.
69. Рожковъ—Сельское хозяйство московской Руси въ XVI в., 1899 г.

70. Мейеръ—Русское гражданское право, 9 изд. 1910 г.
71. Его-же—Древнее русское право залога—юридическій сборн. Мейера, 1855 г.
72. Дювернуа—Изъ курса лекцій по гражданскому праву, 1895 г.
73. Его-же—Чтенія по гражданскому праву, вып. I и II, 1902 г.
74. Побѣдоносцевъ—Курсъ гражданского права, II, 1896 г.
75. Шершеневичъ—Учебн. русск. гражданск. права, 6 изд., 1907 г.
76. Анненковъ—Система русскаго гражданскаго права, т. VI, изд. 1909 г.
77. Гуляевъ—Русское гражданское право, 3 изд., 1912 г.
78. Гойхбаргъ—Законъ о расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женск. пола и завѣщанія родовыхъ имѣній, I изд.
79. Зомъ—Институціи, II, изд. 1910 г.
80. Бернгейтъ и Колеръ—Современное гражданское право Германіи, 1910 г.
81. Дернбургъ—Пандекты, III. Наслѣдственное право, изд. 1911 г.
82. Книдяковъ—Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ. Юридич. сборн. Мейера, 1855, г.
83. Станиславскій—Исслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнихъ памятникахъ русскаго законодательства. Юридич. сборн. Мейера.
84. Лавровъ—Вопросъ Мейера о правѣ наслѣдованія вдовы и отвѣтственность ея въ долгахъ мужа. Журн. Мин. Юст., 1863 г., IX.
85. Азаревичъ—О наслѣдованіи родственниковъ бездѣтной вдовы въ указной части—Журн. Граждан. и Уголовн. Права, 1880 г., IV.
86. Тютрюмовъ—Семейныя отношенія. По поводу пересмотра гражданскихъ законовъ. Русское Богатство, 1884 г., IV—V.
87. Загоровскій—Личныя и имущественныя отношенія между супругами. Русская Мысль, 1897 г., I, IV.
88. Башмаковъ—Долговая отвѣтственность наслѣдника. Журн. Мин. Юст., 1902 г., II.
89. Ильяшенко—О правѣ наслѣдованія супруговъ съ точки зрѣнія будущаго Гражданскаго Уложенія. Вѣстн. Права, 1902 г., IV—V.
90. Курдиновскій—Выморочныя имущества. Журн. Мин. Юст. 1902 г., V—VIII.

91. Змирловъ—Журналь Мин. Юстиціи, 1911 г., I—Хроника.
92. Товстолѣсъ—Наслѣдованіе супруговъ по русскому праву въ связи съ проектомъ Гражданскаго Уложенія. Журн. Мин. Юст., 1911 г., V.
93. Лапицкій—Указная доля супруги. Вопросы Права, 1912 г. X (2).
94. Шварцбургъ—По поводу закона 3 іюня 1912 г. Право, 1912 г., № 50.
95. Рязановскій—О силѣ и значеніи ст. 1063¹ т. X, ч. I. Право, 1913 г., № 10.
96. Corpus juris civilis, 3 partes; editio fr. Kriegelii, Hermanni, Osenbrüggen, Lipsiae, 1868.
97. Iurisprudentiae anteiustinianae quae supersunt, editio Huschke. Lipsiae, 1867.
98. *Ἐκλογή τῶν νόμων ἐν συντόμοι γενομένη*., ed. Zachariae von Lingenthal: Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Lipsiae, 1852.
99. Der Sachsenspiegel, (Landrecht). 9 изд. Weiske, 1911 г.
100. Des Schwabenspiegels Landrechtsbüch. 2 изд. Gengler, 1875.
101. Code civile. Изд. Dalloz.
102. Codice civile del regno d'Italia, изд. Bocca.
103. Das oesterreichische allgemeine bürgerliche Gesetzbuch, изд. Herzfeld.
104. Bürgerliches Gesetzbuch für das deutsche Reich, изд. Heimann.
105. Schweizerisches Zivilgesetzbuch, изд. Stuber.
106. Vangerow—Lehrbuch der Pandecten, B. II, 1867.
107. Arnds—Lehrbuch der Pandecten, 1870.
108. Koeppen—Lehrbuch des heutigen römischen Erbrechts. 1895.
109. Windscheid—Lehrbuch des Pandectenrechts, 9 изд.
110. Girard—Manuel élémentaire de droit romain, 1911.
111. Ferrini—Manuale di Pandette, 1908.
112. O. Stobbe—Handbuch des deutschen Privatrechts, B. V, 1885.
113. Heussler—Institutionen des deutschen Privatrechts, B. I и II, 1885 и 1886.
114. Schröder—Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 7 изд.
115. Unger—System des oesterreichischen allgemeinen Privatrechts, B. VI, 1871.
116. Kipp—Das Erbrecht, 1911 (Lehrbuch des bürgerlichen rechts von Eneccerus, Wolf und Kipp.).
117. Viollet—Histoire du droit civile française, 1905.
118. Planiol—Traité élémentaire de droit civile, III, 1910.

Замѣченныя въ текстѣ опечатки и погрѣшности.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
20	3	вотчинъ своихъ мимо вотчинъ не продавати	вотчинъ своихъ мимо вотчинъ не продавати
25	прим. 67	Неволинъ, т. I, § 164	Неволинъ, т. III, § 164
50	29	ius accrescendi.	ius accrescendi.
82	5	приданого мужъ жены	приданого жены мужъ
86	10	Упоминаніе въ купчей жены и дѣтей	Упоминаніе въ купчей о женѣ и дѣтяхъ
97	2	подъ вліяніетъ	подъ вліяніемъ
106	11	терятъ	теряетъ
109	примѣч.	Авенковъ	Анненковъ
111	10	по уложенію	по Уложенію
134	28	successio	successio
169	{ примѣч. конецъ.	преемники въ опредѣ- ленныхъ вещахъ или правахъ должны	преемники въ опредѣ- ленныхъ вещахъ или правахъ на вещи должны
182	8—9	въ собственность другимъ лицомъ	въ собственность другимъ лицамъ
190	прим. 407	если не только просьба	если только просьба
203	7	указанной доли	указной доли